

17-18

Karta

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВООЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

ВЛАСТЬ И ЕДИНИЦА

Российский независимый
исторический и
правозащитный журнал

Адрес:
390000, Россия,
г. Рязань,
пл. Костюшко, 3.
Для писем:
390000, Россия,
Рязань-центр, а/я 20.
Телефон: (0912) 77-51-17.
E-mail: karta@glasnet.ru
http://www.glasnet.ru/~hronline

Учредитель:
Редакция независимой
газеты "Рязанский вестник".
Журнал зарегистрирован
Министерством печати и
информации 29.12.1992.
Свидетельство о регистрации
№ 01949.

Главный редактор
Андрей Блинушов
Редакция:
Юлия Серёда
Сергей Романов
Олег Шубин
Вадим Шубин
Петр Митцнер
Виктор Лозинский

Мнения авторов не
обязательно совпадают с
точкой зрения редакции.
Сохранность рукописей,
фотоматериалов и документов
гарантируется.
По вопросам подписки на
"Карту" обращаться
в редакцию.

Над номером работали:
А. Блинушов, В. Лозинский,
С. Романов, В. Поспелов
М. Серёда, Ю. Серёда.

Отпечатано ТОО "СЕРВИС"
Рязань,
ул. Интернациональная,
д. 1 "Г".

Заказ N 20.
Печать
офсетная.
Тираж
2000 экз.
Подписано
в печать
12.06.1997

Российская "КАРТА" основана в ноябре 1992 года по инициативе польского
независимого исторического журнала "КАРТА", выходящего с января 1982
года, и рязанского общества "МЕМОРИАЛ", учрежденного в октябре 1989
года.

Этот номер "Карты" подготовлен при поддержке
Программы "Мирная Голландия" - Голландского общества
Дружества Клуба друзей Независимости

В НОМЕРЕ:

М. НОВИЦКИ Власть и единица Материалы Варшавского Хельсинкского Фонда по Правам Человека	3
Опасная тенденция нарушения законов в Российской Федерации Информация по делу Александра Никитина	16
"Надо довести работу до конца..." Интервью с А. Никитиным	22
И. КОТОВА, И. САВЧУК, В. ЖУРАВСКИЙ Как осужденный может защитить свои права Методический материал	25
Л. АЛЕКСЕЕВА Социалисты Из "Истории инакомыслия в СССР"	44
"СССР. Комитет Государственной Безопасности..." Из истории инакомыслия. "Группа Краснопевцева"	44
"Не этому меня десять лет в комсомоле учили!" Интервью с М.С. Гольдманом, членом "группы Краснопевцева"	46
Л. КРАСНОПЕВЦЕВ Основные моменты развития русского революционного движения в 1861-1905 годах Фрагмент рукописи 1957 г.	57
"У нас была своя точка зрения" Интервью с Л.Н. Краснопевцевым	65
М. ЧЕШКОВ "Нас взяли посередине реки..." О "группе Краснопевцева"	71
В. МЕНЬШИКОВ Мысли по поводу... О "группе Краснопевцева"	72
"Закрытие от комсомольской организации..." Фрагменты протоколов заседаний комитета ВЛКСМ МГУ по делу "группы Краснопевцева"	79
А. ШЕРЕНАС Уроки военного дела Литовский мальчик на спецпоселении	84
П. СИХРОВСКИ Рожденные виновными Исповеди детей нацистов	88
С. ПЛЮЩЕНКОВ АнгарЛАГ ("Ангарстрой") Строительство № 120 НКВД СССР. Организационные моменты	100
Расположение колонн АнгарЛАГа вдоль трассы Братск-Лена	101
Карта-схема железной дороги Братск-Лена АнгарЛАГа	104
И. СИДОРОВ "Химическая" история Трагедия в Свердловске (18 лет спустя) Почта "Карты"	106
А. ЯШИН Марфа и Саша Почта "Карты"	108
"Human Rights Online" Презентация проекта	110

Редакция уведомляет подписчиков о том, что "Карта" № 16 вышла в свет на английском языке.
По содержанию номер идентичен специальному выпуску "Карты" № 15 — "Чечня в моем сердце".

Марек НОВИЦКИ

Власть и единица

Редакция "Карты" продолжает публикацию материалов крупнейших европейских экспертов в области прав человека. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей изложение лекции президента Хельсинкского Фонда Прав Человека (Варшава) господина Марек Новицкого.

Профессор Марек Новицкий. Варшавский Хельсинкский Фонд Прав Человека.

ФОТО ЯКУБА УРЛИХА

что ограничивает власть большинства.

Я говорю прав и свобод. Существует европейская конвенция по правам и свободам человека. Чем отличаются права и свободы? Если я говорю, что у меня есть право на что-то, это значит, что те, у кого есть власть, должны поработать и сделать что-то для меня. Если бы имелось право на работу, то это означало бы, что царь-батюшка или Президент, парламент, министры должны пора-

...Нашу лекцию я хочу составить из двух частей. В первой части я коротко расскажу, как мы начинаем работу в области прав человека, как мы встречаемся с людьми, которые вообще ничего не знают о правах человека, и если это первая встреча, то о чем мы тогда с ними говорим. И это, по-моему, потому важно, что многие докладчики, которые приезжают к нам из стран Запада, не до конца, не всегда понимают, какие у нас проблемы с либеральным пониманием прав человека.

Потом, во второй части, я хочу вам рассказать о том, чем мы занимаемся в области просвещения и исследования, и показать те проблемы, с которыми мы встретились во время попыток обучения правам человека в странах Восточной и Центральной Европы.

Когда встречаешься с людьми, первое, что нужно сделать — это определить основные понятия. К нам часто приходят журналисты и говорят: "Вроде есть уже демократия, в чем же заключается ваша работа? Зачем нужны права человека?" Они понимают, что демократия — это когда управляет большинство. Это чистое заблуждение. Это уже было когда-то, и результатом этого было то, что большинство забывает о проблемах отдельных людей — меньшинств. Появлялись очень серьезные проблемы с защитой отдельных людей.

Это не так, что депутат в Думе может поднять руку и сказать, что завтра мы вешаем всех цыган или выгоняем татар из Крыма, или что мы возьмем машины у людей, у которых есть машины, и землю у тех, у кого есть земля. Эта власть не такая большая, власть ограниченная. Состав прав и свобод отдельных лиц — это как раз то,

что ограничивает власть большинства. Если же у меня есть свобода на что-то, это значит, что есть такой район в моей жизни, в который те, у кого есть власть, не должны вмешиваться. Мое право — это обязанность власти что-то сделать, моя свобода — это запрет ей действовать в какой-либо области.

Если у меня есть право на что-то, значит, есть обязанность у власти. Если же у меня есть свобода на что-то, это значит, что есть такой район в моей жизни, в который те, у кого есть власть, не должны вмешиваться. Мое право — это обязанность власти что-то сделать, моя свобода — это запрет ей действовать в какой-либо области.

Часто к нам приходят люди и говорят: "Вы занимаетесь правами человека, помогите мне, меня жена бьет, или — погода нехорошая, или — денег у меня нет". Это не проблемы прав человека. Права человека — это только то, что происходит между властью и единицей, это не проблемы соотношения между единицами: мной и моей женой, соседом, ребенком.

Права человека — это только когда с одной стороны — власть, а с другой — человек, подчиненный этой власти. В каком-то смысле можно употреблять язык прав человека в отношениях между школьником и директором, родителем и ребенком, потому что здесь тоже есть какая-то власть, но отношения между равноправными партнерами не могут быть описаны на языке прав человека. Были

такие попытки, но они оказались неудачными. И теперь, если кто-то говорит о правах человека, то он имеет в виду отношения единица-власть.

Если строить теорию прав человека, то нужно взять за основу какие-то понятия. Никакой науки нельзя построить, пока не приняты основные понятия. Нельзя построить физики, если не принять того, что все понимают, что есть время, длина, масса. А потом уже определить, что такое скорость, ускорение и прочее. Нельзя построить математики, пока не дано точное определение, что такое множество. А потом на основе этого можно строить математику.

Так, основным понятием теории прав человека является **человеческое достоинство**. Я не в состоянии дать этому понятию четкое определение. Это — достоинство, которое есть у всех. И у ребенка, который только что родился, и у того, кто сидит в тюрьме. Потому что они — люди. Как это получается? Объясняется по-разному.

Например, для христиан. Они будут думать согласно трудам святого Томаса, где говорится, что человек похож на своего Бога и из этого получается, что часть достоинства Бога переходит к человеку. Кто-то может перенести это человеческое достоинство из другой религии, но интересно то, что если пройти этот путь, то получается список прав и свобод, который мало зависит от того, какую религию мы взяли вначале за оправдание этого человеческого достоинства.

Я не до конца понимаю, как это получается, что права человека одинаковы и что они слабо зависят от философии и религии, но такое явление можно зафиксировать. Еще имеется другое понятие — **личное достоинство**. Это достоинство появляется и растет у человека, когда он хорошо ведет себя. Если он поступит плохо, он может его потерять. Но не об этом речь. Речь идет о человеческом достоинстве, которое есть у всех нас. Права человека — это соотношения человек-власть. История знает три способа, как эти отношения можно организовать.

Первый способ. Власть дарит какие-то права и свободы подчиненным гражданам. Власть — хорошая, добрая, и вот она нам подарила свободу высказывания, свободу совести и т. д. На таком принципе были основаны все коммунистические конституции. Например, конституция 1831 года. Итак, **первый тип мышления: наши права — это подарок власти**.

Есть и другой подход, связанный с мышлением французской революции. Он появляется в Европе в конце 18 века. Это — **общественный договор**. Есть люди, и есть власть. И люди, и власть говорят: "Давайте договоримся. Я, человек, буду что-то делать для власти. Например, если будет надо, пойду на войну или буду оплачивать налоги. А власть будет делать что-то для меня — гарантировать мои права и защищать мою свободу".

И такой договор оптимален и для власти, и для людей. Это **второй тип мышления**.

Есть еще и **третий тип**. Он появляется тоже в конце 18 века в США, где **люди приходят к выводу, что хорошо было бы организовать государство**. Государства нет, и надо его создать. У людей есть права и свободы, которые возникают из их человеческого достоинства, потому что люди — это люди. Итак, люди организуют государство, и чтобы оно вообще могло действовать, они передают ему часть некоторых своих прав и свобод. То есть ограничивают свои права и свободы. К примеру, человек ограничивает свое право на собственность и оплачивает налоги, потому что если у государства не будет денег, оно не сможет действовать. Или приходят к выводу, что если надо будет умирать за родину — пойдут умирать за нее, поскольку страна без защиты существовать не сможет. **При этой системе у власти есть столько прав, сколько ей передали люди**. В отличие от первого типа мышления, где у людей было столько прав и свобод, сколько царь-батюшка им дал.

Посередине — договор равных партнеров. И это не есть чистая теория. В школе по правам человека мы даем студентам примеры, объясняем какой-то случай, какое-то событие, даем им юридическую норму и обсуждаем, как нужно решить проблему, используя этот закон. Исходя из мышления, что у власти столько прав, сколько люди ей дали, а у людей столько прав, сколько им дала власть. Это и есть договор. Решения получаются разные, в зависимости от того, как мы думаем.

Из понятия человеческого достоинства выводятся два основных понятия: **свобода и равенство**. И опять появляются проблемы. Включаете вы телевизор, и там появляется какой-то политик и говорит, что он любит равенство, он — за равенство. Тогда нужно посмотреть, какой партийный билет у него в кармане, потому что от этого зависит то, о чем он говорит вообще. Если этот политик — **коммунист**, то он представляет мышление, которым было переполнено польское телевидение лет 15-20 тому назад. Это была такая толстая баба, которая часто выступала и говорила: "**Ведь у всех те же самые желудки, все должны получать одно и то же. Равенство — условие жизни**".

Если о равенстве говорит **социалист** (я имею в виду социалистов Западной Европы), он думает, что у людей должны быть равные шансы, одинаковые возможности. Потом один будет много работать, заработает много денег и займет высокий пост. Другой не сможет, и жить ему будет хуже. Но вначале нужно **дать одинаковые возможности всем**. Это равенство с точки зрения социалиста. Но нельзя забывать, что если зайти слишком далеко, могут начаться проблемы. В начале двадцатого века европейские социалисты пришли к выводу, что не нужны законы о наследстве. Если ваш отец был способ-

ный, много работал, получал большие деньги, а мой ленился и работать не хотел, то получается, что у вас, как его наследника — много денег, а у меня нет. Почему вам должно быть легче? Может быть, надо выбросить законы о наследстве? Но мы чувствуем сразу, что зашли слишком далеко.

И есть третий тип понимания равенства. Это либеральный тип. Для либералов равенство — это равенство законов и равенство первенства. Равенство законов — это понятие, очень близкое к запретам дискриминации. Это буквально то же самое. Что такое запрет дискриминации? Это запрет необоснованного биологически сильного различия людей. Пример: закон, который говорит, что татарин или блондинка не могут водить машину, — это дискриминация татар и прекрасных блондинок. Но закон, который говорит, что слепой не может водить машину, — это не дискриминация, потому что имеется сильное физиологическое обоснование этого закона. И разные документы по правам человека, разные международные конвенции о правах человека перечисляют разные черты, по которым не допускается различать людей по национальностям, религиям, и прочее, и прочее.

В коммунистических конституциях никогда не появляется запрет дискриминации по поводу политических взглядов. Потому что система была такого типа, что этого запрета внести было нельзя. Я не буду развивать эту проблему. Если законодательство запрещает дискриминацию, там не будет таких слов как мужчина, женщина, татарин, русский, поляк, православный, католик и т.д. Если появляются в законах слова такого типа, то уже включается звонок: "Очень вероятно, что такой закон — дискриминация". Едва ли можно оправдать введение в законодательство таких слов.

В Польше у нас есть целая куча проблем с дискриминацией. Возьмем самый простой пример: мужчина-женщина. Я не знаю, как в других странах, а у нас есть такой закон, что женщина может уйти на пенсию, когда ей исполнится 60, а мужчина, когда 65. Это вообще непонятно. Женщины не только более хорошие и правильные, чем мужчины, но они и живут дольше, они более здоровы. И почему они уходят на пенсию раньше — непонятно. Во-вторых, в Польше молодой человек может жениться, когда ему исполнится 21 год, а девушка может выйти замуж в 18. Откуда эта разница? Я посмотрел, что говорилось в нашем парламенте для принятия этого закона. Оправдание было такое, что представители армии говорили, что у них есть проблемы с женатыми молодыми людьми, идущими в армию. Они очень хотят вернуться домой. Значит, нужно поднять возраст, в котором молодые люди могут жениться, и проблемы не будет. В нашем законодательстве есть и совсем дурные запреты: женщина в Польше не может водить автобус, а только трамвай. Несколько лет назад,

когда начиналась война в Персидском заливе, я поехал на какую-то конференцию по правам человека. Там местные жители организовали манифестацию у американского посольства, чтобы эти ужасные американцы не беспокоили прекрасного Хуссейна. Я пошел посмотреть (я люблю смотреть на такие авантюры) и увидел, как норвежская полиция разгоняет эту манифестацию. Это были такие большие лошади, у них были пластиковые прозрачные шлемы на головах. На лошадях восседали полицейские в таких же шлемах. Это были как мужчины, так и женщины. Вы бы видели, как эти дамы работали дубинками! Прелесть! В Польше в это время в подобных подразделениях полиции женщин не было. Видно было, что это чистейшая ерунда. Справляются великолепно. Я мог бы продолжать, но я думаю, что даже закон, который говорит, что женщина, родившая ребенка, имеет право на какой-то дополнительный отпуск, если заформулировать его так, что любой человек, который родил ребенка, имеет право на дополнительный отпуск, то ничего плохого из этого не получилось бы.

Итак, я говорил о равенстве прав с точки зрения либералов.

Есть другой вопрос — равенство перед законом. Чтобы суд, чиновник относились одинаково ко всем людям. И этого не получается. Нигде в мире не получилось организовать такой системы, чтобы и богатый, и бедный человек, если их поставят перед судом, имели равные возможности. У богатого всегда адвокаты будут получше. Можно применять разные способы, чтобы уменьшить эту проблему, но до сих пор никому в мире не удалось полностью ее решить.

Это было несколько слов о проблеме равенства, о трех типах понимания равенства: равные желудки, равные возможности и равные законы.

Второе понятие, которое непосредственно вытекает из понятия человеческого достоинства, это понятие свободы. И здесь опять появляются проблемы. Потому что слово "свобода" для разных людей может означать совсем разные вещи. Это имеет исторические корни. Просто в конце 18 столетия, когда в самом деле начинаются разговоры о правах человека, в Америке была такая обстановка, что люди шли на запад, где было сколько угодно свободной земли (если, конечно, не вспоминать об индейцах). И зачем людям было нужно государство? Государство нужно было для того, чтобы, во-первых, оно защищало от внешнего врага — значит, организовало бы армию, во-вторых, чтобы оно защищало от внутреннего врага (преступников) — организовало бы шерифа, который будет меня защищать от бандита. И, в-третьих, нужно было организовать судебную систему, чтобы судья осудил, повесил этого бандита. И ничего больше. Любые более широкие действия государства только ограничили бы возможности людей развиваться в

то время. Чем меньше прав у государства, тем лучше я могу развиваться, тем лучше мне будет жить. Здесь вылетает проблема счастья. В Декларации Независимости США уже появляется право стремиться к счастью. Но стремиться к счастью, не мешая другому.

В это же время обстановка в Европе совсем другая. Нет свободной земли. Люди работают на земле, которая принадлежит другим лицам, люди подчинены экономической, а иногда и судебной власти. И люди думают: "Эх, если бы царь-батюшка знал, что эти сволочи со мной делают, он бы пришел и дал мне свободу." И появляется ожидание того, что государство даст мне свободу, что свобода не от государства, а через государство. Что самая безухая власть придет и даст мне свободу от тех, кто угнетает меня непосредственно. Это совсем другое понимание свободы. И если посмотреть на законы Французской революции, с этим связан совершенно другой подход к счастью. Право на счастье. Не право стремиться к счастью, а право на счастье. Это значит, что государство должно сделать меня счастливым. Но уже потом историки узнали, что несколько раз власть приходила к выводу, что она знает, что нужно сделать, и даже пыталась сделать счастливыми людей. Каждый раз получалось что-то не очень хорошо.

Итак, если мы говорим о правах человека, мы употребляем понятия свободы и равенства с либеральной точки зрения.

Еще одно очень важное понятие для прав человека — это понятие правового государства. Это понятие тоже всегда появляется в начале разговора. Особенно в некоторых странах, которые появились после распада СССР. И в других странах бывают большие проблемы с тем, что это определение очень трудно для понимания. Самое простое определение (а я знаю их около 70): правовое государство — это такое государство, в котором человек может с большой вероятностью сказать, как ответит государство на его действия. То есть, если я сделаю что-то, то ответ государства будет именно таким, а не каким-либо еще. Эти законы взаимодействия государства и единицы понятны и однозначны. Нет проблемы с тем, что если я сделаю что-то, то один Бог знает, что в ответ на это сделает чиновник. Если я сделаю А, то чиновник сделает В, а не С и не D. Это — правовое государство.

Я часто использую такой довольно простой пример из истории Индии. Англичане запретили жителям Индии варить соль. И когда-то на берегу сели 10 индусов и стали, не скрываясь, варить соль. Пришли полицейские, взяли их за уши и отвели в тюрьму. Через день на берегу океана сели 100 индусов и стали варить соль. Пришли полицейские и отвели их в тюрьму. На следующий день на берегу сели 10000 индусов и стали варить соль. Англичане отменили закон. Почему? Потому что невозможно посадить такое количество людей в тюрьму. И они

все варили соль, поэтому нельзя было одного посадить в тюрьму, а другого не посадить. Значит, такой закон действовать не может, потому что это нарушает принцип правового государства, а Великобритания была правовым государством. А как это произошло бы в коммунистической стране? В первый день, когда сидели 10 индусов, пришли бы милиционеры, всех избили, 6-х посадили бы в тюрьму, а 4-х отправили домой, и все бы думали: "Черт их знает, почему они их отпустили?" А еще дополнительно посадили бы в тюрьму 3-х человек, которых вообще не было на берегу океана, чтобы все боялись. Неизвестно, варю я соль или нет, если власть захочет — посадит, не захочет — не посадит. Потому что коммунистическая страна — не правовое государство, и это очень важно для защиты прав человека.

У нас в последнее время были очень странные законы. Например, кто-то собирал деньги, чтобы поехать в Германию и купить себе машину. Наконец-то собрал, поехал, купил машину, приехал на границу и здесь узнал, что таможенный налог вчера стал в 10 раз больше. И деться ему некуда, и вообще ему проще выбросить эту машину, чем платить. Это тоже не правовое государство — человек не знает, что сделает власть, что произойдет в будущем. Проблема правового государства касается не только полиции и уголовного законодательства, но еще и ежедневной жизни. Мы должны знать законы и верить, что государство будет их соблюдать.

Еще одна очевидная проблема, которая тоже возникает довольно часто. В большинстве наших конституций права и обязанности появляются вместе. Вот часть польской конституции, которая говорит о моих правах. Она называется: "Права и обязанности граждан". И школьные законы говорят: "Права и обязанности ученика". Под этим подразумевается, что если ты будешь выполнять свои обязанности, то мы, власть, будем гарантировать твои права. С точки зрения прав человека это чистейшая ерунда. Почему? Мои права и свободы есть у меня потому, что я — человек. Они возникают из моего человеческого достоинства. Мои обязанности перед государством действительно есть, но это совсем другая проблема. Они — результат того, какое государство мы построили, какие права мы ему передали. Здесь нет этих философских основ, и у меня есть права и свободы независимо от того, выполняю я свои обязанности или нет. Государство может меня наказать, если я не буду этого делать, но права от этого не зависят.

Если уж говорить об обязанностях (я ухожу в сторону, это не относится к правам человека), то можно очень коротко сказать, сколько этих обязанностей. Их всего-навсего четыре. **Первая обязанность — это платить налоги.** Если я не буду оплачивать налоги, то государство не сможет выполнять свои основные действия: организовывать армию, полицию, суд. **Вторая обязан-**

взять "калашникова" и пойти стрелять. Защищать можно по-разному, но это моя обязанность — включиться каким-то образом в защиту родины. С третьей обязанностью уже более сложно. Некоторые говорят, и они не правы, что гражданин должен выполнять закон. Это не так. Гражданин имеет право нарушать закон. Я думаю, что большинство из нас в коммунистическое время нарушали закон. Все революции, вся подпольная деятельность — это было нарушением закона. Но я, когда нарушал законы моей страны, чувствовал, что я выполняю гражданский долг, что мне надо нарушать эти законы, и это справедливо. Но это было чуть-чуть по-другому, потому что я думал, что правительство, которое было в моей стране, — это не мое правительство, что моей страной управляет кто-то не тот. А здесь речь идет о демократической стране. Тут тоже можно нарушать законы, но это целая теория сопротивления незаконной власти. И если я чувствую, что я здесь живу, что это **моя** страна, что это демократически исправная власть, но в моей стране есть какой-то закон, с которым я не согласен, мне он не нравится, я думаю, что он аморальный и что он вреден людям, тогда я могу пойти и официально стать нарушителем этого закона, но **моя обязанность** — **подчиниться решению суда**. Это — моя гражданская обязанность. А другие будут смотреть, что я сижу в тюрьме, все больше и больше людей будут обращать на это внимание, будут выступать против этого закона, и закон поменяется. Мы не скрываемся, мы нарушаем законы, которые считаем плохими, но подчиняемся решению нашего суда. Многие из нас скрывались, но у нас было оправдание, большинство из нас думало, что правительство наших стран — это не наше правительство, и это оправдывало то, что мы не шли в тюрьму, а просто пытались спрятаться.

И последняя, **четвертая гражданская обязанность**. Это уже просто. **Свергнуть власть, которая нарушает права человека**. Если путем демократических выборов или каким-то другим путем к власти пришли люди, которые нарушали права граждан, которые действовали в свою пользу, а не служили людям, то нужно свергнуть такую власть. Это тоже обязанность гражданина. И интересно то, что в первом варианте французской конституции появляется эта обязанность гражданина свергнуть власть, которая начнет служить самой себе, а не гражданам. Потом, со временем, это исчезает, и сейчас во французской конституции этого уже нет.

Это были все гражданские обязанности. Больше никаких нет. Есть обязанности по отношению к жене, к соседу, но это уже другой тип обязанностей.

Очевидная проблема, которая часто появляется, когда мы говорим о праве на справедливый суд, о свободе высказывания и прочем. Люди, которые приходят к правозащитникам, говорят о праве на труд, о праве на квартиру, о социальных правах. А социальные права —

это что-то совсем другое. Личные, гражданские права возникают из человеческого достоинства, а социальные права — это результат общественного договора. Господа министры, депутаты, президенты очень тяжело работают, зарабатывают деньги, а потом с полочки хотят дать нам эти деньги, построить школы, квартиры. Мы зарабатываем деньги и непосредственно оплачиваем налоги. И когда мы говорим в Центральной и Восточной Европе о том, какие права должны быть у граждан, надо бы сделать это честно и спросить у людей, чего они хотят. Вы заработали 1000\$ и в конце месяца получили их зарплатой. Вы сейчас можете взять 100\$ из этих денег и отдать государству, и ожидать, что когда придется отдать ребенка в школу, то государство будет платить за обучение. Я могу отдать еще 100\$, а могу сказать, что я не дам, и если придется учить ребенка, я сам буду платить за его учебу. Могу выдать еще 100\$, отдать г-ну президенту и ожидать, что если я заболею, то мне не надо будет платить за врача. Можно договориться и по-другому: эти 100\$ останутся у меня в кармане, но если я буду болен, то сам буду платить врачу. Могу еще 50\$ выдать и ожидать, что лекарства будут бесплатные, или могу оставить деньги у себя и покупать лекарства сам. Могу отдать еще больше и ожидать, что будет дом отдыха, но это уже дело договора. Это все делается на наши деньги, и это наше дело, сколько денег мы отдадим государству, чтобы оно что-то нам гарантировало, а какой частью хотим распоряжаться сами. И почти никто в наших странах даже не пытается сказать, какой договор он хочет составить. Но если у людей спросить: "Вы хотите, чтобы были бесплатные школы?" — "Да, хотим!" — "Вы хотите, чтобы у вас была хорошая квартира?" — "Да кто б не хотел?" А еще, чтобы машины всем дали? Красные и зеленые. Все за социальные права. Я не против социальных прав. Некоторые социальные права должны быть и должны гарантироваться в наших странах, но это должно быть вполне сознательно, чтобы люди знали, что если платить 30%, то это обеспечивает только армию и полицию, или они согласны платить 40%, чтобы были бесплатные школы. Или 60%, тогда будет еще и бесплатное здравоохранение.

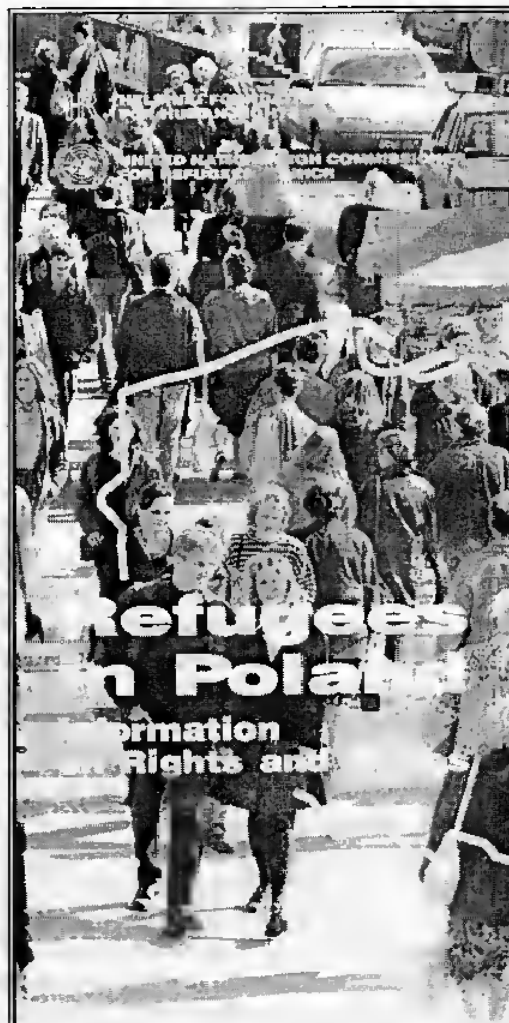
Я лично думаю, что в наших странах мы не можем допустить того, чтобы кто-то помирал на улицах от голода или нехватки основного медицинского обслуживания, если он действительно не в состоянии заработать. Если безработица не искусственная, как в наших странах, а такая, что люди действительно не могут найти никакой работы. В Польше безработица 14% — самая высокая из всех стран Европы, но эта безработица такого типа, что люди не в состоянии найти работы, которая соответствует их образованию. Это не значит, что они не могут найти **никакой** работы и вообще не могут заработать денег. Они просто не находят той работы, которой хотели бы

заниматься. Тогда у меня есть сомнения, стоит ли платить заработанные мною деньги этим людям. Но если кто-то на самом деле не может работать? Если я проверю, что он не может заработать денег и не выживает, то я думаю, что у меня есть долг вытащить портфель и дать ему эти деньги. Мы должны гарантировать право на выживание людям, которые действительно не в состоянии работать, но мы должны проверить, так ли это на самом деле. Еще я думаю, что мы все должны платить за школы, чтобы ребята могли учиться. Это — первое социальное право, которое в конце 18 века появляется, как право человека. И сейчас многие теоретики говорят, что это право — не социальное, а личное и что оно возникает из человеческого достоинства.

Когда мы говорим о правах человека, мы упоминаем материальные права. Это право на жизнь, свободу высказывания, школу и прочее. Мы все воспитывались в странах, где по конституции мы знали, что хотя у нас и есть какие-то права, все это — чистейшая ерунда. И если я пойду к чиновнику и буду говорить о своих правах, то он заболит от смеха. Это совершенно бессмысленно. Я знаю, что правительство моего государства подписывает какие-то международные документы, которые говорят о моих правах. Это просто игрушка в руках политиков, нужная лишь для того, чтобы их лучше принимали в международных салонах. А чтобы я мог применять свои права — это просто казалось фантастикой.

Очень важна другая группа прав. Это процессуальные права. Процессуальные права позволяют заставить тех, у кого есть власть, выполнять свои обязанности на самом деле. Чтобы они не вмешивались в мои свободы, чтобы эти права были на самом деле реальны, чтобы они действовали. И это реально. Я попробую сейчас только коротко перечислить некоторые из этих процессуальных прав. Самые важные — это независимые суды. И во всех наших странах такие суды есть. Несколько лет назад на семинаре, когда мы определяли стратегию на ближайшие годы, один из коллег вдруг сказал, что если вы считаете, что права человека возникают из человеческого достоинства, так возьмите кусок бумаги и напишите, когда вы чувствуете, что ваше достоинство нарушается. Ну вот, мы написали, собрали бумаги, и вдруг получилось, что большинство из этих случаев — одни и те же. Когда мне надо идти к чиновнику и что-то с ним оформлять, когда надо встречаться с дурным чиновником, который не знает своих обязанностей и закона, который не хочет исполнять закон, — это нарушает мое достоинство и право. Не высокая политика, а эта ежедневная работа с чиновниками.

Административные суды — это суды, которые проверяют решения чиновников, были ли они приняты согласно закону. Суд не разбирается, было ли это хорошо или плохо, это — дело чиновников. Суд только смотрит, имел ли чиновник право принимать такое решение. Это

Издание Варшавского Хельсинкского Фонда Прав Человека.

очень важный инструмент в защите прав человека. Обычные суды — это суды, которые будут защищать меня перед полицейскими или прокурором, или каким-то насилием со стороны власти. Гражданские суды защищают мою машину, семью.

Есть один важный инструмент, который действует во всех странах Запада, но в Польше этого нет. Я говорю о чиновниках. Это непосредственная ответственность чиновника за нарушение прав человека. Если я приду к чиновнику и он нарушит какое-то из моих прав, записанных в конституции, я могу пойти в суд. И если суд придет к выводу, что я прав, что на самом деле нарушены мои права, ему придется платить. Нет, не государство, и не кто-то другой будет платить, а если суд решит, то чиновник должен заплатить мне компенсацию, потому что он нарушил мои права. Это практически единственная техника, которая разработана в мире для защиты граждан перед чиновником, потому что чиновник знает, что если он не даст мне вовремя запрошенного паспорта и я не

успешно на свадьбу моей тещи в Париж, то он нарушит мои права. И если он это сделает, то месяца через 3 придут и скажут: "Дорогуша, считай, что этих "Жигулей" у тебя уже нет, телевизор мы тоже возьмем, потому что нужно дать компенсацию человеку, с которым ты плохо обошелся". И этот чиновник думает уже по-другому. И люди, которые к нему приходят, тоже чувствуют себя совсем по-другому. Я сказал, что во всех демократических странах это действует, но результат не такой, что проходят целые тысячи судов над чиновниками, а чиновники бегут. Только меняется соотношение, меняется мышление чиновников и обычного человека. В Польше был такой закон после второй мировой войны, но коммунисты его выбросили, говоря, что это очень деликатная проблема и за человеческое достоинство нельзя платить деньги. Деньги, мол, — это что-то грязное, и человеческое достоинство нельзя мерить деньгами. Но результат был такой, что если нарушали чьи-то основные права, то чиновники не были ничем должны этому человеку. Это очень удобно для властей.

Еще один очень важный инструмент — это гражданский референдум и гражданский законодательный комитет. В чем же дело? Просто испортилась демократия. Эта классическая демократия, в которой есть три власти: исполнительная, законодательная и судебная, которые были независимы, раздельны и контролировались друг другом. Если одна из властей портилась, то две другие били ее по рукам и наводили порядок. Это когда-то работало, пока слишком много людей не получили избирательные права, и в результате получались политические партии. Раньше люди голосовали за определенного человека, люди знали, кто это такой. Но вот появились партии, и мы уже голосуем за политические партии, не зная, кто это и что это. И сейчас обстановка в России и Европе такая, что на выборах выигрывает какая-то партия, которая получает большинство мест в парламенте. Во всех европейских странах парламент устраивает правительство и исчезает различие между исполнительной и законодательной властью. Те же самые Саша и Маша и принимают, и выполняют законы. Это классический пример "испорченной" демократии. Как с этим бороться?

Инструмент, созданный для этой цели, — гражданский референдум и гражданская законодательная инициатива. Гражданский референдум заключается в том, что какое-то количество людей приходит к выводу, что какой-то закон несправедливый, аморальный и надо выбросить такой закон. И они подписывают под требованием референдума. Это зависит от численности населения страны — чтобы потребовать такого референдума мирового стандарта, нужно собрать пятьсот тысяч подписей. Если вы собрали эти подписи, то будет референдум, а решение референдума — окончательное.

Есть элемент непосредственной демократии, который может исправить, в какой-то степени, обстановку, когда

три власти, которые должны быть разделены, сливаются. Депутаты гуляют, смотрят, как солнышко светит, и не хотят заметить какой-то важной проблемы, не хотят работать над каким-то законом. Тогда если сто тысяч граждан распишется под проектом закона, то парламент должен в определенное время рассмотреть этот закон. Закон принимается парламентом, депутаты могут принять или не принять этот закон, но люди могут непосредственно внести проекты законов в парламент. Это тоже важный инструмент.

Конституционные суды. Без них тоже не обойтись. Конституционный суд — это суд, который обсуждает не людей, а законы. Насколько законы, принятые парламентами, согласованы с законодательством, с конституцией. И важно, чтобы у людей было право ненасильственным путем обращаться в Конституционный суд. В моей стране этого сейчас нет. В Польше группа депутатов, президент могут обратиться в Конституционный суд. Но я лично не могу пойти в Конституционный суд и попросить, чтобы Конституционный суд проверил, насколько закон соответствует конституции и насколько исполнительное законодательство, которое принимает правительство, соответствует конституции.

Это, наверное, одно из самых важных процессуальных прав — право на прямое действие конституции.

Когда я прихожу к чиновнику и говорю: "Дорогуша, ты мне сделаешь то-то и то-то". А он говорит: "Я тебе этого не сделаю, у меня есть приказ министра этого не делать". Тогда я достаю из кармана конституцию и говорю: "Дорогуша, ты это все-таки сделаешь. Мне наплевать на твоего министра. У меня есть конституционное право". И если конституция действительно прямого действия, это значит, что и исполнительная, и судебная власти, если законодательство в данном случае противоречит конституции, должны принять решение, основываясь непосредственно на конституции, потому что конституция важнее всех других законов.

И это причина, по которой американцы рождаются "с конституцией в зубах". Они знают, что положения конституции на самом деле действительны. То, что здесь написано, никто нарушить не может. А наша конституция была просто куском бумаги, который вообще не влиял на нашу жизнь. В книге первого омбудсмена Польши "Зачем конституция людям", в начале, описана такая ситуация — в Москве в ресторан заходит человек, смотрит меню. Подходит официант.

— Котлеты по-киевски, пожалуйста.

— По-киевски — нет.

— Тогда борщ.

— Борща нету.

— Бифштекс.

— Бифштекса нету.

— Да что, черт возьми, я читаю, меню или конституцию?

Часто, когда мы занимаемся правами человека в Восточной Европе, появляется вопрос о правах меньшинств. Это очень сложная проблема. Мы начинаем говорить о правах определенных групп людей: о правах нации, о правах социального класса, и т.д. Эта тема не стыкуется с языком прав человека, потому что права человека — это **права единицы**. И законы, которые принимаются только в рамках определенных стран, так же, как и законы международного уровня, которые занимаются проблемами меньшинств, рассматривают, как правило, проблемы лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Если смотреть на международные законы, которые касаются прав человека, то можно найти только одну статью, которая говорит о коллективных правах. Это, как раз, первая статья Международного Пакта о социальных, культурных и политических правах. Она говорит, что нации имеют право на самоопределение. Но проблема в том, что обозначает слово "нация", используемое в этих документах. Оно настолько сложное, что вообще не развивается в дальнейшем в документах по этой проблеме. И там, где имеются законы, которые говорят о правах меньшинств, говорится не о правах каких-то сообществ, а лишь о правах отдельных лиц, принадлежащих к этим меньшинствам.

Если же говорить о правах нации или о правах определенных групп, мы уходим от языка прав человека и начинаем говорить на языке политики. И это уже совсем другая проблема. Что касается прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и законодательства, которое касается этого... Я хочу только сказать, что и эти законы можно строить, исходя из социалистического понимания равенства, о котором я говорил ранее. Значит, эти законы могут сравнивать возможности и шансы людей, которые принадлежат к меньшинствам, с теми людьми, которые принадлежат к большинству.

Например, в Польше есть свободный доступ к телевидению, радио, кино, книгам. Можно и надо ввести законы, которые дадут возможность доступа к культуре белорусов и украинцев, живущих в Польше. И хотя экономически это не представляет интереса и никто не заработает на передачах по радио и телевидению на белорусском языке, потому что белорусов слишком мало, — все это должно быть. И мы должны часть налогов, которые мы платим, отдать на то, чтобы белорусы, которые живут в Польше, могли хотя бы время от времени поговорить на общественном телевидении на своем языке. И право на обучение тоже относится к правам меньшинств, поэтому надо ввести какую-то систему, которая позволит всем учиться своей культуре и своим языкам. Но надо быть очень осторожным, потому что если слишком далеко зайти с этой так называемой позитивной дискриминацией меньшинства, то получится, что большинство начнет выступать против меньшинства. Может случиться так,

что большинство начнет завидовать меньшинствам: "Почему вы им так много помогаете, почему берете наши деньги, чтобы помогать другим?" Эти возможности можно сравнить, но ни в коем случае нельзя заходить слишком далеко. Я еще раз хочу подчеркнуть, что права человека, это не права рас и народов, а права отдельных лиц.

Мы упомянули, разумеется, не все инструменты защиты прав человека, необходимо еще обратить внимание на роль неправительственных организаций. Законодательство, которое поддерживает их действие, очень сильно влияет на уровень защиты прав человека. Потому что в демократической стране власть в руках большинства, и большинство нередко забывает о проблемах разного типа меньшинств. А мы все принадлежим к целой куче разных меньшинств, потому что у всех людей свои проблемы.

Один — мужчина, другой — женщина; один живет около завода, который загрязняет среду (ведь не все живут около такого завода); у кого-то муж алкоголик, а кто-то алкоголик сам. Жена алкоголика будет бороться против магазинов, которые продают водку, а алкоголик будет бороться за магазины, которые ее продают круглосуточно. Есть разные группы интересов, люди больны разными болезнями, и большинство забывает о проблемах меньшинств.

В странах, где демократия действует уже долго, люди заметили, что гораздо легче бороться, если они действуют вместе. Я наблюдал это в Норвегии. Статистический норвежец является членом 22 или 23 неправительственных организаций. Он не является официальным членом, но как-то подключается к их работе. Это огромное количество организаций — от тех, которые катаются на лыжах, и до тех, которые борются с магазинами, которые продают водку. И очень важно, чтобы законодательство помогало организациям такого типа. Иногда говорится о "Grass Roots Activity", активности "корней трав". Корни у травы легко разорвать, они слабые, но если этих организаций очень много, то они могут объединиться, и получится нечто, что будет очень трудно разорвать, что защищает человека от большинства и от правительства, которое представляет это большинство.

Чем больше организаций такого типа, тем лучше защищены наши права. Одна из проблем, с которыми встречаешься, работая в Восточной Европе, это проблема позитивистского мышления у юристов, которые воспитывались в соцстранах. Мышления, суть которого заключается в том, что судья должен применять закон и он не должен думать о том, хороший или плохой этот закон.

Наши юристы очень плохо понимают, что суды — это третья власть, которая может и должна контролировать исполнительную и законодательную власть. И мы вообще очень плохо понимаем роль судов в наших странах. Эта проблема существует и в Польше. Если у меня возникнет

с соседом ссора по поводу того, что можно и что нельзя держать на лестничной площадке, и если я позову его в суд, то я буду такой сволочью, таким агрессивным человеком! Если бы я набил ему морду, то это было бы мягче, чем пойти в суд. В демократической стране это совсем по-другому. Если вдруг возникает какая-то проблема между мной и моим соседом, то мы приходим к выводу: "Мы платим налоги, чтобы государство организовало нам суд, мы пойдем в суд, и нашу проблему решит независимый судья, а мы подчинимся этому. Зачем нам спорить? В это время мы можем пойти вместе "на водку", погулять и не выступать друг против друга." В наших странах суд — это враг, потому что суд всегда представлял интерес власти против граждан. Нет такой традиции, такого мышления, что суд действует в пользу человека, что это инструмент, который помогает нам жить, смягчает трения между людьми, и употреблять его действительно удобно. А у судьи нет чувства, что он важен людям.

Несколько лет назад я проводил занятия с судьями из Польского Верховного Суда, и в какой-то момент я начал говорить о том, насколько важна их роль. Сказал, что они важны, как министры, а может, даже важнее, потому что министр сегодня есть, а завтра его выбросят и придет кто-то другой, а вы, судьи Верховного Суда, до пенсии будете этими судьями, которые будут контролировать законодательство и парламент, исполнительную власть. Они смотрели и говорили: "Да? Мы на самом деле настолько важны?" Они как будто не верили, что судебная власть — это третья власть, которая равна всем другим, а может, и важнее их. В каком-то смысле и важнее, потому что если взять европейскую конвенцию, то там гонорится о свободе высказывания и об ограничениях. В конце этой статьи записано, что свобода высказывания может быть ограничена законом для сохранения доброго имени судов. Можете говорить, что хотите о правительстве, что хотите — о парламенте, но будьте осторожны с критикой судов. Страна, в которой депутаты смешны и мы смеемся, когда видим, какие глупости они говорят, страна, где министр дурак и все понимают, что он дурак, — такие страны могут существовать, но страна, где люди смеются над судом, существовать нормально не может. В ней жить уже нельзя, и поэтому защита доброго имени судов должна быть.

О ВАРШАВСКОМ ХЕЛЬСИНКСКОМ ФОНДЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Исторически сложилось так, что во время военного положения в Польше была организована группа из нескольких человек, которые решили описывать нарушения прав человека. Это была чисто подпольная группа, которая носила название Хельсинкского комитета и готовила отчеты по обстановке в Польше. В это время

отчеты, как правило, составлялись из двух частей. В первой части было сравнение законодательства, которое действовало в Польше, с международным стандартом прав человека и со стандартами, которые приняты в демократических странах. Во второй части было сравнение практики с законом. Я не буду говорить об истории подпольной деятельности до 1989 года.

В конце 1989-го в Польше прошли первые частично независимые выборы и скоро организовалось первое некоммунистическое правительство. Мы оказались в очень сложной ситуации, потому что вдруг заметили, что почти половина членов нашего Хельсинкского комитета — это члены правительства и депутаты. И тогда мы приняли решение, которое было очень важно. Мы решили, что наши коллеги, которые сейчас работают министрами или депутатами, на это время полностью "заморожены", лишены на это время прав членов комитета. Мы можем пойти вечером водочку попить, но мы о правах человека и о нарушениях правительства и парламента говорить не должны, потому что нельзя контролировать правительство и быть членом этого правительства. Нельзя смотреть, насколько законы, которые в результате какой-то политической игры принимает парламент, соответствуют правам человека, и подчиняться фракционной депутатской дисциплине. Это было очень важно, и, надеюсь, защитило нас от того, что произошло с некоторыми похожими группами в других странах, которые не сделали этого. Они просто как-то вошли в политику. Это ослабило и даже развалило эти группы. Я думаю, что мы были, в дальнейшем, на самом деле полностью независимы от политики. Когда кончилось работу упомянутое мной польское правительство и некоторые коллеги вернулись опять к нам, то нам пришлось — это не шутка — их перевоспитывать, чтобы они вообще были в состоянии смотреть на то, что происходит вокруг, с точки зрения интереса единицы и прав человека, а не "интереса страны".

Если человек начинает работать во власти, особенно в правительстве, то у него меняется точка зрения, он начинает думать, что интересы государства — самые важные, а мы занимаемся интересами отдельных лиц. Отдельные группы людей должны бороться, и они должны быть как-то отделены друг от друга. И в конце 1989 года члены комитета организовали Хельсинкский Фонд по правам человека. Мы хотели создать что-то вроде независимого института по изучению и исследованию прав человека. В это время в Польше было невозможно создать такой институт, и мы применяли форму правового фонда.

Сегодня же наша работа идет в двух направлениях: просвещение и исследования. Об исследованиях я говорить не буду, а что касается просвещения, то оно организовано в рамках Центральной и Восточной Европы и внутри Польши. Около 70% денег, работы, времени уходит на

деятельность внутри Польши, а остальные 30% — вне страны. Я думаю, что в будущем мы сможем увеличить объем работы за рубежом за счет некоторых программ, которые мы разработали в Польше и которые могут быть применены и за границей. Только нужно искать деньги.

Несколько примеров международной работы. В течение нескольких лет мы ежегодно организуем в сентябре летние школы по правам человека. Это десятидневные курсы, которые рассказывают о философии и истории прав человека, инструментах и системах защиты прав человека в разных странах, особенно в Европе. Участие в курсах принимают докладчики из Совета Европы, из европейских, американских и польских университетов, люди из исправительственных организаций, депутаты, люди из разных стран, журналисты. Может быть, с этого года мы начнем организовывать зимние школы с более высоким уровнем преподавания, рассчитанные на то, что люди, которые приходят сюда, практически ничего не знают о правах человека.

Организовываются разные встречи международного уровня, цель которых — просвещение, хотя в названии этого не сказано. Примерно четыре года тому назад мы сделали первую встречу-конференцию на тему "Инструменты защиты прав человека в конституциях посткоммунистических стран". Участие принимали члены советов конституционных комиссий парламентов нашего региона и эксперты с Запада самого высокого класса. Мы пытались обсуждать вопрос о том, как разные инструменты защиты прав человека в конституциях влияют друг на друга. Если дать такие возможности Конституционному суду, то как это повлияет на возможности Верховного суда. Как можно решить этот вопрос, чтобы действовать в пользу единиц? Во второй конференции из этой сферы принимали участие судьи Конституционных судов из Западной и Восточной Европы. Мы обсуждали проблему, что сделать в наших странах, потому что есть очень сильное давление, чтобы ввести в конституцию социальные права. С другой стороны, есть давление, чтобы решения Конституционного суда были окончательными. Если суд решил, что этот закон не соответствует конституции, то нужно убрать этот закон. Из-за этого получается очень опасная обстановка, потому что парламент принимает законы, которые касаются денег, в частности, закон о бюджете. Тогда если у нас есть социальные права в конституции, то, может быть, суд придет к выводу, что эти законы не соответствуют социальным правам, которые записаны в конституции, и может выбросить эти законы. Тогда Конституционный суд может свергнуть правительство, если он отбросит закон о бюджете. Ведь суд может прийти к выводу, что раз в конституции есть право на свежий воздух и чистую воду, а этот бюджет не гарантирует чистой воды и свежего воздуха, то он не конституционный. А если отбросить закон о бюджете, то

получится, что суд свергнет правительство, а это уже не роль Конституционного суда, а чистейшая политика.

Подобно этому, мы организовывали встречи для Верховных судов нашего региона, чтобы обсудить проблему, как можно гарантировать независимость судов, какие это мучения для адвокатов, которые в будущем будут выступать перед европейской комиссией, европейским трибуналом прав человека.

С прошлого года мы разрабатываем программу общественного контроля над спецслужбами. Мы начали с того, что пригласили в Варшаву людей из спецслужб Восточной и Западной Европы и США. Это было смешно, с Украины был самый главный начальник украинской СБ, а из США — бывший директор ЦРУ. Первая группа — это были люди, которые работали в спецслужбах, другая группа — люди, которые занимаются тем, что контролируют эти спецслужбы, потому что если их не контролировать, то они обязательно начнут применять уголовно наказуемые действия. Это люди из парламентов и комиссий, которые занимаются этим контролем. В Великобритании есть что-то вроде омбудсмана, который специализируется по контролю спецслужб. Многие люди из неправительственных организаций, которые как-то заинтересованы проблемой прав человека, стремились посмотреть, какой есть опыт контроля спецслужб в демократических странах. Чтобы посмотреть, что из их опыта можно применять в наших конституциях. Это сложно, потому что, если слишком сильно контролировать эти службы, можно заблокировать их действия, а они все-таки нужны.

На международном уровне мы организовывали и потом, может быть, продолжим обучение работе в неправительственных организациях. Проблема в том, что никто этому не обучен. Есть какие-то статьи и книги, но их немного, которые говорят, как можно организовать мониторинг тюрьмы. В последние годы появились какие-то статьи, которые говорят, как можно организовать мониторинг выборов. Но это, практически, все. Насколько я знаю, нигде в мире нет системы обучения эффективным действиям в области мониторинга прав человека.

Люди, которые много лет работали по защите прав человека, никогда не пытались собрать свои специфические знания, объяснить, почему они принимают такие решения и какова техника этих действий. Мы пытались как-то перенести этот опыт на методику обучения, организовывали двухнедельные семинары для польских лидеров неправительственных организаций, потом еще семинар для лидеров неправительственных организаций из посткоммунистических стран. Надо начинать с поляков, потому что если мы сделаем ошибку, то легче будет исправить ее здесь, чем за рубежом. Потом на основании этого опыта мы подготовили книжку на эту тему. Это далеко не все, а лишь примеры того, чем мы занимаемся.

Теперь о том, что мы делаем в Польше. В Польше просветительская работа организована в трех

направлениях. Первое — это общественное просвещение. Для общественного просвещения мы используем телевидение, радио, прессу. У нас есть постоянные программы по телевидению, где говорится о правах человека, хотя сейчас эти передачи перевели только на частное телевидение, но надеюсь, что потом они опять будут, как раньше, на общественном. Программы, как правило, были организованы таким образом, что мы брали какой-то случай, о котором люди говорили, который был важным. Как готовился фильм, не имеет для нас значения, а важно то, что в студии сидели три-четыре эксперта и обсуждали этот случай, эту проблему, как бы она была решена, если бы это произошло во Франции, Швейцарии, США. А что было бы, если бы это дело рассматривалось Европейским судом по правам человека? Каково было бы решение этого суда? И из этого сравнения законодательств пытались вывести даже философию прав человека. Почему это важно, как это касается достоинства человека и его положения в обществе. Мы разрабатываем телевизионные фильмы по правам человека. Уже разработано десять фильмов. Первые пять — это базис, основа, основные понятия: равенство, свобода, границы власти. Это двадцатиминутные фильмы. У нас есть эти фильмы и на русском, и на английском языке. Последующие 5 фильмов были об определенных правах человека: право на собственность, право на личную жизнь и право, которое очень плохо понимается в наших странах, — свобода слова, каковы ее границы.

Просто перечислять права неважно и бессмысленно, важно говорить о том, где эти права кончаются, где их границы. Что делать, если совмещаются границы двух или трех прав человека, как решать эти проблемы. В некоторых польских газетах и журналах имеются постоянные рубрики для наших статей. Например, в "Жечи Пospolитой" — это одна из самых крупных польских газет — есть постоянная рубрика, где мы представляем последние решения европейской комиссии и европейского трибунала по правам человека. Самый лучший результат был, когда в четверг было принято решение европейского суда, а в пятницу уже была статья об этом. Есть также постоянные рубрики в специализированных журналах, например, в "Палестра". Это журнал, который получают все адвокаты и прокуроры Польши.

Может быть, стоит еще обратить внимание на работу нашей молодежи. Группа молодых людей, которые сотрудничают с нами, — это последние классы школ и студенты университета. Они издают журнал "Полис". Полностью он называется: "Полис, журнал об искусстве общественной жизни". И этот журнал полностью подготовлен молодыми людьми. Он на очень высоком уровне говорит о демократии, правах человека, политике с точки зрения того, как можно организовать страну, а не о том, кто из политиков Польши симпатичнее. Они ищут свои статьи, они заказывают статьи у разных ученых или

Международная Летняя Школа по Правам Человека

Сборник Документов

Варшава-Медзешын

14-21 Сентября 1996

HR

Хельсинкский Фонд по Правам Человека

Материалы Летней школы прав человека Варшавского Хельсинкского Фонда.

других умных людей, но они сами решают, какую статью и у кого надо заказать. Кроме того, у этой группы есть постоянная радиопередача, по три часа каждую субботу, где молодые люди говорят о демократии и правах человека для молодых людей. Мы в это не вмешиваемся, они сами решают, как и о чем они будут говорить.

Второе направление — это школа по правам человека. Это, может быть, самая важная программа нашего фонда. Это полгода, двести сорок часов занятий. Кто наши студенты? Они все окончили вуз. Это обязательное условие. Есть юристы, журналисты, учителя, офицеры полиции, судьи, прокуроры, актеры, художники. И очень разного уровня образования, начиная с тех, кто только что окончил университет, до профессоров медицинского института. Докладчики в нашей школе — это самые лучшие лекторы, которых можно найти в Польше. Мы, в основном, хотим подготовить людей, которые будут учить правам человека других. И люди, которые сдадут заключительные экзамены (а это экзамены всерьез, и их, на самом деле, сдают около 60%), могут учить других правам человека не на уровне университета, но, скажем, в медицинском институте, техническом институте, в школе для офицеров полиции или просто учить учителей. До сих пор прошло семь таких школ, а это значит, что на

территории всей Польши двести пятьдесят три выпускника, которые кончили эту школу. Из них около 70% — я думаю, что это очень хороший результат, — на самом деле включаются в работу.

Нас просили, чтоб мы где-то организовали местные отделения фонда и мы выступили категорически против этого. Мы предложили им организовать свои неправительственные организации, мы помогали им сначала, но это были самостоятельные неправительственные организации. Потому что я полностью уверен, что сеть независимых неправительственных организаций, которые занимаются правами человека, гораздо сильнее одной большой централизованной организации. Одну организацию всегда можно разбить, может что-то с ней случиться, но такую сеть уже никто разбить не в состоянии. Кроме того, если есть неправительственные организации, это тренировка лидеров, люди не ждут, что откуда-то кто-то придет и им поможет все организовать, а они сами ответственны за свою работу, это им нужно. И наши коллеги в регионах организовали около двадцати независимых организаций. Они совершенно разные, эти организации. Одна занимается обучением ребят каким-нибудь правам, другая занимается правами людей в психбольнице, третья — правами заключенных и — смешно звучит — организует семинары по правам человека в тюрьмах. Мы помогаем им вначале, но со временем все меньше и меньше. Мы помогаем им найти первые деньги, пригласить первых докладчиков, но они должны быть абсолютно независимы. Это второе направление.

И третье направление — это профессиональное просвещение, которое направлено на определенные профессиональные группы. Это началось три с половиной года тому назад, когда школа для офицеров полиции Польши обратилась к нам с просьбой хотя бы начать обучение правам человека их студентов. Мы начали с того, что стали ездить в эту школу и в течение полугода организовывать разные встречи, семинары с отдельными группами людей. С докладчиками, которые работали в этой школе, со студентами этой школы и с офицерами полиции, которые работали на практике. И только после полугода такой работы мы получили представление, что самое важное для полицейских, какие вещи им трудно понять, какие методы мы можем применять и как пробиваться к их сознанию. Тогда мы подготовили первый учебник (а сейчас есть уже и второй) "Права человека для офицеров полиции". И пригласили в нашу школу по правам человека докладчиков, которые работали в разных школах для полицейских. Результат такой, что не во всех, но больше чем в половине школ, где учатся полицейские Польши, есть программа обучения правам человека, есть учебник и есть сотрудник этой школы, который в состоянии учить этим правам полицейских. Затем они уже сами по себе разработали свою программу

курсов для обычных полицейских.

Потом ту же самую систему мы применили для сотрудников пенитенциарной системы и сейчас работаем с колледжами, которые готовят учителей.

Еще есть одна программа — это такой тип обучения правам человека, который хорошо разработан в Вашингтонском университете в Джорджтауне. Это очень широкая программа, мы берем из их опыта лишь одну часть, которая касается прав людей, которые принадлежат к таким группам, как молодые наркоманы, молодые воры — людей, которые в конфликте с правом. Это люди, которые, как правило, не знают своих прав, они не знают, что полицейский может с ними сделать, а чего не может. Они не знают, как могут защищаться и как вести себя, когда прокурор ведет дело. Надо идти к людям, которые являются потенциальными жертвами со стороны полиции, прокурора, государства, и учить их, какие у них права. В рамках нашей страны мы попробуем, как пройдет этот эксперимент, как эта программа может развиваться.

Очень хорошо получалась программа, по которой мы пытались учить судей и журналистов правам человека. Мы начали с журналистов, людей, которые не хотят учиться ничему. Если кто-то решит организовать семинар для журналистов, то никто просто не придет. Мы решили, что организуем для журналистов такой клуб, куда они могут прийти, встретить очень важных людей, у которых очень трудно просто так взять интервью, сложно встретиться, где они могут послушать разговоры на темы, которые важны для журналистов. Когда прокурор может обвинить их в нарушении государственной тайны или в том, что они оскорбили честь какого-то политика, а когда не может, какие у них возможности с точки зрения закона. Среди всех этих разговоров был и разговор, важный для нас. Мы так поработали и заметили, что есть очень много недоразумений и проблем между журналистами и судьями. Пытаясь организовать семинары для судей, мы заметили, что журналисты вообще не понимают, почему судьи не хотят отвечать на некоторые вопросы. Судьи ужасно боятся журналистов. И мы начали приглашать на семинары половину журналистов, половину судей. Результат получился отличный — судьи думают, что мы учим журналистов, а журналисты думают, что мы учим судей. А мы думаем, что учим и судей, и журналистов. Но может быть, мы сами учимся.

Самое важное, что люди приходят и говорят на тему прав человека. Это важно для них.

Вот, более или менее, целый спектр нашей просветительской работы.

Я хочу еще обратить внимание на некоторые нестандартные программы. Те, о которых я говорил, идут уже несколько лет, а есть еще программы, которыми мы сначала занимались, а потом приостановили. Таким интересным проектом была программа, когда мы объявляли

конкурс на конституцию для средних школ. Чтобы это было интересно, мы, во-первых, учредили большие призы, и участники и школа могли их получить. Потом было жюри конкурса, в которое входили очень известные люди, и для многих это было важно. Туда входили и председатель конституционной комиссии, и председатель Конституционного суда. Конкурс заключался в том, что люди в средних школах должны подготовить конституцию своей школы. В этой конституции должно быть определено, какие права и свободы есть у ребят, у учителей, у директора и у родителей. Потом должна быть разработана система, как можно решать проблемы, когда начинаются нарушения. Например, произошел конфликт между учителями и учеником; или родителями и директором школы. Какая будет судебная система, как она организована, как она будет принимать эти решения, обсуждать конфликты. И, наконец, конституция должна быть принята демократическим голосованием всеми силами, которые принимают участие в жизни школы: учителями, учениками, директором, советом родителей. Рассматривались только такие конституции. И получилось нечто очень интересное. Я был почти уверен, что первые места будут занимать частные школы из Варшавы. Первая частная, хорошо известная школа заняла лишь четвертое место. Первые три места заняли малюсенькие города, и это на самом деле были самые хорошие конституции. И интересно то, что молодые люди — а это именно они представляли работы на конкурс — обращали очень сильное внимание на процессуальные права. Для них было более важно не то,

сколько прав будет у них на руках, а то, какие будут системы защиты этих прав. Как можно гарантировать, что это на самом деле будет работать. Появлялись суды, которые рассматривали какое-то поведение учителей. Иногда — и другой суд, который рассматривал отношения между молодежью, но самые важные были суды, которые рассматривали проблемы вертикали "власть-подчиненный". В некоторых местах произошло что-то совсем странное. Это был маленький городок Кожухов около Зеленой Гуры. Там есть одна средняя школа, и разговор о конституции этой средней школы как-то вышел сильно за рамки самого учебного заведения. В работу включились родители, местные власти, начались какие-то городские семинары о правах человека. Потом они пришли к выводу, что сделают Кожухов городом прав человека! Мэр города, подразделения армии, священник, учителя, чиновники местной власти, врач стали вместе организовывать какие-то встречи по правам человека, приглашать людей из Варшавы. Посмотрим, что будет дальше, но вот уже полтора года этот городок живет проблемой прав человека...

Варшава-Москва-Баку

Подготовила к печати
Мария СЕРЕДА
(Клуб начинающих
журналистов "Август", Рязань)

Защитим политзаключенного!

Межрегиональная Группа Правозащитная Сеть и Российский исторический и правозащитный журнал "Карта" призывают вас включиться в акцию по поддержке Армандо Ромеро. Армандо Алонсо Ромеро был приговорен к 12 годам лишения свободы за сбор свидетельств о нарушении прав человека на Кубе.

В настоящее время жизнь и здоровье Армандо Алонсо Ромеро находится в руках одного из самых беспощадных тоталитарных режимов в мире. Этот режим известен неоднократными убийствами гражданских лиц по политическим мотивам. Примерами могут служить расстрел 41 человека 13 июля 1994, медленное уничтожение Себастьяна Аркоса Бергенса, а также казни, пытки и заключения в тюрьмы и лагеря тысяч других людей за 37 лет существования режима Кастро. Кубинская конституция узаконивает

систематические нарушения основных прав человека.

Здоровью Армандо Алонсо Ромеро угрожает опасность. Ему не оказывается медицинская помощь. Кроме того, Армандо Алонсо Ромеро было отказано в доступе к выбранному им адвокату. Наконец, мы требуем отмены всех санкций, которые были применены к нему в связи с его мирной деятельностью и осуществлением права на свободу слова и въезда в страну. Мы также требуем его немедленного освобождения. Посылайте письма:

- с выражением своей обеспокоенности сообщениями о тяжелом состоянии здоровья Армандо Алонсо Ромеро;
- с требованием немедленно предоставить ему необходимую медицинскую помощь;
- с требованием о срочном предоставлении Армандо Алонсо Ромеро доступа к адвокату;
- с требованием срочно снять с него все обвинения, основанные на его мирных попытках осуществлять свое право на свободу слова.

Granma Internacional Digital
(Sr Fiscal General / Dear Attorney General)
Dr Juan Escalona Reguera
Fiscal General de la Republica
Fiscalia General de la Republica
San Rafael 3, La Habana
Cuba
[Telegrams: Fiscal General, Havana, Cuba]
[Telexes: 307 511456 fiske]
[Faxes: 011 53 7 333164]

Minister of the Interior: (Sr. Ministro / Dear Minister)
General Abelardo Colome Ibarra
Ministerio del Interior
Ministerio del Interior
Plaza de la Revolucion
La Habana
Cuba

Attorney General:
Avenida General Suarez y Territorial,
Plaza de la Revolucion,
La Habana, Cuba.
Apartado postal 6260.
E-mail: redac@granmai.get.cma.net

Опасная тенденция нарушения законов в Российской Федерации

Информация по делу Александра Никитина

Александр Никитин — капитан первого ранга запаса, из вооруженных сил уволился в 1992 году. В экологическом объединении "Беллуна" Никитин начал работать в 1995 году. При составлении доклада, соавторами которого являются сотрудники "Беллуны" Томас Нилсен и Игорь Кудрик, использовались только открытые источники информации.

Причины для обвинения и ареста Никитина основаны на двух секретных приказах министра обороны, которые противоречат как федеральным законам, так и Конституции РФ. Ни Никитин, ни адвокаты до сих пор не были ознакомлены с содержанием этих приказов. Подобные действия ФСБ в очередной раз грубейшим образом нарушают права обвиняемого.

6 декабря 1996 г. прошло десять месяцев с того дня, как Александр Никитин был арестован сотрудниками УФСБ по С.-Петербургу.

После ареста ФСБ совершила целый ряд нарушений российского законодательства в сфере прав человека. Дело получило широкую огласку на российском и международном уровне, ряд уважаемых людей и организаций высказали свою критику в адрес российских властей. В начале сентября правозащитная организация "Международная Амнистия" объявила Александра Никитина "узником совести". 18 сентября Европарламент принял 3-ю по счету резолюцию, осуждающую арест Никитина. С делом постоянно работает С.-Петербургская правозащитная организация "Гражданский Контроль".

30 сентября 1996 года ФСБ объявила об окончании предварительного расследования дела Александра Никитина. Обвинения строятся на двух параграфах доклада "Беллуны" — "Северный флот — потенциальный риск радиоактивного загрязнения региона". В пара-

графах описываются аварии на советских атомных подводных лодках (глава 8) и аспекты безопасности при эксплуатации атомных установок подводных лодок (глава 2, пункт 2.3). Никитин обвиняется по ст.64 (а) УК РФ (измена Родине в форме шпионажа) и ст.75 УК РФ (разглашение государственной тайны). Кроме этого, ему вменяется незаконное использование удостоверения действующего офицера. Согласно адвокату Никитина, обвинение не соответствует требованиям УПК РСФСР. Оно является неконкретным, нечетким, состоящим из общих фраз. Понять, какие именно сведения из главы 8 и главы 2 (раздел 2.3) являются секретными, нельзя. "От такого обвинения невозможно защищаться", — заявил адвокат.

Странная логика следствия

26 сентября 1996 года Никитину было предъявлено новое обвинение — к ст. 64 добавилась ст. 75 ч. 2 УК РСФСР по факту разглашения государственной тайны в описании ядерных реакторов третьего поколения, в разделе 2.3 доклада "Беллуны", и четырех аварий АПЛ в разделе 8.2.

Непостижима логика следствия, выделившего из общего числа аварий АПЛ, описанных в разделе 8.2, четыре и вменившего их Никитину отдельно — по ст. 75 ч.2 УК РСФСР. Таким образом получается, что работая над написанием одной и той же главы для того же самого доклада, Никитин применительно к 30 авариям "действовал умышленно в ущерб государственной безопасности и обороноспособности России", т.е. хотел изменить Родине, а в отношении четырех оставшихся такого умысла не имел?

Адвокаты полагают, что такое разделение носит созна-

Александр Никитин.

ФОТО "БЕЛЛУНЫ"

тельный характер и направлено исключительно на искусственное увеличение объема обвинения и создание "запасного плацдарма" для допускаемой следствием его переквалификации в суде.

Оценка военными экспертами материалов "Беллуны"

5 декабря 1995 года следствием была назначена экспертиза по определению степени секретности доклада. Среди прочих вопросов перед экспертами была поставлена задача указать источники информации для написания доклада. В заключении от 30 января 1996 года, признав, что в шести из восьми глав доклада имеются сведения, составляющие государственную тайну, эксперты вопрос об источниках проигнорировали. Заключение носило очень общий характер, без конкретного указания сведений, которые составляют государственную тайну. Более того, эксперты 8-го управления Генштаба ВС РФ при оценке материалов руководствовались только приказами министра обороны № 052 за 1992 г. и № 071 за 1993 г., содержание которых находится под грифом "секретно". 15 февраля следователи ФСБ повторно обратились к экспертам Генштаба ВС РФ с вопросом об источниках к докладу. Эксперты отказались отвечать на этот вопрос, заявив, что он вообще не входит в их компетенцию.

Повторная экспертиза

Ознакомившись с заключением 8-го управления Генштаба по определению степени секретности доклада "Беллуны", защита 7 мая 1996 г. заявила ходатайство о проведении повторной комплексной военно-технической и экологической экспертизы. Более полутора месяцев спустя следователь ФСБ был вынужден признать, что экспертное заключение от 30 января 1996 года вызывает серьезные сомнения, отличается целым рядом существенных пробелов и недостатков. В постановлении от 24 июня о назначении повторной комплексной экспертизы следователь проигнорировал вопросы, которые были сформулированы защитой и обвиняемым. Ее проведение следователь поручил тому же 8-му управлению Генерального штаба, а также Минатому, Минобороны, Минсудпрому и Минтрансу РФ, т.е. совершенно не тем ведомствам, которые предлагала защита. 8-е управление Генштаба отказалось работать совместно с другими ведомствами, заявив, что будет руководствоваться исключительно приказами министра обороны при оценке сведений и что вопрос об источниках к представленным материалам не входит в их компетенцию. Из Минобороны пришел ответ, что привлеченные к проведению экспертизы специалисты не компетентны отвечать на поставленные вопросы. Специалисты Минатома заявили,

что инкриминируемая Никитину 8-я глава доклада ("Аварии и катастрофы на атомных подводных лодках") находится вне их компетенции, а в разделе 2.3 (описание проблем в обеспечении безопасности на ядерных установках подводных лодок), который также внесен в обвинение, эксперты никаких государственных тайн не обнаружили. Два других ведомства сами собой исчезли. Таким образом, идея проведения комплексной экспертизы была развалена.

В сведениях не содержится государственной тайны

В заключении от 26 сентября специалистов Минатома говорится, что в разделе доклада "Беллуны" 2.3, где приводится информация о проблемах в обеспечении безопасности ядерных установок подводных лодок, гостайны не содержится. Тем не менее, это не помешало следствию предъявить Никитину обвинение по данному разделу, обосновав его исключительно заключением экспертов из 8-го управления Генерального штаба. 15 июля ФСБ была назначена экспертиза, проведенная сотрудниками Комитета охраны природы Санкт-Петербурга. В заключении этой "экспертизы" говорится, что информация, представленная в главе "Аварии и катастрофы на атомных подводных лодках", никоим образом к вопросам экологической безопасности не относится...

Последняя форма протеста

27 сентября 1996 года следователь объявил об окончании предварительного расследования и готов был составить протокол о предъявлении Никитину и защите всех материалов дела. Однако дело в полном объеме, включая все приложения и опись материалов, представлено не было. Данное процессуальное действие, по требованию защиты, было отложено. 30 сентября, в качестве последней формы протеста против нарушения его прав, обвиняемый заявил об отказе от ознакомления с материалами дела.

21 ноября адвокаты Никитина заявили ходатайство на имя начальника СИЗО УФСБ по Санкт-Петербургу и области. В ходатайстве содержится просьба провести независимое медицинское освидетельствование Александра Никитина, у которого в последнее время наблюдается резкое ухудшение здоровья.

Запрещенная литература

22 октября 1996 г. 1505 экземпляров доклада "Беллуны", на котором строятся обвинения против Александра Никитина, были конфискованы таможей Санкт-Петербурга. В тот же день представитель ФСБ заявил, что доклады объявлены запрещенной литературой и любые попытки провезти их в Россию будут пресекаться. Позднее конфискованные доклады были, в нарушение закона, переданы в ФСБ.

Новая экспертиза

В ходатайстве от 3 декабря 1996 г. адвокат Никитина Юрий Шмидт, ссылаясь на многочисленные нарушения в проведении предыдущих экспертиз, просит назначить повторную комплексную военно-техническую, экологическую экспертизу в составе и по перечню вопросов, указанных в ходатайстве защиты от 7 мая 1996 года. При этом адвокат просит вынести постановление о немедленном освобождении Никитина из-под стражи с избраньем ему любой меры пресечения из числа предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом. К ходатайству прилагались личные поручительства, поручительства общественных организаций, гарантийное письмо о внесении залога.

Хронологический обзор событий в деле Александра Никитина

Прошел год с того дня, как сотрудники ФСБ провели первые обыски в мурманском офисе "Беллуны", задержали в С.-Петербурге представителей "Беллуны" Сергея Филиппова и Александра Никитина, отпустив их после допросов поздно вечером. Этим же вечером были проведены обыски на квартирах сотрудников "Беллуны" в Мурманске с изъятием их личных вещей. Из офиса "Беллуны" были изъяты вся оргтехника, материалы и документы. В течение последующих месяцев ФСБ допросила около 60 человек, которые поддерживали контакты с "Беллуной". Только 18 октября 1996 г. "Беллуна" получила первые официальные объяснения происходящего со стороны ФСБ. Стало известно, что уголовное дело было возбуждено прокуратурой Санкт-Петербурга "по факту разглашения государственной тайны в материалах "Беллуны".

Арест

Рано утром 6 февраля 1996 года ФСБ проводит арест Александра Никитина у него на квартире в Санкт-Петербурге. Жене Александра объясняют, что есть необходимость задать ее мужу несколько вопросов по делу, где он проходит в качестве свидетеля. В ФСБ Александру Никитину объявляют, что он находится под арестом по обвинению в "измене Родине в форме шпионажа" за сбор и передачу за границу сведений, составляющих государственную тайну. На основе незаконных требований оформления допуска к государственной тайне — процедуры, которая проводится самой ФСБ — Никитину не дают права воспользоваться услугами адвоката по своему выбору в течение почти двух месяцев — вплоть до 29 марта.

Конституционный суд

27 марта Конституционный суд РФ удовлетворяет жалобу Юрия Шмидта и нескольких других адвокатов

на незаконное требование ФСБ оформить адвокатам специальный допуск к работе с секретными документами в делах, касающихся государственной тайны. 29 марта, после семи с половиной недель в изоляторе ФСБ, Александр Никитин встретился со своим адвокатом. В постановлении Конституционного суда также говорилось, что "в России есть категории должностных лиц, которые по своему статусу не нуждаются в оформлении допуска — а именно: депутаты Федерального Собрания и судьи всех рангов, — ибо это противоречит их конституционному статусу и порядку назначения на должность".

Тем не менее, 4 апреля слушание дела Александра Никитина, касающееся продления срока его заключения, было передано в военный суд по причине отсутствия у гражданских судей допуска к государственной тайне. Суд отклонил ходатайство об изменении меры пресечения для Никитина, не согласившись выпустить его под залог или поручительства.

Обвинение

11 апреля следователь объявил постановление о частичном прекращении уголовного дела. Согласно адвокату, состав сведений, раскрытие которых инкриминируется Никитину, был сокращен. Из обвинения была исключена глава "Урановое дело", который по заключению экспертов содержит совершенно секретные сведения (краткий обзор статьи в газете "Известия" от 12 марта 1995 года), и первый параграф главы 8 доклада, где приводится информация по затонувшим атомным подводным лодкам ВМФ СССР. Таким образом, в обвинении остались только два раздела главы 8: "Аварии с ядерными энергетическими установками" и "Крупные аварии на АПЛ с гибелью личного состава".

Доклад

17 апреля во время встречи глав стран "большой семерки" в Москве, посвященной проблемам ядерной безопасности, "Беллуна" представила текстовую версию доклада на русском, норвежском и английском языках. Было распространено несколько сотен экземпляров доклада. И только Александр Никитин не имел права ознакомиться с докладом. ФСБ провело его изъятие, ссылаясь на постановление от 24.04.96 за подписью следователя С.-Петербургского управления ФСБ Громова. В постановлении говорится, что доклад подлежит изъятию, поскольку, согласно заключению экспертов, в нем содержатся сведения, составляющие государственную тайну. Выемка нескольких экземпляров доклада была произведена и у контактного лица "Беллуны" в г. Северодвинске. Тем не менее, представитель офиса "Беллуны" в Осло смог в начале июня беспрепятственно ввезти 30-40 экземпляров доклада в Россию, занеся их при этом в таможенную декларацию.

Адвокат Александра Никитина Юрий Шмидт.
ФОТО "БЕЛЛУНЫ"

В очередной раз отклоняется ходатайство об изменении меры пресечения

14 мая защитой было заявлено ходатайство об изменении Никитину меры пресечения. Ходатайство было обосновано тем, что, находясь на свободе, Никитин никак не сможет воспрепятствовать установлению истины, ибо за семь месяцев сбор доказательств закончен, все первоочередные мероприятия проведены, осталось только дать

справедливую экспертную оценку "секретности" и новизны информации. Гарантацией явки обвиняемого по вызовам следствия и суда мог быть как денежный залог, так и представленные защитой поручительства десятков общественных организаций (ст. 95 УПК РСФСР) и личные поручительства заслуживающих доверия лиц (ст. 94), среди которых известные писатели, ученые, депутаты Государственной Думы России и Законодательного собрания С.-Петербурга.

Отклоняя это ходатайство, следователь записал в постановлении следующее: "Обстоятельства и имеющиеся доказательства, которые на данном этапе расследования не могут быть в полном объеме известны адвокату, дают основания полагать, что, с учетом позиции обвиняемого на следствии, он может как помешать установлению истины, так и скрыться".

Никитин заявляет отвод следователю и представителю прокуратуры

В мае 1996 года Никитин заявил отвод следователю ФСБ И.Максименкову и прокурору отдела городской прокуратуры С.-Петербурга по надзору за следственными органами ФСБ А.Гуцану, в связи с тем, что его права систематически нарушаются. Гуцан, который трижды участвовал при предъявлении обвинения и в допросах, занимал откровенно обвинительную позицию, поддерживая грубые нарушения прав Никитина со стороны следствия. С момента ареста прокуратура полностью поддержала незаконную позицию следствия по лишению обвиняемого права на защиту с помощью избранного им адвоката. Именно прокурор Гуцан был инициатором передачи жалобы на незаконность и необоснованность ареста, а позднее на продление срока заключения, из гражданского суда в военный.

Права обвиняемого ущемляются регулярными отказами следователя в ходатайствах о получении необходимой для осуществления защиты технической и норма-

тивно-справочной литературы открытого характера. Несмотря на неоднократные требования, защите не представлены приказы министра обороны, нарушением которых обосновано обвинение. Заявленные ходатайства месяцами не находят своего разрешения, что лишает защиту возможности в соответствии с законом своевременно обжаловать действия следователя прокурору.

Несмотря на то, что отвод был заявлен еще в мае 1996 года, постановление по данному вопросу так и не было предъявлено. Защита и Никитин были только уведомлены об отказе с нарушением сроков, положенных по УПК.

Из гражданского в военный суд

10 июня 1996 года Дзержинский районный суд принял дело по жалобе на продление срока заключения Никитина под стражей к производству. Об этом заблаговременно был извещен Никитин, но прокурор Гуцан вместе с судьей Стульниковым организовал отмену поручения о доставке обвиняемого в суд, а затем заявил ходатайство о передаче дела "по подсудности" в военный суд, которое было мгновенно удовлетворено судьей. В итоге, рассмотрение жалобы растянулось на пять недель вместо предусмотренных законом пяти дней.

Убедившись в полном отсутствии судебного контроля за законностью и обоснованностью продления срока заключения, защита отозвала поданную жалобу и обратилась в Верховный Суд РФ.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ А.Е. Меркушев подтвердил незаконность передачи дела в военный суд и истребовал материалы для подготовки протеста на постановление судьи Стульникова.

Обвинение не соответствует новому уголовному кодексу

1 июля защитой заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении Никитина на основании п. 2 ст. 5 УПК РСФСР в связи с тем, что с 1 января 1997 года вступает в силу новый УК РФ. Вместо ст. 64 действующего кодекса будет действовать ст. 275 — государственная измена. Обязательным элементом состава преступления по этой статье должно быть оказание содействия "иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации". Никто не обвиняет в подобной деятельности "Беллуну", поэтому в соответствии со ст. 3 Федерального закона РФ "О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации" от 24 мая 1996 года "подлежат прекращению все возбужденные уголовные дела о деяниях, не признающихся преступлениями в соответствии с УК РФ". Обоснованного постановления по ходатайству следствие не представило.

Заседание гражданского суда

Согласно адвокату Юрию Шмидту, на заседании Октябрьского районного суда 12 июля 1996 года, который рассматривал жалобу защиты уже на новое продление срока содержания Никитина под стражей, прокурор Гуцан нарушил все допустимые нормы поведения в процессе. Не имея возможности привести ни одного доказательства в подтверждение законности и обоснованности продления срока содержания Никитина под стражей, поскольку и следствие таких доказательств суду не представило, прокурор построил свое выступление на утверждениях о наличии у следствия неких оперативных материалов, на основании которых роль Никитина вырисовывается в совершенно ином свете.

Прокурор позволил себе в судебном заседании оперировать туманными намеками на некие обстоятельства, которые в материалах дела отсутствуют, и, соответственно, никакого обвинения в связи с ними Никитину не предъявлено. Из этих намеков можно было сделать вывод, что в действительности Никитин — чуть ли не кадровый агент иностранных спецслужб. Именно эти намеки оказали решающее влияние на постановление суда. Если прокурор позволил себе подобное прямо в процессе, в присутствии обвиняемого и защитников, то можно себе представить, какая "информация" распространяется стороной обвинения в более узком кругу. Тем более, что к подобным приемам обвинение прибегает не впервые.

Решение суда было обосновано, в частности, утверждением о том, что Никитин может скрыться. Это предположение следствие обосновывает давним намерением семьи Никитиных получить разрешение на выезд для постоянного проживания в Канаду, а также тем, что 5 февраля 1996 года он выписался из Санкт-Петербурга с намерением прописаться у своей матери в г. Винница. Между тем, обвиняемый дал исчерпывающие объяснения по этому вопросу, которые никем и ничем не опровергнуты. Он пояснил, что прописка у матери необходима для перевода ей его военной пенсии. Иным путем оформить доверенность для получения ею этой пенсии невозможно. Сам же Никитин, имеющий в Санкт-Петербурге жену и дочь, эмигрировать на Украину не собирался, загранпаспорт у него был отобран еще в октябре 1995 года.

Новый отвод прокурору

В середине июля 1996 года, после заседания Октябрьского районного суда, Александр Никитин заявил новый отвод прокурору Гуцану. Причиной этому послужило выступление А. Гуцана на заседании Октябрьского районного суда 12 июля 1996 года, где содержалось обвинение, вообще отсутствующее в материалах следствия. Таким образом, прокурор Гуцан не только нарушил права обвиняемого на защиту, но и ввел в заблуждение суд.

Отвод Гуцану прокуратурой принят не был с формулировкой "обвинение в процессе следствия может меняться". Согласно адвокату Никитину, оно может меняться, но только на основе аргументированных фактов. "Когда прокурор в суде пускает туманные намеки о шпионских связях обвиняемого с агентами иностранных разведок, не в силах при этом доказать ни единого слова, — это не есть "расширение". Это — произвол!" — говорит адвокат Юрий Шмидт.

Государственная Дума

19 июля группа депутатов Государственной Думы РФ направила на имя секретаря Совета Безопасности Александра Лебеда запрос, касающийся дела Александра Никитина. Документ был передан А. Лебедю 22 июля.

26 июля А. Лебедь направил депутатский запрос на рассмотрение Генеральному прокурору РФ Ю. Скуратову. 31 июля на имя председателя Государственной Думы РФ Г. Селезнева пришел ответ от старшего помощника Генерального прокурора РФ Ю.С. Захарова, который сообщил, что проводится проверка с изучением уголовного дела по обвинению Никитина А. К., о результатах проверки и принятом решении будет сообщено дополнительно. 15 августа на имя председателя Госдумы пришел ответ от и.о. Генерального прокурора РФ Чайки Ю. Я. В письме, в частности, говорилось: "Расследованием установлено, что Никитин, умышленно действуя в ущерб государственной безопасности и обороноспособности Российской Федерации, собрал и передал иностранной организации сведения, составляющие государственную тайну, чем совершил измену Родине в форме шпионажа...", — иными словами, Генеральная прокуратура расследованием дела Никитина не занималась, в очередной раз высказав мнение ФСБ.

Продление срока содержания под стражей

5 августа стало известно, что срок содержания Александра Никитина под стражей продлен до 6 октября 1996 г. Решение было принято заместителем Генерального прокурора РФ. Адвокаты с постановлением о продлении срока заключения ознакомлены не были, таким образом, возможности проверить законность обвинения у защиты нет.

Комиссар ООН по правам человека, "Международная Амнистия" и международный Хельсинкский комитет

Правозащитная организация "Международная Амнистия" признала Александра Никитина "узником совести". Никитин — первый российский узник совести после Андрея Сахарова. Советник комиссара ООН по правам человека Здислав Кедзис (Женева) заявил, что комиссия знакомится с делом Александра Никитина и ожидает доклад экспертов "Международной Амнистии".

Хельсинкский комитет работает над созданием международной группы наблюдателей для отслеживания этого дела.

Последние события:

14 декабря 1996 г.

Александр Никитин был освобожден из СИЗО ФСБ под подписку о невыезде.

3 февраля 1997 г.

В ежегодном обзоре ситуации с правами человека в 194 странах, публикуемом Госдепартаментом США, отдельно говорится о деле Никитина.

В докладе указывается, что все дело Никитина сопровождалось многочисленными нарушениями закона. Само дело названо политически мотивированным.

11 февраля 1997 г.

10 февраля 1997 года наблюдатель от Комитета по делам соблюдения законности и прав человека при Совете Европы г-н Эрик Юргенс посетил Санкт-Петербург с целью ознакомления с ситуацией, сложившейся в деле Никитина. После встреч с заместителем прокурора города Санкт-Петербурга Поповым, Александром Никитиным и его адвокатом Юрием Шмидтом Юргенс дал пресс-конференцию. Отвечая на вопросы журналистов, наблюдатель Совета Европы сказал, что он не понимает причин организации многочисленных экспертных групп для определения степени секретности материалов доклада, инкриминируемых Никитину. По словам г-на Юргенса, достаточно сравнить информацию из доклада с открытыми источниками, из которых она компилировалась.

— Для проведения подобного анализа совсем необязательно быть экспертом, — сказал г-н Юргенс.

По возвращению в Страсбург г-н Юргенс представит доклад по делу Никитина на рассмотрение Комитета по делам соблюдения законности и прав человека при Совете Европы.

25 февраля 1997 г.

В интервью газете "АиФ-Петербург" за 20 февраля прокурор г.С.-Петербурга Еременко заявил, что дело Никитина вернулось из Москвы в прокуратуру города и по нему будет проводиться дополнительное расследование. Никитин и его адвокаты о местонахождении дела до сих пор официально проинформированы не были.

Министр иностранных дел России Евгений Примаков отказался высказать свое мнение по делу Александра Никитина до решения суда. Это стало известно во время официального визита министра иностранных дел в Норвегию 24-25 февраля.

5 марта 1997 г.

По распоряжению прокуратуры С.-Петербурга УФСБ по С.-Петербургу и области будет проводить дополнительное расследование дела Никитина. Сроки

дополнительного расследования, также как и дата судебного заседания, на сегодня не известны. В то же время, прокуратура С.-Петербурга дала указание ФСБ провести дополнительную экспертизу доклада "Беллуны" силами военных экспертов. По счету это будет четвертая экспертиза, организованная в рамках дела за последний год.

13 марта 1997 г.

2 марта 1997 года наблюдатель от Совета Европы Эрик Юргенс представил доклад по делу Никитина Комитету по делам соблюдения законности и прав человека при Совете Европы.

14 марта 1997 г.

Москва, 12 марта. Московский клуб юристов объявил Юрия Шмидта — адвоката Александра Никитина — "Лучшим юристом 1996 года". Московский клуб юристов был основан в 1995 году. В число учредителей клуба входят: администрация Президента РФ, Госдума, Генеральная прокуратура и МВД.

18 марта 1997 г.

Вашингтон, Д.С. — Лидеры экологических, правозащитных и научно-исследовательских организаций из США, Европы и России направили сегодня послания Президенту США Клинтону и Президенту России Ельцину, в которых содержались требования рассмотреть вопрос об обвинениях, выдвинутых против Александра Никитина. Президенты двух держав проведут встречу в Хельсинки на этой неделе. (пресс-релиз "Sierra Club", английская версия)

15 апреля 1997 г.

Сан-Франциско, 14 апреля. Сотруднику объединения "Беллуна" Александру Никитину присуждена премия Голдмана за 1997 год. В С.-Петербурге состоялась пресс-конференция Александра Никитина и адвоката Юрия Шмидта.

21 апреля 1997 г.

Шесть лауреатов премии Голдмана за 1997 год направили письма президентам США и России с просьбой посодействовать прекращению дела в отношении Александра Никитина.

— Мы полагаем, что г-н Никитин может играть ключевую роль в международном диалоге по решению проблем утилизации отслуживших свой срок атомных подводных лодок, — говорится в письме.

Президент американского отделения международной природоохранной организации "Друзья Земли" направил срочное обращение дочерним организациям с просьбой направить письма протеста Генеральному прокурору РФ Ю.Скуратову с требованиями прекратить дело в отношении Александра Никитина.

"Свободу Александру Никитину!"
ПЛАКАТ ПРОТЕСТА

29 апреля 1997 г.

Казнь гонца, принесшего плохую весть.

"За последние 6 лет Россия претерпела большие изменения, но еще есть основания утверждать, что образ мышления и действия, характерные для советской эпохи, играют не последнюю роль в жизни этой страны. Спросите об этом эколога из С.-Петербурга Александра Никитина, которому грозит высшая мера наказания только за то, что он не побоялся поведать горькую правду". Читайте колонку редактора в газете Washington Post.

2 мая 1997 г.

Александр Никитин получил поддержку от сенатора Конгресса США.

После награждения премией Голдмана Александр Никитин получил широкую поддержку со стороны

высокопоставленных чиновников США. В своем письме сенатор Диана Фейнштейн благодарит Никитина за его вклад в дело служения людям и защиты окружающей среды.

* Премия Голдмана является самой престижной в мире наградой, которая присуждается людям, добившимся выдающихся результатов в деле охраны окружающей среды. Ежегодно проводится награждение шести лауреатов, представляющих шесть континентов планеты. — Прим. ред.

Редакция сердечно благодарит экологическое объединение "Беллуна" за предоставленные материалы.

BELLONA

<http://www.ngo.grida.no>

«Надо довести работу до конца...»

Интервью с Александром Никитиным

...Увеличить численность военнослужащих и гражданского персонала органов контрразведки Российской Федерации...

...Министерству финансов Российской Федерации обеспечить выделение Федеральной службе контрразведки Российской Федерации необходимых ассигнований...

Указ от 22 ноября 1994 г. N 2106
Президент Российской Федерации
Б. ЕЛЬЦИН

— Александр, почему Вы начали заниматься экологией?

— На самом деле я начал заниматься экологией очень давно, еще тогда, когда начинал заниматься вопросами безопасности атомных установок. Я считаю, что вопросы безопасности атомных установок и вопросы экологической безопасности — это одно и то же.

— А сейчас Вы не жалесте, что начали заниматься экологией?

— Нет, конечно! Я никогда не буду об этом жалеть и считаю, что это очень хорошее занятие, полезное для всех людей. Те, кто является профессионалами в области

Александр Никитин в зале суда.

ФОТО "БЕЛЛУНЫ"

ядерной и радиационной безопасности, должны заниматься этими вопросами.

— Немного истории: что Вы чувствовали тогда, в октябре, когда они (ФСБ) пришли первый раз к Вам домой и в офис "Беллун"?

— Я думал, что это просто недоразумение, полагал, что все вскоре выяснится. Чистое недоразумение!

— Тогда, в феврале, арест был для Вас полной неожиданностью?

— От первого визита ФСБ до ареста прошло три месяца, и за это время я начал понимать, что произошедшее — не недоразумение, и могут последовать другие действия. Но, все-таки, я не думал, что они меня арестуют.

— Сразу после ареста... Чего Вы ожидали? Вы думали, что они ошиблись и скоро разберутся?

— Когда меня забрали, я не знал, что это арест. Меня увезли в ФСБ под предлогом допроса, обещав, что скоро я вернусь домой. А когда мне предъявили обвинение, то я начал понимать, что это уже слишком далеко зашло и дело будет очень серьезным.

— Во время заключения Вы знали, как реагируют люди на Ваш арест?

— Да, до меня доходила информация. А самое главное, я знал, что люди понимают и поддерживают работу, которую мы проводили, хотя ФСБ всячески пыталась доказать, что это не экологическая, а шпионская деятельность.

— Насколько Вам удавалось поддерживать контакт с окружающим миром, семьей?

— Сначала это было сложно — ко мне не пускали ни адвокатов, ни жену, и единственным источником информации были газеты. Потом, когда появились адвокаты и жене разрешили два раза в месяц навещать меня, я, конечно, все узнавал от них. В основном — от адвокатов (жене — Татьяне Черновой — запрещалось "говорить о деле" во время свиданий). Еще позже все, что происходило, я видел своими глазами по телевизору.

— Когда было труднее: в начале или в конце, после стольких месяцев заключения?

— Нет, конечно, труднее всего было в начале: не было адвокатов, и я не знал, чем завершится Конституционный Суд. Я постоянно думал, что будет дальше, потому что очень многое зависело именно от адвокатов. Но я был уверен, что семья, друзья, коллеги не оставят меня в беде и что они будут бороться до конца.

— Чем Вы занимались во время заключения?

— Первые два месяца, пока не было встреч с адвокатами и работы по делу, я, в основном, читал книги и газеты, которые мне приносила жена. А потом уже занимался тем, что анализировал информацию и литературу от адвокатов, очень много времени у меня уходило на работу по своему делу. Когда появился телевизор, я с удовольствием несколько недель его смотрел. Узнал, что творится в мире, не пропускал новости.

— А Чемпионат Европы видели?

— Да, успел на Чемпионат Европы! Телевизор смогли передать где-то в конце мая, а Чемпионат начинался в начале июня, по-моему... Ночами показывали матчи, я смотрел их — очень интересно! А потом еще Олимпийские Игры.

— Как Вы думаете, сотрудники ФСБ сами верили, что Вы — шпион?

— Я думаю, что некоторые из них даже и не верили. Как они сами потом говорили: "Просто это наша работа такая!" У меня складывалось впечатление, что они выполняли чей-то приказ — надо это сделать — и все. Были такие наблюдения, особенно в конце моего дела.

— Как Вы себя чувствовали во время суда?

— Сначала я naïвно думал, что судьи начнут разбираться в сути дела, но после нескольких посещений суда это заблуждение прошло. Заключенные, которые там были вместе со мной, называли это мероприятие "развлекуха" — развлечение. Вот повезли тебя в суд, на людей посмотрел, сменил обстановку... Но с другой стороны, это были психологические удары. Как бы там ни было, возвращаться из суда в тюрьму очень тяжело.

— У нас было впечатление, что судьи почти не слушали защитника. Шмидт защищал Вас, а они, почти ничего не говоря, меру пресечения не меняли.

— Да, Шмидт выступал, приводил какие-то доводы, но фактически это было никому не нужно, потому что судьи заранее знали, какое решение примут. Это было как спектакль.

— Почему в конце Вы не захотели ознакомиться с материалами дела?

— Я полагал, что это не документы дела, а сфабрикованные ФСБ материалы. Думаю, что дело — это когда есть две стороны — следователь и обвиняемый. И если обвиняемому за десять месяцев ни разу не дали воспользоваться своими правами, положенными по закону, то я считаю, что никакого следствия не было, а была просто фабрикация. Поэтому я отказался.

— Когда Вы узнали, что освободитесь? Как это было?

— Я узнал об этом 14 декабря, в последнюю минуту, когда за мной пришли.

— Что они говорили Вам? Мало известно, что происходило с 11 по 14 декабря, о суде и т.д...

— 11 числа мне никто ничего не говорил. 12 числа был День Конституции — выходной. 13 числа также был выходной, но 13-го после обеда я написал заявление дежурному, где просил немедленно мне сообщить, на каком основании нахожусь под арестом, поскольку уже начало действовать постановление Конституционного Суда. Пришел помощник дежурного и сказал, что сейчас дать ответ не может, но 14-го утром доложит начальнику изолятора Старкову о том, что я требую объяснения. А

14-го утром была баня. Рано утром почему-то нашу камеру первой повели в баню (как правило, это было не так), мы помылись, и после этого мне начали приносить для ознакомления всякого рода бумаги. Сначала о том, что мое дело передано в прокуратуру, через некоторое время — что мое дело передано в суд, а еще через несколько часов — о возвращении его в прокуратуру, причем, Генеральную. После обеда я написал заявление Старкову, где указал, что если через час мне не представят бумагу с объяснением, на каком основании я нахожусь под арестом, то я объявляю голодовку! Через час пришел охранник и сказал, чтобы я собирал вещи. Это было вечером 14-го. Да, тот момент я не скоро забуду!

— *Что Вы чувствовали в это время? Вы поверили?*

— Как ни странно — да, я этому поверил и был совершенно спокоен. Собрал свои вещи, немножко подождал, потом меня повели вниз, и неожиданно пришел прокурор из Санкт-Петербургской прокуратуры, сказал, что его фамилия Дедешин и он должен посмотреть, как меня освобождают. Это меня очень удивило. Работники следственного изолятора, которые меня освобождали, выразили надежду, что я на них не обижаюсь. Я сказал: "Конечно!" И после этого меня выпустили!

— *Как Вы думаете, новый суд состоится?*

— Трудно сказать, может быть. Но я не боюсь. Думаю, что если и состоится, то все равно приговор будет оправдательным!

— *Чем Вы занимались после освобождения?*

— Очень много времени ушло на общение с журналистами, телевизионными компаниями. За это время я дополнительно собрал много различного рода фактов,

которые подтверждают мою невиновность, и готов еще раз представить эти материалы в прокуратуру или в суд. Немножко отдохнул дома, в своей квартире.

— *А чего Вы ожидаете от будущего?*

— Во-первых, я хочу, чтобы закончилось дело, и потом снова буду работать. Думаю, что буду заниматься тем же, чем и раньше. Считаю, что это очень важная проблема, меня поддерживает моя семья, жена считает, что та работа, которой я занимался, очень важна.

— *Мы тоже надеемся на лучшее! Но, говорят, сейчас дело находится у Генерального Прокурора?*

— Да. Сегодня вернулся из Москвы один из моих адвокатов, ему сказали, что пока дело находится там.

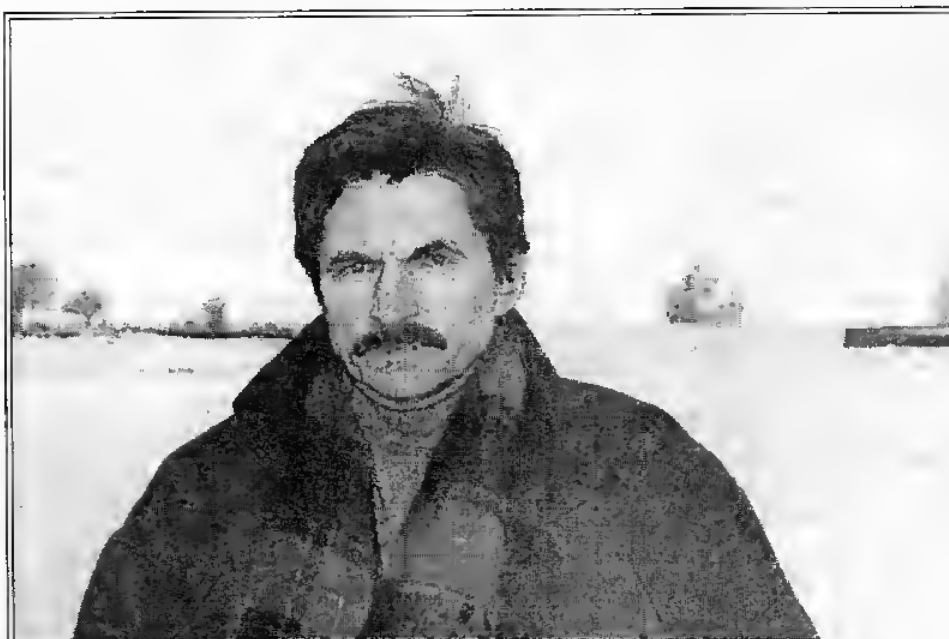
— *Что-то уж слишком долго...*

— Прошел почти месяц, как меня освободили и как дело было туда передано. Это довольно большой срок, однако, это нормальная ситуация. Адвокату сообщили, что либо на этой неделе, либо на следующей дело будет возвращено в Санкт-Петербург.

— *Как Вы и "Беллуна" предполагаете использовать дальше в России доклад о Северном Флоте, чтобы найти решение экологических проблем?*

— Несомненно, надо довести до конца ту работу, которую мы планировали. Доклад, на мой взгляд, получился неплохой, достаточно профессиональный. Я считаю, что "Беллуна" должна сейчас приложить все усилия, чтобы выйти на практический проект. Если это будет сделано, то работу, которую мы планировали, можно будет считать выполненной.

С Александром Никитиным беседовал
Хокон Странд, объединение "Беллуна".

Александр Никитин освобожден. Уголовное дело его не закрыто.

ФОТО "БЕЛЛУНЫ"

Ирина КОТОВА,
Игорь САВЧУК,
Вячеслав ЖУРАВСКИЙ

Серпуховское общество попечителей пенитенциарных учреждений
"Группа защиты прав заключенных"

КАК ОСУЖДЕННЫЙ МОЖЕТ ЗАЩИТИТЬ СВОИ ПРАВА

Этот материал должен быть полезен осужденным, их родственникам, общественным правозащитным организациям. Знакомство с ним не помешает всем гражданам России.

Введение

*Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.
(Конституция Российской Федерации, ст. 45, п. 2)*

Правам и свободам человека и гражданина посвящено 49 статей Конституции Российской Федерации. К сожалению, многие из них по разным причинам нарушаются и, значит, нуждаются в защите.

Различные категории населения: инвалиды, ветераны, жертвы политических репрессий, семьи военнослужащих и другие — с целью более эффективной защиты своих прав создают общественные объединения.

Заключенные этого сделать не могут. Те самодеятельные организации, которые создаются в местах лишения свободы, вряд ли можно считать правозащитными. Поэтому законные человеческие права нарушаются там чаще и грубее и остро нуждаются в общественной защите. Эту роль и пытаются взять на себя неправительственные правозащитные организации, занимающиеся проблемами заключенных. На сегодняшний день такие объединения созданы в нескольких регионах России. (Адреса известных нам организаций Вы найдете в Приложении 1.)

Наша "Группа защиты прав заключенных" — одна из них.

Общественные организации не наделены властными полномочиями, не финансируются государством и не имеют беспрепятственного доступа в места лишения свободы. Поэтому надежды заключенных на то, что по их письмам придет общественная независимая комиссия, разберется и наведет порядок, к сожалению, всего лишь надежды.

Мы собираем информацию, обобщаем ее, стараемся влиять на государственные органы, готовим материалы в средства массовой информации, чтобы рассказать общественности о положении дел в уголовно-исполнительной системе.

В некоторых конкретных случаях нам удастся добиться определенных результатов. Но система в целом, с ее пороками, с ее закрытостью и карательным уклоном, пока остается неизменной.

Многолетний личный опыт пребывания в местах лишения свободы, а также опыт работы "Группы защиты прав заключенных" дают нам основания утверждать, что "общественная организация сможет эффективно защитить нарушенные права человека только в том случае, если этот человек сам примет активное участие в своей защите."

Дело это нелегкое. Борясь за свои права, каждый человек должен поступать только в соответствии с законом. Объявляя голодовки, вскрывая себе вены и распарывая животы, вряд ли можно добиться желаемого результата. Не принесут пользу и жалобы, если в них не описываются конкретные факты или если они не подтверждены необходимыми доказательствами. И еще немало формальностей нужно соблюсти для того, чтобы жалоба была вскоп, убедительной, требующей тщательной проверки, иными словами, чтобы Ваш выстрел не оказался холостым. Прежде чем получить окончательный ответ, нередко приходится пройти одну за другой несколько инстанций, проявляя выдержку и благоразумие.

Наша брошюра как раз и познакомит Вас с последовательностью действий по обжалованию тех фактов, которые Вы считаете нарушением Ваших прав.

Знай свои права

Правовую основу деятельности уголовно-исполнительной системы составляют: Конституция Российской Федерации, настоящий Закон и иные правовые акты Российской Федерации, Конституции и иные правовые акты республик в составе Российской Федерации, правовые акты автономной области, автономных округов, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, органов местного самоуправления, принятые в пределах их полномочий, нормативные акты Министерства внутренних дел Российской Федерации и центральных органов уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел РФ.

(Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы")

Любое учреждение в своей деятельности должно руководствоваться только действующим законодательством. Это требование в равной мере относится и к учреждениям, исполняющим наказание. А это значит, что ограничение прав и свобод осужденных, отбывающих наказание, могут исходить только из приговора суда и требований уголовно-исполнительного законодательства.

Если в действующие законы с течением времени вносятся изменения, они обязательно должны быть опубликованы. В настоящее время все изменения законодательства публикуются в "Российской газете" и в ряде других официальных изданий.

Все акты по уголовно-исполнительному законодательству должны быть в каждом учреждении пенитенциарной системы. Администрация учреждения обязана знакомить заключенных с их правами и обязанностями уже при их приеме.

Однако, многочисленные письма, приходящие к нам из мест лишения свободы, свидетельствуют о том, что заключенные зачастую своих прав не знают.

Например: мы получаем много писем, в которых осужденные жалуются на то, что им приходится отбывать наказание далеко от дома, и требуют перевода ближе к родным. Однако, статья 6 Исправительно-трудового Кодекса (ИТК) гласит о том, что лица, впервые осужденные к лишению свободы, отбывают наказание, как правило, в пределах республики, края, области, в которой они проживали до ареста или были осуждены.

Остальные категории осужденных направляются для отбывания наказания в учреждения, определенные для содержания этих категорий, независимо от того, где они проживали до ареста или были осуждены.

Только незнанием закона можно объяснить эти необоснованные требования, приводящие зачастую к конфликтам с администрацией и напрасной напряженности.

А вот противоположный пример. Многие письма содержат жалобы на слишком высокие нормы выработки и просьбы помочь их пересмотреть, чтобы не подвергаться наказаниям за их невыполнение. Разумеется, пересмотр завышенных норм выработки требует своего разрешения, но написавшие нам осужденные в очередной раз продемонстрировали незнание Исправительно-трудового Кодекса, поскольку в ст. 53 сказано, что "осужденные не подлежат привлечению к дисциплинарной ответственности за невыполнение норм выработки или сменного задания, если это не явилось следствием отказа или злостного уклонения от работы". А это значит, что оспаривать нужно не только нормы выработки, тем более еще неизвестно, завышены ли они. Оспаривать нужно сам факт незаконного наложения взыскания.

Беспрепятственный доступ к информации по законодательству — Ваше неотъемлемое право.

Итак, Ваш первый шаг — ознакомление с действующим уголовно-исполнительным законодательством.

Не исключено, что Вам в этом попытаются отказать. Обычно администрация ссылается на то, что в отрядах имеются "Правила внутреннего распорядка ИТУ" и поэтому Ваше знакомство с Исправительно-трудовым Кодексом не обязательно. Это не так. "Правила" хоть и изданы на основании ИТК, но вовсе его не заменяют. Поэтому Ваше желание ознакомиться с Кодексом или другими документами вполне обоснованно.

Если администрация все-таки не представит Вам этой возможности, не обостряйте ситуацию, не идите на конфликт. Если у Вас недостаточно выдержки, лучше не начинать. У Вас еще есть возможность ознакомиться с интересующей Вас информацией в библиотеке ИТУ. Если же и эта попытка не даст результата, у Вас есть основания жаловаться прокурору по надзору за законностью в ИТУ на действия администрации, нарушившей Ваше право на получение информации, касающейся Ваших прав и обязанностей.

Образец написания жалобы прокурору по надзору за ИТУ приведен в Приложении 2.

Жалобу Вы должны отправить официально, при желании — в запечатанном конверте. Согласно ст. 36 Исправительно-трудового Кодекса "Предложения, заявления и жалобы осужденных, адресованные в прокуратуру, суд и государственные органы, обладающие правом

контроля за деятельностью исправительно-трудовых учреждений, просмотру не подлежат и не позднее чем в суточный срок направляются по принадлежности.

О результатах рассмотрения предложений, заявлений и жалоб объявляется осужденному под расписку."

Так как ответы по Вашим официальным письмам Вам на руки не выдаются, Вы вправе их переписать и копию, по Вашей просьбе, должны заверить.

Надзирающие прокуроры далеко не всегда признают нарушения, допущенные администрацией. Но на этот раз Ваше требование будет настолько конкретно и обоснованно, что в положительном решении почти нет сомнений.

Совсем необязательно, что каждому придется пройти такой сложный путь. Но так или иначе, мы подошли к моменту, когда Вы получили возможность подробно ознакомиться с законодательством, определяющим Ваши права и обязанности.

Нарушения явные, скрытые и узаконенные

Исполнение наказания не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

(Исправительно-трудовой Кодекс РСФСР, ст. 1)

Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

(Конституция Российской Федерации, ст. 15)

Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, применяемого или подлежащего применению в конкретном деле, в порядке, установленном федеральным законом.

(Конституция Российской Федерации, ст. 125, п. 4)

Явные нарушения — сумей доказать

Предположим, за невыполнение нормы выработки Вас водворили в штрафной изолятор (ШИЗО), при этом остригли налысо, да еще и избили. Из исправительно-трудового Кодекса Вы узнали, что в отношении Вас трижды нарушен закон. Ваши жалобы достигнут своей цели, если при проверке факты подтвердятся. Но как раз в этом и кроется главная трудность.

В постановлении о наложении взыскания может быть указана совсем другая причина, в медицинской карте может появиться запись о заболевании педикулезом

(вшивость), ну, а факт избиения доказать и вовсе трудно. Ведь администрация — не враг себе и не будет явно нарушать закон, если не сможет рассчитывать на свою безнаказанность. Поэтому прежде чем обжаловать такие, казалось бы, бесспорные нарушения, нужно принять все меры, чтобы у Вас были необходимые доказательства. В частности, Вы должны обязательно ознакомиться с постановлением о наложении взыскания, а не отказываться от подписи, как это часто бывает на практике, иначе Вы не будете знать, какая причина в нем указана.

Если речь идет о побоях, то наивно предполагать, что работники медсанчасти предоставят при проверке какие-либо данные против администрации, то же самое можно сказать и о других сотрудниках учреждения. Остается только одна надежда — это показания Ваших товарищей. Слабая надежда, но тем и страшно незаконное, что оно держится на страхе одних и безнаказанности других. Поэтому мы вынуждены признать, что на сегодняшний день обжаловать явные нарушения чрезвычайно тяжело, пока нас и Вас сдерживают опасения за дальнейшую судьбу жалобщиков и свидетелей. Но мы надеемся, что в действительности будет немало обстоятельств, когда Вам удастся обеспечить свою жалобу необходимыми фактами и, в то же время, не подставить себя под удар.

Во всяком случае, принудительную стрижку наголо в большинстве исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) нам удалось с вашей помощью выявить и добиться ее прекращения.

Есть положительные результаты и при обжаловании незаконного наложения взысканий за невыполнение норм выработки.

С извинениями пока дело с места не сдвинулось и не сдвинется, пока мы будем писать заочные неконкретные жалобы, не подкрепленные никакими доказательствами.

Вот такие сложности стоят на пути выявления, на первый взгляд, явных нарушений прав человека и законности в местах лишения свободы.

Скрытые нарушения. Как их обжаловать

Вторую группу нарушений мы еще называем ведомственными, и для наглядности опять приведем несколько примеров.

Осужденных, водворенных в ШИЗО или помещение камерного типа (ПКТ), кормят по пониженной норме, что противоречит статье 56 Исправительно-трудового Кодекса, в которой записано, что "нормы питания дифференцируются в зависимости от климатических условий места расположения исправительно-трудового учреждения, характера выполняемой осужденными работы". Иными словами, законодательство определяет, что в суровых климатических условиях или при выполнении тяжелой или вредной работы питание

должно быть выше основной нормы, ни о каком пониженном питании в законе и речи нет.

Казалось бы, в этом случае и доказывать ничего не нужно — нарушение налицо. Каково же было наше удивление, когда работники исполнительных и надзирающих инстанций в ответ на наши запросы объяснили, что норма питания в ШИЗО и ПКТ действительно отличается от основной в меньшую сторону и так должно быть, поскольку нормы разработаны Правительством России и введены в действие приказом МВД РФ № 13 от 15.01.93г. (С сожалением должны отметить, что в Проекте нового Уголовно-исполнительного Кодекса пониженную норму питания в ШИЗО и ПКТ предлагается узаконить).

Если опять же в ШИЗО или ПКТ у Вас разорвут матрас или оторвут подметки от обуви, разве можно оправдать такую порчу имущества? Оказывается, и на этот счет есть приказ, разрешающий прокалывать шилом или распарывать по швам обувь, одежду и постельные принадлежности, чтобы избежать проноса запрещенных предметов.

Таких приказов множество. Называются они внутриведомственными нормативными актами. Все они утверждены Министерством внутренних дел РФ и согласованы с Генеральной Прокуратурой. Если Вам запрещают вынести из столовой свою порцию хлеба, которую Вы хотите съесть с салом или консервами из посылки, значит, и по этому поводу есть свой приказ.

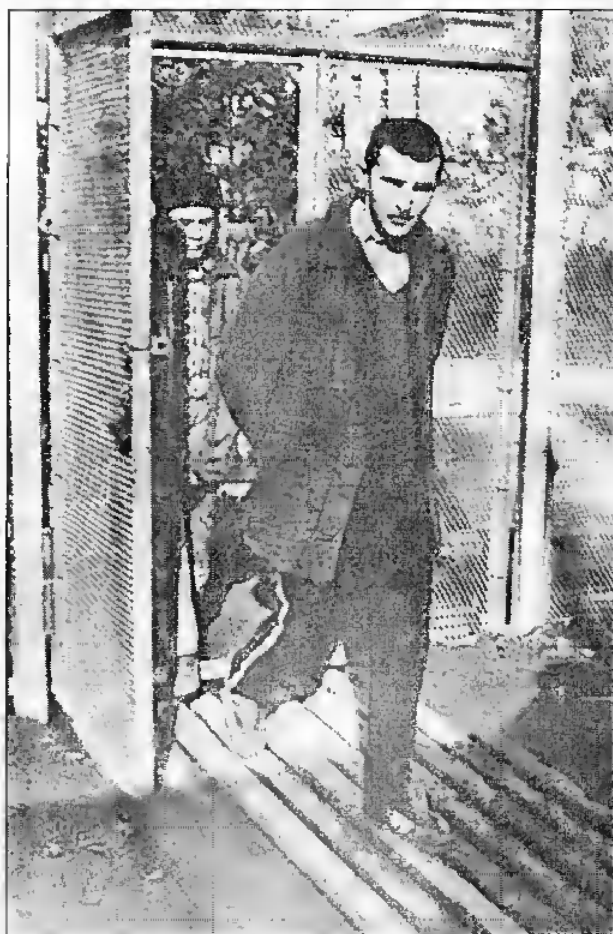
В официальном законодательстве нет ссылок на создание локально-профилактических участков (ЛПУ) или статьи, позволяющей использование подразделений спецназа при проведении обысков или других плановых мероприятий. Однако, ЛПУ созданы практически во всех колониях, а ребята из спецназа роются в ваших тумбочках и вещмешках, не дожидаясь чрезвычайных обстоятельств.

А это значит, что в МВД и для этих случаев есть свои нормативные акты.

Когда мы обращаемся в Управление исполнения наказаний (УИН) или в прокуратуру по поводу действий администрации ИТУ, в очередной раз нарушившей, на наш взгляд, права осужденных, мы уже готовы получить ответ о том, что эти действия предусмотрены очередным министерским нормативом.

До последнего времени ознакомиться с этими актами не могли ни мы, ни Вы. Издавались они для служебного пользования, опубликованию и распространению не подлежали. Среди этих нормативных документов есть немало таких, которые, на наш взгляд, содержат дополнительные правоограничения, не предусмотренные законом.

Поэтому мы и называем нарушения прав осужденных, которые допускаются по велению министерств и ведомств, скрытыми. От этого они не перестают быть нарушениями.

Однако, Вы должны знать, что эти нарушения исходят не от администрации ИТУ, поскольку она исполняет и обязана исполнять спущенные сверху приказы, инструкции, распоряжения и т.п.

Как же Вам защитить свои права в данном случае?

Засекреченность этих документов уже сама по себе противоречит статье 15 Конституции РФ. (Следует заметить, что такое положение с нормативами, затрагивающими права и свободы человека, сложилось не только в пенитенциарной системе). В связи с этим, во исполнение вышеуказанной статьи Конституции РФ, Президент РФ издал Указ от 24 ноября 1995 года № 1178 "О мерах по обеспечению открытости и общедоступности нормативных актов", согласно которому доступ к любой информации, касающейся прав и свобод человека, должен быть обеспечен каждому.

В частности, в учреждениях уголовно-исполнительной системы каждый заключенный вправе знакомиться с любым документом, который касается его прав и обязанностей.

Обжалование действий администрации в случае отказа — право каждого заключенного. Теперь Вы и по этому поводу можете обратиться со своей жалобой к прокурору по надзору за соблюдением законности в ИТУ. Сделать это нужно официально, через спецчасть.

Для ответа законом установлен срок — один месяц. Жалоба или заявление должны быть написаны четко, конкретно, без лишних рассуждений. (Приложение 2).

Если же и прокурор откажет в Вашем законном требовании, у Вас появляются все основания обжаловать действия должностного лица в суд того района или города, в котором находится Ваше ИТУ. Как в данном случае, так и во всех остальных случаях обращений по инстанциям, нужно соблюдать определенный порядок. Бесполезно писать в Генеральную Прокуратуру, а тем более в Европейский и Международный Суды, пока не будут пройдены по порядку все ступени и по каждому обращению не будут даны ответы. Все Ваши жалобы будут возвращены на исходную позицию.

Итак, предположим, что Вам пришлось обратиться в районный суд с жалобой на отказ администрации предоставить Вам доступ к информации, касающейся условий Вашего содержания. (Образец написания такой жалобы см. Приложение 3).

В соответствии с требованиями закона, суд обязан рассмотреть Вашу жалобу и обязать администрацию предоставить Вам возможность для ознакомления с нормативными документами.

Порядок обжалования

Мы считаем, что у Вас чаще будет складываться ситуация, когда придется жаловаться на действия (бездействие) администрации, независимо от того, ознакомят Вас или нет с тем нормативом, на котором эти действия основаны.

Предположим, Вас наказали за то, что Вы в дневное время присели на кровать. Будет целесообразно, если Вы требованию администрации подчинитесь, но тут же попросите ознакомить Вас с нормативным документом, запрещающим Вам сидеть на кровати. Независимо от того, удовлетворит администрация Вашу просьбу или нет, жаловаться нужно прежде всего на сам факт наложения взыскания или на незаконный, по Вашему мнению, запрет. Существуют определенные сроки для обжалования административных действий. В данном случае — срок 3 месяца с момента совершения этих действий. Пока Вы будете добиваться ознакомления с нормативом, этот срок может истечь. Поэтому Вы должны обратиться опять же к прокурору, надзирающему за законностью в Вашем ИТУ, с жалобой на действия администрации. (См. Приложения 4, 6).

Если же ответ прокурора Вас не удовлетворит или по истечении месячного срока после подачи жалобы Вами не будет получен ни один ответ, Вы вправе обратиться с жалобой по тому же вопросу, в течение одного месяца, в суд того района (города), где находится Ваше ИТУ. (См. Приложения 5, 7).

Согласно статьи 239 со значком 2 Гражданско-процессуального Кодекса РСФСР (ГПК) подлежат

судебному обжалованию действия государственных органов и должностных лиц в результате которых:

- 1) нарушены права или свободы гражданина;
- 2) созданы препятствия осуществлению гражданином его прав и свобод;
- 3) на гражданина незаконно возложена какая-либо обязанность или он незаконно привлечен к ответственности.

При написании жалоб, как Вы увидите из Приложений 5, 7, необходимо указывать обжалываемые действия (решения) администрации и обстоятельства, при которых они были совершены, какие конкретно права и свободы были ущемлены этими действиями (решениями), подавалась ли ранее жалоба аналогичного содержания (в данном случае, в прокуратуру).

Для большей убедительности желательно также указать, почему, по Вашему мнению, Вы считаете данные действия (решения) неправомочными и какие последствия повлекли эти действия (решения) администрации: нарушены Ваши права и свободы; созданы препятствия к осуществлению прав и свобод; на Вас незаконно возложена обязанность или Вы незаконно привлечены к ответственности.

Осуществляя свои права и свободы, Вы не должны нарушать права и свободы других лиц и порядок, установленный Уголовно-исполнительным законодательством.

При подаче заявления в суд требуется оплачивать госпошлину в размере 15% от минимальной заработной платы, установленной законом на время подачи. Однако, исследовав Ваше материальное положение, суд может по Вашей просьбе Вас от уплаты госпошлины освободить.

В такой же последовательности следует обращаться с жалобами на любое действие или бездействие администрации, которые, по Вашему мнению, ущемляют Ваши права. Например, в большинстве ИТУ в ПКТ отсутствуют электрические розетки. По этой причине многие осужденные, находясь в ПКТ, не могут пользоваться электрической бритвой. Мы даже предполагаем, что именно по этой причине в ПКТ запрещен чай. И по этому поводу Вы вправе жаловаться. Если ваша жалоба будет касаться тех действий администрации, которые вытекают из очередного нормативного акта, то и надзирающий прокурор в своем ответе сошлется на этот документ, ведь мы уже объясняли, что все нормативы, исходящие от МВД, согласовываются с Генеральной Прокуратурой, исходящие от других инстанций (краевых, областных и т.п.) — с соответствующими прокуратурами.

Поэтому мы хотим еще раз подчеркнуть, что после отказа прокурора Вам бессмысленно писать в вышестоящие прокуратуры, а также во всевозможные Комиссии, Комитеты, Ассоциации, как Вы это обычно делаете. Единственно правильный выход — это обращение в суд

с жалобой на бездействие администрации и с кратким изложением прокурорского ответа, желательно, с указанием даты и номера.

Если при рассмотрении Вашей жалобы выяснится, что действия администрации основаны на очередном нормативном акте, то согласно ст. 120 Конституции РФ: "Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа закону, принимает решение в соответствии с законом." (Образцы обращений в суд см. Приложения 5, 7).

Суд вправе вынести определение в адрес органа, издавшего нормативный акт, о несоответствии его законодательству.

Ознакомление заявителя с решением суда обязательно.

Согласно ГПК решение суда должно быть мотивированным и обосновано действующим законодательством, регулирующим рассматриваемый вопрос.

Разумеется, никто не может гарантировать, что ваша жалоба судом будет удовлетворена. Куда следует обращаться в случае дальнейшего обжалования решения суда первой инстанции, мы расскажем дальше, а сейчас остановимся еще на одной группе нарушений.

Узаконенные нарушения. С ними тоже можно бороться

К сожалению, наше законодательство еще несовершенно, и некоторые положения закона порой противоречат Конституции страны. Такие противоречия может признать только Конституционный Суд. Для наглядности приведем два примера постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, касающихся восстановления конституционных прав лиц, отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы.

Первое постановление признало неконституционным положение жилищного законодательства, по которому лица, осужденные к лишению свободы, лишались права пользования жилой площадью, которой они пользовались до осуждения. В настоящее время это противоречие устранено.

Второе постановление признало неконституционным положение пенсионного законодательства о прекращении выплаты пенсий лицам, осужденным к лишению свободы. Во исполнение этого постановления Правительством

Российской Федерации внесен в Государственную Думу проект закона "О внесении необходимых изменений в пенсионное законодательство". После принятия закона Государственной Думой пенсионерам, даже в случае осуждения к лишению свободы, будет продолжаться начисление пенсии на их лицевой счет.

Каким образом удалось добиться устранения двух серьезных нару-

шений Конституции России из действующего законодательства? Только путем обращения в Конституционный Суд тех граждан, которых эти нарушения непосредственно касались. И в первом, и во втором случае жалобы составляла и подавала общественная организация, но действовала она от лица конкретных граждан на основании доверенности. От лиц или организаций, прав которых то или иное действие не затрагивает, жалобы к рассмотрению не принимаются.

А сейчас перейдем к следующему разделу, в котором пойдет речь еще об одном способе защиты своих гражданских прав.

Возмещение вреда, причиненного здоровью

Способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами.

Правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью.

(Гражданский Кодекс Российской Федерации, часть первая ст. 17)

Никто не может быть ограничен в правоспособности и дееспособности иначе, как в случаях и в порядке, установленных законом.

(Гражданский Кодекс Российской Федерации, часть первая ст. 22)

Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

(Конституция Российской Федерации, ст. 53)

До сих пор мы рассказывали Вам о способах защиты своих прав от нарушений, допущенных, по Вашему мнению, в отношении Вас действиями (бездействием)

администрации. При этом речь шла о правовых взаимоотношениях между двумя сторонами, из которых одна находится в административной подчиненности другой. Следовательно, при рассмотрении Ваших жалоб необходимо установить, что действия (бездействие) администрации действительно ущемляли Ваши права и противоречили закону, поскольку не все действия (бездействие), которые Вам не по душе, являются противозаконными.

Например, многим заключенным не нравится, что у них забирают самодельные кипятильники или не пропускают в посылках крупы и макаронные изделия. В таких случаях жаловаться бессмысленно, поскольку эти действия законны, и Вам остается только подчиниться.

Но существуют неотъемлемые права, которые признаются за всеми гражданами в равной мере на протяжении всей жизни.

Одним из таких прав является право на охрану здоровья. Поскольку нарушение этого права стало сегодня особенно распространенным и наносит заключенным порой непоправимый вред, мы остановимся отдельно на защите гражданских прав путем возмещения вреда, причиненного личности повреждением здоровья.

Предположим, в результате производственной травмы человек стал нетрудоспособным или частично утратил профессиональную трудоспособность. О несчастном случае на производстве в течение 24 часов должен быть составлен акт. После оказания медицинской помощи, если травма настолько серьезна, что восстановить профессиональную трудоспособность невозможно, врачебно-трудовая экспертная комиссия (ВТЭК) должна установить % утраты профессиональной трудоспособности. Эти документы будут необходимы для подачи в суд искового заявления о возмещении вреда в связи с утратой (или частичной утратой) трудоспособности.

Такое же исковое требование вправе предъявить человек, заболевший в местах лишения свободы болезнью, повлекшей утрату или частичную утрату трудоспособности. Рассмотрим такой вариант на примере наиболее часто встречающегося в заключении заболевания — туберкулеза легких.

Если человек имеет возможность доказать, что до попадания в места лишения свободы он был здоров (можно сослаться на результаты медицинского обследования при поступлении в СИЗО или колонию), то истребовать в судебном порядке возмещение вреда, в связи с утратой здоровья, не представит особой сложности.

Причем, и в случае потери здоровья при исполнении производственных обязанностей, и при общем заболевании иски о возмещении вреда не имеют срока давности. Если потеря трудоспособности наступила много лет назад, то суд, в случае удовлетворения иска, помимо ряда компенсаций, о которых мы расскажем ниже, должен вынести решение о возмещении утраченного заработка еще за три года, предшествовавших обращению в суд.

Итак, с иском о возмещении вреда нужно обращаться в районный (городской) суд по месту нахождения ответчика или по месту нахождения истца. Истцом в данном случае является человек, от имени которого подается исковое заявление. Если человек, потерявший в местах заключения здоровье, хочет подать иск после освобождения, он обращается в суд по месту жительства.

В чем же могут заключаться иски о возмещении вреда, причиненного потерей здоровья?

Если речь идет об увечье, отравлении, облучении и ином вреде, причиненном здоровью в процессе исполнения производственных обязанностей, пострадавший вправе требовать одновременно:

— выплаты единовременного пособия (если вред был причинен после 1-го декабря 1992 года);

— ежемесячной компенсации утраченного заработка в связи с полной или частичной утратой трудоспособности;

— возмещения морального вреда (если вред был причинен после 3 августа 1992 г.).

Вместе с иском о возмещении вреда в суд необходимо предоставить надлежащим образом оформленные следующие документы:

— справку о заработной плате за последние 12 месяцев, предшествовавших увечью. Если человек до получения травмы не работал, компенсация начисляется, исходя из минимальной заработной платы;

— справку ВТЭК об установлении инвалидности (если она установлена);

— справку ВТЭК о % потери профессиональной трудоспособности;

— акт о несчастном случае на производстве.

При требовании возмещения вреда в случае общего заболевания, не связанного с исполнением производственных обязанностей, существуют некоторые особенности, которые Вам необходимо знать.

Во-первых, причину заболевания и степень утраты трудоспособности в этом случае должна установить не ВТЭК, а судебно-медицинская экспертиза, а инвалидность и в этом случае устанавливает ВТЭК.

Во-вторых, в исковых требованиях истец вправе просить только выплату ежемесячной компенсации в связи с полной или частичной утратой трудоспособности. Эту компенсацию ему обязаны выплачивать помимо пенсии по инвалидности.

Единовременное пособие при таких заболеваниях, к сожалению, не выплачивается.

Из всех выплат, которые будут назначены судом к исполнению, осужденный сможет в течение срока наказания пользоваться только пенсией по инвалидности. Остальные начисления, назначенные судом, должны накапливаться до его освобождения, а затем он вправе распорядиться всей суммой по своему усмотрению.

Образцы написания исковых заявлений о возмещении вреда, причиненного здоровью см. в Приложениях 8, 9.

Подача таких исковых заявлений для человека, находящегося в заключении, — довольно сложная процедура.

Во-первых, очень тяжело самостоятельно грамотно подсчитать размеры всех требуемых компенсаций, для этого нужны специальные знания. Во-вторых, сложно получить необходимые документы, т.к. для их получения нужен официальный запрос. Правда, можно обратиться к суду с просьбой истребовать нужные документы, но вопрос с грамотным определением размера компенсаций без специалиста не решить. Поэтому, если Вы намерены подать иск о возмещении вреда, обращайтесь в общественную организацию с просьбой помочь Вам правильно составить исковое заявление.

Обжалование судебных решений

Решения всех судов РСФСР, кроме решений Верховного Суда РСФСР, могут быть обжалованы в кассационном порядке сторонами и другими лицами, участвующими в деле.

(Гражданско-процессуальный Кодекс РСФСР, ст. 282)

После рассмотрения Вашей жалобы или искового заявления Вас обязаны ознакомить с вынесенным решением. Как мы уже писали, оно должно быть мотивированным и содержать ссылки на те положения закона, на которых оно основано. В случае отказа в удовлетворении Ваших требований, если Вы не согласитесь с приведенной в решении мотивировкой, Вы имеете право обжаловать решение суда первой инстанции в кассационном порядке.

Вы должны знать, что обжаловать решение суда имеете право не только Вы, как истец, но и ответчик (администрация, министерство и т.п., вплоть до государства). Может принести протест на решение суда и прокурор, если сочтет его незаконным или необоснованным.

Если дело рассматривалось районным или городским судом, то кассационная жалоба пишется в областной (краевой, окружной, Верховный Суд республики в составе России), но подавать ее правильно через суд, вынесший решение. В таком случае Ваша жалоба быстрее уйдет в кассационную инстанцию вместе с делом.

Кассационная жалоба может быть подана в течение 10 дней после вынесения решения судом первой инстанции. Такой же срок предоставляется и прокурору для подачи кассационного протеста.

По истечении указанного срока, если решение суда первой инстанции не обжаловано, оно вступает в законную силу.

Образец написания кассационной жалобы приведен в Приложении 10, однако, мы считаем целесообразным привести ниже статью 286 Гражданско-процессуального Кодекса РСФСР:

Содержание кассационной жалобы или протеста.

Кассационная жалоба или протест должны содержать:

1) Наименование суда, которому адресуется жалоба или протест;

2) Наименование лица, подающего жалобу или протест;

3) Указание на решение, которое обжалуется или опротестовывается, и суд, постановивший это решение;

4) Указание, в чем заключается неправильность решения, и просьбу лица, подающего жалобу или протест;

5) Перечень прилагаемых к жалобе или протесту письменных материалов.

Ссылка лица, подающего кассационную жалобу, на новые доказательства, которые не были представлены в суд первой инстанции, допускается лишь в случае обоснования им в жалобе невозможности их представления в суд первой инстанции.

Кассационная жалоба подписывается лицом, подающим жалобу, или его представителем. Кассационный протест подписывается прокурором.

К кассационной жалобе, поданной представителем, должна быть приложена доверенность или иной документ, удостоверяющий полномочия представителя, если в деле не имеется такого полномочия.

Кассационную жалобу нужно представлять в суд с копиями по количеству лиц, участвующих в деле. Например, в суде принимал участие представитель администрации ИТУ (или МВД), он должен иметь возможность ознакомиться с Вашей жалобой. Аналогично, если жалобу подаст противная сторона или будет принесен протест прокурором, Вы должны быть с ними ознакомлены.

Согласно ст. 305 ГПК "Суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, вправе своим определением:

1) оставить решение без изменения, а жалобу или протест — без удовлетворения;

2) отменить решение полностью или в части и направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в ином или в том же составе судей;

3) отменить решение полностью или в части и прекратить производство по делу либо оставить заявление без рассмотрения;

4) изменить решение или вынести новое решение, не передавая дела на новое рассмотрение, если обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены на основании имеющихся, а также дополнительно представленных материалов, с которыми ознакомлены стороны."

Согласно ст. 312 ГПК "Определение суда кассационной инстанции обжалованию не подлежит и вступает в законную силу с момента его вынесения".

Если Вас не удовлетворит и решение кассационной инстанции, обжаловать его можно только в надзорном порядке. Такие решения могут быть пересмотрены в порядке судебного надзора, если по ним будет принесен протест одним из должностных лиц, указанных в ст. 320 ГПК.

Например, если в первой инстанции Ваше дело рассматривал районный (городской) суд, то протест для пересмотра в порядке судебного надзора могут внести следующие должностные лица: Председатель областного (краевого, окружного, Верховного Суда республики в составе России), Председатель Верховного Суда России и его заместители. Такие же протесты могут приноситься по линии прокуратуры прокурором города, области, края, республики — вплоть до Генерального Прокурора РФ.

Следовательно, если Вы хотите добиться пересмотра Вашего дела в порядке судебного надзора, Вам нужно писать жалобу этим должностным лицам, а они уже будут решать, есть ли в Вашем деле основания для принесения протеста.

Бессмысленно сразу же обращаться в Генеральную Прокуратуру или Верховный Суд, пока не пройдены по возрастанию все нижестоящие инстанции. Образец написания ходатайства о принесении протеста в порядке надзора на судебные постановления по гражданскому делу — в Приложении 11.

Разумеется, защита своих прав в судах, а тем более, в случае необходимости, дальнейшее обжалование судебных решений — дело нелегкое, требующее настойчивости, выдержки, и не каждому заключенному под силу. Мы понимаем, что добиться положительного решения самостоятельно смогут единицы. И мы готовы прийти Вам в этом деле на помощь. Чем могут помочь Вам в деле судебной защиты Ваших прав общественные организации, мы расскажем в следующем разделе.

Возможности общественных организаций в деле защиты прав осужденных

Судя по многочисленным письмам из мест лишения свободы, большинство заключенных неправильно представляют себе роль общественных организаций в деле защиты прав человека и, в частности, в местах лишения свободы.

Поскольку правозащитные организации пользуются каждым удобным случаем, чтобы донести до общественности факты нарушений прав человека, в том числе и в уголовно-исполнительной системе, которые им удастся выявить, и постоянно говорят об этом в прессе, по радио, телевидению, на различных конференциях, вносят свои предложения в законодательные и другие государственные органы, у многих заключенных создается ошибочное мнение о всемогуществе таких организаций. Как иначе можно объяснить сотни писем с просьбами отменить

приговор или возбудить уголовное дело против начальника ИТУ и подобными призывами. Мы обязаны рассеять Ваши заблуждения и разъяснить, чем Вам в действительности могут помочь общественные организации.

Начнем с небольшого вступления. Согласно Конституции Российской Федерации в нашей стране существует разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Каждая из этих властей имеет свои определенные полномочия и не может их превышать. К примеру, Правительство Российской Федерации, являясь исполнительной властью, не может принимать законы, оно может только внести законопроект в Государственную Думу Федерального Собрания на рассмотрение, где он может быть принят, поправлен или отклонен, поскольку законодательной властью в России наделено Федеральное Собрание.

Как видите, все не так просто. Общественные организации никакими властными полномочиями не наделены.

Собирать и распространять информацию, не являющуюся государственной тайной, не касающуюся ничьей частной жизни и не оскорбляющую ничьей чести и достоинства — право каждого гражданина. Этим правом стараются в полной мере пользоваться правоза-

щитные организации, вот почему информация о нарушениях прав человека, в том числе и в местах лишения свободы, постоянно появляется в средствах массовой информации.

Но, как видите, от этого мало что изменяется.

Общественные организации принимают участие в обсуждении законопроектов, вносят свои замечания и предложения. Но совсем необязательно, что эти замечания будут учтены.

Собирая информацию о нарушениях прав человека, общественные организации обращаются в соответствующие государственные органы с просьбой эту информацию проверить и, при подтверждении, устранить нарушения. Порой такая методика дает положительные результаты, но чаще дело ограничивается формальными отписками.

Различные официальные инстанции обязаны отвечать на обращения гражданина, если в этом обращении идет речь о правах и интересах этого гражданина. Если же о чужих-то правах или интересах хлопочет другой человек или организация, то они должны быть этим человеком уполномочены. Обычно такие полномочия оформляются доверенностью. Если строго следовать закону, то государственные органы не должны давать посторонним людям информацию, касающуюся человека, который не подтвердил, что он этим людям или организации доверяет и в каких пределах.

В Приложении 12 дается образец доверенности, которая составлена для всех случаев интересов доверителя. Если Вам нужно будет написать доверенность, Вы выберете из этого образца те действия, которые необходимы.

Но даже имея доверенность, общественная организация не становится всемогущей. Ее представителя так или иначе не допустят в колонию без разрешения Управления, не дадут самостоятельно изучать документы и т.д. С доверенностью общественная организация получает право запрашивать необходимые документы, вести переписку с государственными органами в интересах своего доверителя, обращаться в суд и быть представителем в суде.

При этом необходимо учитывать, что общественные организации государством не финансируются, поэтому посылать своего представителя в дальние и длительные командировки возможности не имеют.

Но, получив от Вас информацию о конкретном нарушении Ваших прав, они могут проконсультировать Вас, как Вам следует поступить, а получив от Вас доверенность, могут вести переписку со всеми государственными органами, и если такая переписка не достигнет цели, собрать все необходимые документы для обращения в суд и отстаивать Ваши права в судебном порядке, во всех судебных инстанциях, к которым придется обращаться.

Общественные организации могут сыграть немаловажную роль еще в одном направлении защиты Ваших прав и восстановления законности. К примеру, Вы

обратились в суд с жалобой на действия (бездействие) администрации, и в ходе судебного разбирательства выяснилось, что в своих действиях администрация опирается на очередной нормативный акт, который был судебным решением признан противоречащим закону. В этом случае общественная организация может принять меры, чтобы этот районный (городской) суд использовал свое право о внесении судебного решения о противозаконности данного нормативного акта в государственный орган, издавший этот норматив. Таким образом, судебное решение по конкретному случаю приведет к упразднению данного нарушения повсеместно. Поэтому мы надеемся, что Вы будете держать нас в курсе событий, чтобы мы совместно с Вами могли защищать Ваши права наиболее эффективным способом.

Заключение

Мы надеемся, что Вы внимательно прочитали брошюру. Конечно, рекомендации, которые в ней даны, выполнить не так просто, тем более, что таким образом практически еще никто не действовал. Но мы, в силу своих возможностей, готовы прийти на помощь тому, кто решится отстаивать свои права цивилизованным законным способом.

Рады будем получить от Вас замечания, предложения, информацию о достигнутых результатах.

Наш адрес: 142201, Московская область, г. Серпухов, ул. Б. Катонинская, д.14-3

Желаем Вам удачи!

Приложение № 1.

Список общественных организаций, занимающихся проблемами осужденных.

1. Екатеринбург. Общественный комитет по защите прав заключенных. 620028, г. Екатеринбург, ул. Заводская, д.20, кв.97. Бычков Рудольф.
2. Информационно-правозащитный центр г. Екатеринбурга. 620102, г. Екатеринбург, ул. Дерябиной, д.21, кв.106. Пастухова Анна Яковлевна.
3. Ивановское областное общество прав человека. 153000, г. Иваново, ул. Звсрева, д.7/2, кв. 1. Вальков Сергей Владимирович.
4. Красноярск. Фонд "Правовая защита". 660099, г. Красноярск, а/я 10280. Горелик Александр Соломонович
5. Кубанская правозащитная организация "Субъективное право". 350059, г. Краснодар, а/я 2075. Александров Николай Александрович

6. Курский региональный центр по защите прав человека. 305018, г. Курск, пр. Кулакова, д.5. Калнина Елизавета Федоровна.

7. Москва. Общественный центр "Содействие реформе уголовного правосудия". 103982, г. Москва, Большой Златоустский пер., д. 8/7, к. 68. Абрамкин Валерий Федорович.

8. Московское Общество попечителей пенитенциарных учреждений. 103982, г. Москва, Лучников пер., д. 4, под. 3, к.11. Чайковская Ольга Георгиевна.

9. Российская секция Международного Общества прав человека. г. Москва, Славянская пл., д. 4, корп. 1, к. 215. Салмин Алексей Михайлович. Тел. 924-47-01.

10. "Тюрьма и воля". 109507, Москва, а/я 45. Румишская Марина Владимировна.

11. Фонд "Вера. Надежда. Любовь". 123459, г. Москва, ул.Туристская, д. 21. Высоцкая Наталья Леонидовна.

12. Общество защиты осужденных хозяйственников и экономических свобод. 109388, г.Москва, ул. Гурьянова, д. 43, кв. 286. Сокирко Виктор Владимирович.

13. Серпуховское Общество попечителей пенитенциарных учреждений. 142201, Московская обл., г. Серпухов, ул. Б. Катонинная, д. 14-3. Котова Ирина Семеновна.

14. Новгород. Комитет по защите прав человека. 73011, г. Новгород, ул. Королева, д.7, кв. 76. Горчаков Петр Борисович.

15. Нижегородское Общество прав человека. 603082, г. Нижний Новгород, Кремль, корп. 1, комн. 251, а/я 80. Шимоволос Сергей Михайлович.

16. Союз борьбы за права человека. 644099, г. Омск, ул. Добровольского, д. 5, кв.59. Шадрин Юрий Юрьевич.

17. Пермский региональный правозащитный Центр. 614006, г. Пермь, ул.Куйбышева, д.14, к. 203. Аверкиев Игорь Валерьевич.

18. Российский правозащитный и просветительский Центр "Карта". 390000, г. Рязань-центр, а/я 20. Блиннушов Андрей Юрьевич.

19. Самарская областная ассоциация "За права человека". 443009, г. Самара, ул. Венцека, д.38. Гунилова Валентина Сергеевна.

20. Петербургский фонд помощи заключенным. 194456, г. С.-Петербург, ул. Манчестерская, д.2. Ерофеев Анатолий Тимофеевич.

21. Независимая группа по правам человека. 198005, г. С.-Петербург, Измайловский пр-т, д.8. Лимберик Леонид Борисович.

22. Общественно-попечительский фонд социальной помощи заключенным "Слово и дело". 410010, г. Саратов, ул. Навашкина, д. 24, кв. 26. Ульянов Александр Иванович.

23. Томский исследовательский центр по правам человека (ТИЦ ПЧ). 634021, г. Томск, ул. Алтайская, д.76/1, кв.105. Кандыба Николай Вениаминович.

24. Тульский общественный правозащитный фонд. 300000, г. Тула, пр. Ленина, д. 28. Соколов Владимир Алексеевич.

25. Христианская ассоциация служения осужденным (ХАСО). 300002, г. Тула, ул. Комсомольская, д.10. Либенко Николай Назарович.

26. г. Челябинск. Благотворительный Фонд помощи лицам, находящимся в местах лишения свободы. 454007, г. Челябинск, ул.40-лет Октября, д. 30. Меркурьев Олег Николаевич.

Приложение №2

В Терпигорскую областную прокуратуру

Кулагина Ивана Степановича,
находящегося в учрежд. ОИ-66/5

Промысловского района Терпигорской области

ЖАЛОБА

на неправомерные действия администрации исправительно-трудового учреждения

15 мая 1996 года я обратился к начальнику (зам. начальника по воспитательной работе) учреждения ОИ-66/5 Варежкину В.В. с просьбой предоставить мне возможность ознакомиться с Исправительно-трудовым кодексом РСФСР и нормативными актами МВД РСФСР, регламентирующими права и обязанности заключенных.

В удовлетворении моей просьбы мне было отказано без указания причин/по причине (указать причину, на которую сослался начальник ИТУ (зам. начальника по воспитательной работе)).

На основании изложенного, ст. ст. 10, 100 УПК РСФСР, прошу принять меры к устранению допущенного администрацией ОИ-66/5 нарушения.

Подпись

Дата

Приложение № 3

В Промысловский районный суд
Терпигорской области

Заявитель:

Кулагин Иван Степанович,
находящийся в учрежд. ОИ-66/5

Промысловского района Терпигорской области

Заинтересованное лицо:

Администрация учреждения ОИ-66/5.
Терпигорская область, Промысловский район, п. Безденежный

ЖАЛОБА

на неправомерные действия администрации исправительно-трудового учреждения

15 мая 1996 года я обратился к начальнику (зам. начальника по воспитательной работе) учреждения ОИ-66/5 Варежкину В.В. с просьбой предоставить мне возможность ознакомиться с Исправительно-трудовым кодексом РСФСР и нормативными актами МВД РСФСР, регламентирующими права и обязанности заключенных.

В удовлетворении моей просьбы мне было отказано без указания причин/по причине (указать причину, на которую сослался начальник ИТУ (зам. начальника по воспитательной работе)).

Моя жалоба от (указать дату написания жалобы), направленная в Терпигорскую областную прокуратуру, оставлена без рассмотрения (без удовлетворения). (Изложить краткое содержание ответа прокуратуры, указать дату и номер документа).

Зарплата я не имею, на моем лицевом счету денег нет, и поэтому я не могу уплатить госпошлину при подаче жалобы.

На основании изложенного, ст. ст. 10, 100 УПК РСФСР,

ПРОШУ:

1. Обязать администрацию учреждения ОИ-66/5 предоставить мне возможность ознакомиться с нормативными документами, регламентирующими жизнь заключенных.
2. Освободить меня от уплаты госпошлины при подаче жалобы.

Подпись

Дата

Приложение № 4

В Терпигорскую областную прокуратуру

Кулагина Илона Степановича,
находящегося в учрежд. ОИ-66/5
Промысловского района Терпигорской области

ЖАЛОБА

на неправомерные действия администрации исправительно-трудового учреждения

1. 20 марта 1996 года на выходе из столовой у меня при обыске дежурный контролер по колонии отобрал мою порцию хлеба, которую я сэкономил во время обеда и хотел съесть с салом, присланным мне в посылке.

2. 16 февраля 1996 года в свободное от работы время я находился в жилой секции и читал книгу (писал письмо), сидя на своей кровати. Стулья в жилой секции отсутствуют (стульев в жилой секции мало, а имеющиеся были заняты другими). Культкомнаты в нашем отряде нет.

Дежурный контролер, прапорщик внутренней службы Федорчук И.М., написал по этому поводу рапорт, на основании которого на меня было наложено дисциплинарное взыскание в виде (указать вид взыскания)...

3. 15 мая 1996 года, находясь в жилой зоне, в свободное от работы время, я вышел из жилой секции на крыльцо в тапочках (кроссовках). Дежурный контролер, сержант внутренней службы Федорцов Г.Р., написал по этому поводу рапорт, на основании которого на меня было наложено дисциплинарное взыскание в виде (указать вид взыскания) за нарушение формы одежды.

Считаю действия администрации незаконными, так как:

1. Я никаких действий, нарушающих порядок в жилой секции, не совершал, а запретов на вынос принадлежащего мне хлеба законодательством не предусмотрено.

2. Я никаких действий, нарушающих порядок в жилой секции, не совершал, из-за отсутствия стульев (недостатка стульев) был вынужден сидеть на кровати.

3. Форма одежды мной не нарушалась, в свободное от работы или проведения официальных мероприятий время, находясь в жилой зоне, я считал возможным пользоваться более удобной обувью.

На основании изложенного, прошу принять меры по устранению указанного нарушения со стороны администрации ИТУ, отменить необоснованно наложенные дисциплинарные взыскания.

Подпись

Дата

Приложение №5

В Промысловский районный суд
Терпигорской области

Заявитель: Кулагин Иван Степанович,
находящийся в учрежд. ОИ-66/5
Промысловского района Терпигорской области

Заинтересованное лицо: Администрация
учреждения ОИ-66/5,
Промысловского района Терпигорской области

ЖАЛОБА

на неправомерные действия администрации исправительно-трудового учреждения

1. 20 марта 1996 года на выходе из столовой у меня при обыске дежурный контролер по колонии отобрал мою порцию хлеба, которую я сэкономил во время обеда и хотел съесть с салом, присланным мне в посылке.

2. 16 февраля 1996 года в свободное от работы время я находился в жилой секции и читал книгу (писал письмо), сидя на своей кровати. Стулья в жилой секции отсутствуют (стулья в жилой секции мало, а имеющиеся были заняты другими). Культкомнаты в нашем отряде нет.

Дежурный контролер, прапорщик внутренней службы Федорчук И.М., написал по этому поводу рапорт.

17 февраля 1996 г. на основании рапорта на меня было наложено дисциплинарное взыскание в виде (указать вид взыскания).

3. 15 мая 1996 года, находясь в жилой зоне, в свободное от работы время (личное время), я вышел из жилой секции на крыльцо в тапочках (кроссовках). Дежурный контролер, сержант внутренней службы Федорцов П.Р., написал по этому поводу рапорт.

16 мая 1996 г. на основании рапорта на меня было наложено дисциплинарное взыскание в виде (указать вид взыскания) за нарушение формы одежды.

Считаю действия администрации незаконными, так как:

1. Я никаких действий, нарушающих порядок в жилой секции, не совершал, а запретов на вынос принадлежащего мне хлеба законодательством не предусмотрено.

2. Я никаких действий, нарушающих порядок в жилой секции, не совершал, из-за отсутствия стульев (недостатка стульев) был вынужден сидеть на кровати.

3. Форма одежды мной не нарушалась, в свободное от работы или проведения официальных мероприятий время, находясь в жилой зоне, я считал возможным пользоваться более удобной обувью.

Моя жалоба от (указать дату написания жалобы), направленная в Терпигорскую областную прокуратуру, оставлена без рассмотрения (без удовлетворения). (Изложить краткое содержание ответа прокуратуры, указать дату и номер документа).

Неправомерными действиями администрации колонии нарушены мои права по:

1. Распоряжению принадлежащим мне имуществом, не запрещенным к использованию в колонии.

2. Распоряжению свободным временем, не выходя за рамки требований режима содержания.

3. Распоряжению принадлежащим мне имуществом, не запрещенным к использованию в свободное от работы и иных официальных мероприятий время.

Зарплата я не имею, на моем лицевом счету денег нет, и поэтому я не могу уплатить госпошлину при подаче жалобы.

На основании изложенного

ПРОШУ:

1. Признать действия администрации учреждения ОИ-66/5 по (указать обжалуемое действие, например: запрету на нахождение в жилой зоне в тапочках) незаконными.

2. Отменить необоснованно наложенное дисциплинарное взыскание.

3. Освободить меня от уплаты госпошлины при подаче жалобы.

Приложение: Квитанция об уплате госпошлины. (Если имеются деньги).

Подпись

Дата

Приложение №6

В Терпигорскую областную прокуратуру

Кулагина Ивана Степановича,
находящегося в учрежд. ОИ-66/5
Промысловского района Терпигорской области

ЖАЛОБА

на неправомерное бездействие администрации исправительно-трудового учреждения

1. 22.03.96 г. я был переведен в помещение камерного типа сроком на 4 (четыре) месяца.
В камере, где я нахожусь, отсутствует электрическая розетка, и я не имею возможности пользоваться электробритвой.
  2. С 14 апреля 1995 года в колонии заключенных кормят по пониженной норме питания.
По такой же норме кормят и меня.
Считаю бездействие администрации незаконным, так как:
  1. В связи с этим созданы препятствия к осуществлению моего права на содержание себя в опрятном виде.
  2. В связи с этим созданы препятствия к осуществлению мной моего права на нормальное питание и поддержание нормальной жизнедеятельности организма.
- На основании изложенного прошу принять меры к устранению указанных нарушений, препятствующих осуществлению моих прав.
- Подпись
Дата

Приложение №7

В Промысловский районный суд
Терпигорской области

Заявитель: Кулагин Иван Степанович,
находящийся в учрежд. ОИ-66/5
Промысловского района Терпигорской области

Заинтересованное лицо: Администрация учреждения ОИ-66/5
Терпигорская область, Промысловский район, п. Безденежный

ЖАЛОБА

на неправомерное бездействие администрации исправительно-трудового учреждения

1. 22.03.96 г. я был переведен в помещение камерного типа сроком на 4 (четыре) месяца.
В камере, где я нахожусь, отсутствует электрическая розетка, и я не имею возможности пользоваться электробритвой.
  2. С 14 апреля 1995 года в колонии заключенных кормят по пониженной норме питания.
По такой же норме кормят и меня.
Считаю бездействие администрации незаконным, так как:
  1. В связи с этим созданы препятствия к осуществлению моего права на содержание себя в в опрятном виде.
  2. В связи с этим созданы препятствия к осуществлению мной моего права на нормальное питание и поддержание нормальной жизнедеятельности организма.
- Моя жалоба от (указать дату написания жалобы), направленная в Терпигорскую областную прокуратуру, оставлена без рассмотрения (без удовлетворения). (Изложить краткое содержание ответа прокуратуры, указать дату и номер документа).
- Зарплата я не имею, на моем лицевом счету денег нет, и поэтому я не могу уплатить госпошлину при подаче жалобы.
- На основании изложенного
- ПРОШУ:
- Обязать администрацию колонии ОИ-66/5 принять меры к устранению допущенных нарушений.
- Подпись
Дата

Приложение №8

В Промысловский районный суд
Пермской области

Истец: Кулагин Иван Степанович,
находящийся в учрежд. ОИ-66/5
Промыслового района Пермской области

Ответчик: Российская Федерация

Третье лицо: Учреждение ОИ-66/5,
Пермская область, Промысловский район, п. Безденежный

Цена иска: 16366200 рублей.

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья

4 апреля 1996 года, работая на токарном станке, я получил травму левого глаза.

Травма получена мной при следующих обстоятельствах: 4.04.94 г. в 15 часов 15 минут при обработке металлической заготовки на токарном станке от обрабатываемой детали отлетела стружка, которая попала мне в левый глаз. Стружка поцарапала мне роговицу левого глаза. Защитные очки, положенные при работе на токарном станке, мне не выдавались из-за отсутствия их на складе.

Спассти глаз в медпункте не смогли. В травматологическом отделении Пермской областной больницы поврежденный глаз удалили.

Промысловской районной ВЛЭК мне установлена третья группа инвалидности. Процент утраты профессиональной трудоспособности, в результате травмы, составил 30%.

ВЛЭК мне рекомендовала установить глазной протез.

Увечьем мне причинен тяжкий моральный вред, выраженный в физических и нравственных страданиях, понесенных мной в результате получения увечья и неизгладимого обезображивания лица.

Мое обращение к администрации учреждения ОИ-66/5 о возмещении вреда оставлено без ответа.

Все документы по настоящему иску находятся в моем личном деле.

На основании изложенного, ст. 1064 ГК РФ, ст. ст. 2, 3, 8, 21, 24, 25, 42 Правил возмещения работодателем вреда..., ст. 63 ТК РСФСР,

ПРОШУ

1. Взыскать с ответчика возмещение утраченного заработка в размере 120000 (сто двадцать тысяч) рублей ежемесячно.

2. Взыскать с ответчика единовременное пособие в размере 1366200 (один миллион триста шестьдесят шесть тысяч двести) рублей.

3. Взыскать с ответчика компенсацию морального вреда в размере 10000000 (десять миллионов) рублей.

4. Взыскать с ответчика расходы по протезированию глаза в размере 5000000 (пять миллионов) рублей.

5. Истребовать в учреждении ОИ-66/5 следующие документы: акт о несчастном случае на производстве, справки ВЛЭК о группе инвалидности и проценте утраты профессиональной трудоспособности, справку о зарплате за 12 месяцев, предшествовавших увечью.

Приложения:

1. Копии искового заявления для ответчика и третьего лица.
2. Расчеты по определению размера утраченного заработка.
3. Копия заявления на имя начальника учреждения ОИ-66/5.

Подпись

Дата

Приложение №9

В Промысловский районный суд
Терпигорской области

Истец: Кулагин Иван Степанович,
находящийся в учрежд. ОИ-66/5
Промысловского района Терпигорской области

Ответчик: Российская Федерация

Третье лицо: Учреждение ИЗ-00/5
г. Терпигорск, ул. К. Маркса, д.3

Цена иска: 16366200 рублей.

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья

23 октября 1995 года я был арестован и помещен в следственный изолятор г. Терпигорска.
25.10.95 г. я прошел обязательный медицинский осмотр и был осмотрен, в том числе, фтизиатром. В тот же день я прошел флюорографическое и лабораторное обследование. Проведенное обследование заболевания легких не выявило.

В ходе очередного медицинского обследования, проведенного 27.03.96 г., был выявлен очаговый инфильтрат верхней части левого легкого.

В дальнейшем, несмотря на мероприятия, проводимые медработниками СИЗО, заболевание легких прогрессировало.

При очередном обследовании мне была установлена вторая группа диспансерного учета.

Терпигорской ВПЛЭК мне была установлена третья группа инвалидности. Утрата профессиональной трудоспособности составила 40%.

До ареста я работал в АО "Долото" в качестве столяра.

На основании изложенного, ст. ст. 1064, 1069 ГК РФ, ст. 63 ТГК РСФСР,
ПРОШУ:

1. Обязать ответчика производить мне возмещение вреда в размере 150000 (ста пятидесяти тысяч) рублей ежемесячно.

2. Истребовать в учреждении ИЗ-00/5 следующие документы: медицинскую карту Кулагина И.С., справку ВПЛЭК о группе инвалидности, справку судебно-медицинской экспертизы о проценте утраты профессиональной трудоспособности.

3. Истребовать в АО "Долото" справку о заработке за 12 месяцев, предшествовавших аресту.

Приложение: копии исковых заявлений для ответчика и третьего лица.

Подпись

Дата

Приложение №10

В Терпигорский областной суд
Кулагин Иван Степанович,

находящийся в учрежд. ОИ-66/5

Промысловского района Терпигорской области

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА
на решение суда по гражданскому делу

20 апреля 1996 года Промысловским районным судом был рассмотрен мой иск к Российской Федерации о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья.

Решением суда удовлетворения исковых требований мне отказано. Отказ суда основан на том, что мной не соблюдались требования техники безопасности.

Я не согласен с решением суда по следующим причинам:

1. Многочисленные ходатайства об истребовании документов по делу суд отклонил, в результате чего суд не мог правомерно рассмотреть дело.

2. С моей стороны нарушений техники безопасности не было. Очки мне не выдавались из-за отсутствия их на складе.

На основании изложенного, ст. ст. 282-286 ТПК РСФСР,

ПРОШУ:

Решение Промысловского районного суда отменить.

Приложение: копии кассационной жалобы по числу ответчиков.

Подпись

Дата

Приложение № 11

Председателю Верховного Суда
Российской Федерации
(другому уполномоченному лицу)

Кулагина Ивана Степановича,
находящегося в учрежд. ОИ-66/5

Промысловского района Терпигорской области,
являющегося истцом по делу

ХОДАТАЙСТВО

о принесении протеста в порядке надзора на судебные постановления по гражданскому делу

20.04.96 г. Промысловским районным судом рассмотрен иск к Российской Федерации о возмещении вреда. Удовлетворения исковых требований судом отказано.

Определением кассационной инстанции от 21.05.95 г. решение Промысловского суда оставлено без изменения.

Ходатайство, направленное председателю Терпигорского областного суда, отклонено (оставлено без удовлетворения) по причине законности обжалуемых постановлений.

С решением суда и определением кассационной инстанции я не согласен по следующим причинам:

1. Многочисленные ходатайства об истребовании документов по делу суд отклонил, в результате чего суд не мог правомерно рассмотреть дело.

2. С моей стороны нарушений техники безопасности не было. Очки мне не выдавались из-за отсутствия их на складе.

На основании изложенного, ст. ст. 319, 320 ТПК РСФСР,

ПРОШУ:

провести проверку законности и обоснованности судебных постановлений по указанному гражданскому делу и принести на них протест в порядке надзора.

Приложения:

1. Копии решения Промысловского районного суда от 20.04.96 г.

2. Копии определения кассационной инстанции.

Подпись

Дата

Приложение № 12

ДОВЕРЕННОСТЬ

город Валидольск Валужской области

Двадцать второе апреля одна тысяча девятьсот девяносто шестого года

Я, Семенов Василий Иванович, находящийся в учреждении АИ-77/4, настоящей доверенностью уполномочиваю Валидольское общество "Правозащитник" вести мои дела во всех судебных, административных и иных учреждениях со всеми правами, предоставленными законом истцу, ответчику, третьему лицу и потерпевшему, в том числе, с правом подачи искового заявления, жалобы, полного или частичного отказа от исковых требований, признания иска, изменения предмета иска, заключения мирового соглашения, передачи полномочий другому лицу, обжалования решения суда, предъявления исполнительного листа к взысканию, получения присужденного имущества или денег, выполнять все действия и формальности, связанные с данным поручением.

Доверенность действительна три года.

Подпись: _____ / _____
фамилия, имя и отчество полностью

Собственноручную подпись осужденного Семенова В.И. удостоверяю. Личность его установлена, дееспособность проверена.
"____" апреля 1996 года.

Начальник учреждения АИ-77/4 _____ / _____
Подпись И.О., фамилия
М.П.

Авторы благодарят за поддержку "Общество защиты осужденных хозяйственников" и Программу малых грантов "Гражданское общество"

Серпухов

В публикации использованы фотографии из сборника "Дорога дальняя — казенный дом" М., "Молодая гвардия", 1990 г.

Людмила АЛЕКСЕЕВА

Социалисты

В 1956 году, после XX съезда, инакомыслие, в том числе политическое, накапливавшееся до той поры подспудно, выплеснулось наружу и стало разрастаться лавинообразно.... Ниспровергатели советской системы среди инакомыслящих были крайне редки, единичны, а диапазон критики — и в официальной литературе, и в самиздате — укладывался в понятие "демократический социализм". Одна часть критиков делала упор на демократию, другая — на социализм, но социалистическое мировоззрение было господствующим с первых признаков проявления несогласия и до конца 60-х годов...

Самым представительным и известным был неформальный круг, выразителем настроений которого стал московский историк Рой Медведев...

Партийно-демократическая концепция признает "правильным" ленинизм и политику большевиков в ленинский период, т.е. с момента основания партии и, по крайней мере, до начала 20-х годов, и не приемлет "сталинизм", возлагая на Сталина и его ближайшее окружение вину за искажение социалистической сути советского государства...

Спад обаяния этого советского варианта "социализма с человеческим лицом" произошел в конце шестидесятых годов...

Вторжение в Чехословакию разрушило надежду на смягчение советского режима и способствовало массовому пересмотру прежними сторонниками партийно-демократического направления оценки советской системы как системы социалистической — одни перестали считать ее таковой, другие перестали вкладывать положительный смысл в само понятие социализма...

Была среди социалистов и организованная часть — подпольные и полуподпольные кружки и организации, почти полностью молодежные. В большинстве случаев каждый такой кружок был замкнут в себе, лишь некоторые из них были связаны с двумя-тремя такими же кружками, и связи эти не шли дальше совместных совещаний. Эти юноши нового послевоенного поколения были искренними марксистами, социалистами и патриотами, они стремились не к ниспровержению существующего строя, а к его улучшению возвращением к "настоящему", "ленинскому" социализму или к реформе "по югославскому образцу".

В Москве самым крупным и деятельным был кружок Льва Краснопевцева. Его основали в мае 1957 года семь выпускников МГУ с целью добиваться последовательной десталинизации, либерализации в политике и в экономике. Члены кружка вели теоретическую работу по выявлению исторических корней сталинизма и большевизма в целом. Они завязали связи с польскими "ревизионистами", делали попытки связаться с оппозиционным движением Гариха в Восточной Германии. Они подготовили листовку с призывом к борьбе за социалистическое обновление в духе XX съезда КПСС и распространили 500 экземпляров этой листовки в разных районах Москвы. В августе 1957 года 9 членов кружка были арестованы. Кроме них по делу проходили еще 14 человек. Такими же были кружки Виктора Трофимова и Михаила Молодцова в Ленинграде.

Таким же был ленинградский кружок выпускников Технологического института...

Однако, в Москве эра подпольных кружков была недолгой. Возникнув во второй половине 50-х годов, они быстро распались, а новые не появились. После ареста Тельникова-Хайбулина, групп Краснопевцева и Машкова в 50-е годы и группы П. Григоренко в 1964 году в Москве неизвестны подпольные организации. Независимая общественная жизнь смогла принять здесь открытые формы...

"История инакомыслия в СССР"
Khronika Press, 1984

С С С Р
КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
17 февраля 1958 г.
N 458-с гор. Москва

ЦК КПСС

Секретно
экз. N__

Как нами сообщалось, Комитетом госбезопасности при Совете Министров СССР вскрыта нелегальная антисоветская организация из числа преподавателей и студентов Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, а также лиц, ранее кончивших МГУ.

К уголовной ответственности по делу было привлечено 9 человек:

вспиратор кафедры марксизма-ленинизма МГУ — КРАСНОПЕВЦЕВ Лев Николаевич, 1930 года рождения, член КПСС; кандидат исторических наук, ассистент кафедры новой истории МГУ — ОБУШЕНКОВ Николай Григорьевич, 1929 года рождения, член КПСС; кандидат исторических наук, ассистент кафедры источниковедения МГУ — ПОКРОВСКИЙ Николай Николаевич, 1930

года рождения, член ВЛКСМ;

научный сотрудник Института востоковедения Академии наук СССР — МЕНЬШИКОВ Владимир Борисович, 1933 года рождения, член ВЛКСМ;

преподаватель истории Всесоюзного заочного техникума легкой промышленности — РЕНДЕЛЬ Леонид Абрамович, 1925 года рождения, беспартийный;

студент 4-го курса исторического факультета МГУ — КОЗОВОЙ Вадим Маркович, 1937 года рождения, член ВЛКСМ;

научный сотрудник Института востоковедения — ЧЕШКОВ

Марат Александрович, 1932 года рождения, член ВЛКСМ;

инженер-конструктор завода N 156 (ЦАГИ) — СЕМЕНЕНКО

Михаил Иванович, 1931 года рождения, член ВЛКСМ,

инженер Пролетарского РЖУ гор. Москвы — Гольдман

Марк Соломонович, 1932 года рождения, член ВЛКСМ.

В ходе следствия установлено, что арестованные участники антисоветской организации, объединившись на почве враждебного отношения к Советскому государству, проводили активную деятельность, направленную против существующего в СССР строя.

Для обсуждения планов проведения практической антисоветской работы они регулярно устраивали конспиративные сборища, подготовили свою программу.

В качестве ближайших задач нелегальной организации они выдвигали подготовку и распространение антисоветских пасквилей, листовок и других враждебных документов, а для обеспечения численного роста организации — проведение вербовочной работы; конечной целью ставили свержение существующего в СССР строя.

Участники организации подготовили ряд злобных антисоветских документов по вопросам истории КПСС и Советского государства, философии, политике и использовали их в своей враждебной пропаганде.

В 1957 году они дважды в разных районах г. Москвы распространили около 300 антисоветских листовок, приуроченных к опубликованию решений июньского Пленума ЦК КПСС, и готовились к выпуску враждебных листовок массовым тиражом к 40-й годовщине Октября. С этой целью они приобрели материалы, необходимые для изготовления гектографа, на осуществление задуманной вражеской акции было предпринято их арестом.

Участниками организации был установлен преступный нелегальный контакт с враждебными ревизионистскими элементами в Польше.

Еще весной 1957 года МЕНЬШИКОВ через бывшего студента МГУ поляка СКАЛЬСКОГО Эрнеста Юрьевича, 1935 года рождения, ныне сотрудника Комиссии по репатриации польских граждан при посольстве Польской Народной Республики в СССР, познакомился с приезжавшим в Москву из Польши известным ревизионистом ЛЯСОТой, о чем рассказал КРАСНОПЕВЦЕВУ.

В дальнейшем, участники антисоветской организации через СКАЛЬСКОГО обменивались с польскими ревизионистами антисоветскими документами.

Привлеченный по делу КОЗОВОЙ во время VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве установил преступную связь с членом английской делегации УОТСОМ Д. — английским разведчиком, которому передавал клеветническую информацию о Советском Союзе, пересказывал ему содержание закрытого письма ЦК КПСС об июньском Пленуме и при этом сообщал некоторые дополнительные подробности о работе Пленума, ставшие ему известными от отца — члена КПСС КОЗОВОГО М.И.

Как установлено, в целях обеспечения численного роста организации ее участники вели активную антисоветскую обработку своих знакомых.

В процессе следствия участники организации показали, что на формирование их антисоветских взглядов в значительной степени оказала влияние буржуазная литература Запада, в также изъятая из обращения старая меньшевистская литература, которую они под предлогом учебных целей получали в Государственной библиотеке им. В.И.Ленина, в Государственной исторической библиотеке, в библиотеке им. М. Горького МГУ.

Через студентов МГУ из числа иностранцев они пользовались также периодической печатью Запада, в которой помещались антисоветские и ревизионистские статьи.

Антисоветскую литературу студентам МГУ поставляли и некоторые сотрудники иностранных посольств. В частности, обучавшиеся в МГУ студенты из Франции приносили из французского посольства в университет книжку Троцкого под названием "Преступления Сталина", с которой ознакомились КОЗОВОЙ и КРАСНОПЕВЦЕВ и намеревались использовать ее в своей антисоветской пропаганде.

Еще на следствии все обвиняемые, рассказав о совершенных ими преступлениях, заявили, что они раскаиваются в своей прошлой враждебной деятельности и осуждают ее. Как показали они в суде, на перемену их враждебных взглядов оказали серьезное влияние глубокие и вдумчивые беседы с ними работников органов государственной безопасности, которые на протяжении всего следствия последовательно и

убедительно раскрывали всю ошибочность их враждебных взглядов.

12 февраля 1958 года Московским городским судом все арестованные по делу осуждены к лишению свободы: КРАСНОПЕВЦЕВ Л.Н., РЕНДЕЛЬ Л.А. и МЕНЬШИКОВ В.Б. на 10 лет каждый; КОЗОВОЙ В.М., ЧЕШКОВ М.А. и СЕМЕНЕНКО М.И. на 8 лет каждый; ПОКРОВСКИЙ Н.Н., ОБУШЕНКОВ Н.Г. и ГОЛЬДМАН М.С. на 6 лет каждый.

В процессе следствия по этому делу выявлены лица, которые в некоторой степени были причастны к антисоветской деятельности ликвидированной организации:

КРАСНОПЕВЦЕВА Любовь Васильевна, член ВЛКСМ, с высшим образованием, сотрудница библиотеки имени Горького МГУ (жена арестованного КРАСНОПЕВЦЕВА Л.Н.), анала, что ее муж КРАСНОПЕВЦЕВ является одним из инициаторов создания нелегальной антисоветской организации, была осведомлена о проводившейся ею преступной работе и разделяла взгляды участников организации.

МИХАЛЕВСКИЙ Борис Натанович, беспартийный, кандидат экономических наук, мл. научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений;

ФРИДМАН Леонид Абрамович, член ВЛКСМ, кандидат исторических наук, мл. научный сотрудник Института востоковедения Академии наук СССР;

ЗЙДЕЛЬМАН Натан Яковлевич, член ВЛКСМ, с высшим образованием, преподаватель истории 93-й средней школы Краснопресненского района г. Москвы.

— читали антисоветский пасквиль КРАСНОПЕВЦЕВА "Основные моменты развития русского революционного движения в 1861 — 1905 г.г.", с их участием КРАСНОПЕВЦЕВ и ПОКРОВСКИЙ дважды организовывали конспиративные сборища и делились своими враждебными взглядами на советскую действительность.

Об антисоветских настроениях отдельных участников нелегальной организации знали и другие лица, в том числе члены КПСС:

МАНИН Виталий Серафимович, быв. зав. отделом физкультуры и спорта Ленинского райкома ВЛКСМ г. Москвы;

ПЕТРОВ Том Борисович, мл. редактор Госполитиздата; КЛОПОВ Эдуард Викторович, мл. научный сотрудник Института марксизма-ленинизма;

МЕЛИКСЕТОВ Арлен Ваггович, мл. научный сотрудник Института китаеведения Академии наук СССР;

БОРКО Юрий Антонович, преподаватель истории 479-й средней школы г. Москвы;

МУРАНИВСКИЙ Тарас Васильевич, студент 4 курса исторического факультета МГУ;

члены ВЛКСМ: ЛОЦМАНОВА Галина Ивановна, аспирантка 3-го года обучения исторического факультета МГУ;

ГОРДОН Леонид Абрамович, старший библиограф Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР;

БЕЛЕЛЮБСКИЙ Феликс Борисович, аспирант Института китаеведения Академии наук СССР;

КАРПОВ Юрий Дмитриевич и ЧЕРНЫХ Евгений Николаевич, студенты 5-го курса исторического факультета МГУ.

В отношении перечисленных лиц нами информирован МКГ КПСС для принятия мер в партийном порядке.

О СКАЛЬСКОМ сообщено в Министерство иностранных дел СССР.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
И. СЕРОВ

Копия документа представлена НИПЦ "Мемориала", ф.167, оп.1, д.1. Подлинник хранится в ЦХСД, ф.89, оп.6, д.8.

Подписи членов Политбюро, которые удалось идентифицировать на первой странице: Аристов, Брежнев, Куусинен, Косыгин.

“НЕ ЭТОМУ МЕНЯ ДЕСЯТЬ ЛЕТ В КОМСОМОЛЕ УЧИЛИ!”

Марк Соломонович Гольдман, 1932 года рождения, член группы “молодых историков” в Московском государственном университете (1957 год). Осужден в феврале 1958 года Московским городским судом к лишению свободы, без поражения в правах, сроком на 6 (шесть) лет. В настоящее время — редактор информационно-правового отдела газеты “Панорама” (г. Липецк), исполнительный директор Липецкого общества прав человека (ЛОПЧ).

— Марк Соломонович, я вижу у Вас целую кипу фотографий. Это из той поры?

— Да, тогдашние. А вот эта, я считаю, уникальная. Из моего уголовного дела. Сделана 5 сентября 1957 года, в первый день ареста. Реликвия... (фото 1)

— Как же она у Вас очутилась?

— В 92-м году я написал заявление, чтобы ознакомиться со своим делом. Прислали его из Москвы спецпочтой. Я сидел в местном отделении ФСБ, читал, делал выписки, ну и в последний день попросил на память фотографию. Гебист местный подумал немного и отдал. Возьму, говорит, ответственность на себя. Видимо, наши дела для них теперь ценности не представляют...

А вот подлинник той фотолистовки, за которую, собственно, нас и посадили (фото 2). А это место, за которое, в сущности, я лично получил срок. Видите? Пункт 7 — “Усиление роли советов”. Я предложил его внести. И получил, как я говорю, по 2 года за каждое слово, а всего — шесть лет... Требование это

было желанием восстановить искую форму парламентаризма, но на следствии его изобразили в виде — “за советы без коммунистов”, к чему, конечно, тогда мы не были готовы. Впрочем, и сейчас такое требование бессмысленно. Посмотрите. Дума набита ими.

— А это, насколько я понимаю, члены вашей группы?

— Да, но не все. Всего нас было девять человек, семеро сидели вместе, в одном лагере, а на этом фото шестеро. (фото 3)

Вот наш лидер — Лев Краснопевцев, он с 30-го года, сейчас живет в Москве. Это Ленья Рендель, друг Левы, он самый старший из нас, с 25-го. Сейчас он уже умер. Талантливый был человек. Это — Семененко Миша. Вот Коля Обушенков, кандидат исторических наук. И это тоже кандидат — Покровский Николай Николаевич. Ну, а это я. И это тоже я... (фото 4)

— Вы, наверное, боксом занимались?

— Нет, в основном, гимнастикой. Боксом совсем немножко.

— Знаете, на этой фотографии Ваше лицо прямо-таки пышет здоровьем и силой!

— Да... Я старался держать форму. Вот смотрите, это я штангой в лагере занимался. (фото 5)

— Там можно было заниматься?

— Свободно.

— Да... впечатляет. Но вернемся к вашей группе. А кто был седьмым?

— Седьмой — Марат Чешков. Мы с ним одноклассники, оба с 32-го. И работали одно время вместе на пилораме. Восьмой — Володя Меньшиков, мой товарищ еще со школы. Вот он. (фото 6) Девятый — Вадим Козовой, самый молодой из нас, — с 37-го года. Его фотографии у меня нет, но о нем мы особо поговорим.

Кстати, с пилорамой у меня памятный эпизод связан. Там есть такая деталь для зажима бревна, “рябухой” называется. А бревна идут разные, то толстое, то тонкое. Переднюю часть зажмешь, пока к задней бежишь, да со сломанным редуктором справишься — бить начинает. И вот однажды подходит ко мне слесарь, Гришка его звали, из поволжских немцев, и кричит: “Ну ты, жид вонючий!”

Марк Соломонович Гольдман.

ФОТО ИЗ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

ТОВАРИЩИ!

Никита Хрущев с кучкой прихлебателей совершил государственный переворот. Молотов, Маленков, Каганович, Ворошилов, Булганин, Сабуров, Первухин и Шепилов (а не только четверо, перечисленные в сообщении) осмелились поднять руку на нового диктатора и пали жертвами ими же созданной сталинской системы произвола и насилия. Под флагом борьбы против сталинизма Хрущев возрождает худшие сталинские традиции. Переворот был совершен втайне от народа и от партии самыми грязными приемами и методами. Но их нечего жалеть.

ТОВАРИЩИ!

Мы все хорошо знаем нашего нового "дорогого учителя и вождя". Это он был любимцем Сталина и был введен им в Политбюро на место замученного Постышева. Это он истреблял партийные кадры Москвы и Украины в 1937-38 гг. Это он укрупнил колхозы и довершил разорение деревни. Это он повысил цены, сниженные Сталиным. Это он ограбил народ, лишив его им же гарантированных облигаций, займов. Это он, пьяница и болтун, кукурузный герой, срамит нас в глазах всего мира.

Диктатура Хрущева быстро приведет к окончательному развалу хозяйства, росту нищеты, политическому зажиму и, наконец, поставит под угрозу само существование России как великой державы. Давление недовольного народа уже сыграло свою роль. Стачки в Москве, Ленинграде, Ярославле, Донбассе, Урале (на очень многих предприятиях) осенью 1956 г., отклонение народа к займам, удары, нанесенные народам Венгрии и Польши, сделали невозможным открытый возврат к сталинским порядкам, заставили правительство колебаться и маневрировать. Итак, рабочий класс начал борьбу.

Перед вами два пути: оставаться забитыми, покорными и терпеливыми холопами, лишенными чувства человеческого достоинства, или стать людьми, начав борьбу со сталинской системой угнетения, укрепляемой Хрущевым.

ТРЕБУЙТЕ:

1. Широкой партийной и общенародной дискуссии.
2. Чрезвычайного съезда партии и чистки партии.
3. Суда над всеми сообщниками Сталина по убийствам 1935-1953 гг.
4. Отмены статьи 58, обязательной гласности политических процессов.
5. Права всех трудящихся на забастовку.
6. Создания рабочих советов с правом смены администрации.
7. Усиления роли советов.

Следуйте примеру рабочих ЗИЛа, потребовавших выступления Хрущева, Молотова и Маленкова по телевидению. Используйте все методы борьбы: митинги, письма в ЦК, забастовки.

Требуйте, чтобы нам сказали всю правду. Боритесь за свои права! Прочти и передай другому.

СОЮЗ ПАТРИОТОВ

Листовка "Союза патриотов".

ИЗ АРХИВА М. ГОЛЬДМАНА

знаток поэзии Бодлера, эстет. Подходит, вынимает из рта трубку и говорит: "Нехорошо бить человека старше себя".

— "А ты знаешь, за что я его ударил? Ты спроси!" Он спросил. "А за то, — говорю, — что он меня назвал так-то и так-то". А Никита в ответ: "Так ты мало ему дал!" Ну вот. Через полчаса была разборка у бригадира-бандеровца. Немецкая колония недели две не здоровалась. А потом так получилось, что я Никиту был вынужден ударить.

— За что?

— Да сложилась такая ситуация, что стали про нас сплетни распускать. Что, дескать, мы снюхались с администрацией, стучим и т.д. и т.п. Пошли мы с Краснопевцевым поговорить с ними и решили, что если не получится похорошему, то придется дать по пощечине. А заводилами там были Кривошеин и Фельдман из Киева. Приходим — сидят. "Давайте поговорим". — "Нам не о чем с вами разговаривать!" Переглянулись мы с Левой, и он Фельдману, а я Никите — хлоп! Да попал я как-то неудачно, кожу рассек. Мне его так жалко было... А потом он очень быстро освободился, я с ним даже помириться не успел.

Я тебе сколько раз говорил — опускай "рябуху"! Я ему: "Ты что сказал? Повтори!" Он повторил. Я сму с левой к-а-а-к двину! Он отлетел, упал на конвейер, к счастью, тот стоял. Смотрю, он руками шарит. Ну, думаю, схватит сейчас железку и вмажет мне, лагерник он старый. А он, оказывается, шапку искал. Подхватил ее и ходу. Я стою, перевариваю, а тут подходит Никита Кривошеин — примечательная такая личность. Внук царского министра земледелия (продолжателя дела Столыпина), сын штабе-капитана белой армии, родился в 33-м, в Париже, полиглот,

В Москве, после лагеря, тоже увидаться не пришлось. А вскоре он эмигрировал во Францию, живет теперь на родине в Париже. Вот такая история...

— Марк Соломонович, Вы обещали особо поговорить о Козовом.

— Так вот, о Козовом. Как я уже упоминал, он был самым молодым из нас — студент 4 курса исторического факультета МГУ. Его отец возглавлял лекторскую группу Харьковского обкома КПСС. И во время июньского Пленума ЦК 1957 года, когда Хрущев своих противников растоптал, папаша был

в Москве. В гостиницу, вечером, к нему пришли приятели — члены ЦК — и стали рассказывать и обмениваться впечатлениями. А Вадим сидел в соседней комнате и все это записывал. Во многом, благодаря этой информации и появилась каша листовка. Это было в июне. А в августе в Москве проводился Первый международный фестиваль молодежи и студентов. На фестивале Вадим познакомился с англичанином Джоном Уотсом и кое-что ему пересказывал. Этот Уотс был на подозрении у КГБ, и за ним следили. Ну, и Козового, который с ним часто общался, вскоре прихватили и арестовали. Это произошло 12 августа, в последний день фестиваля. А Вадим сказал ребятам, что сразу после окончания он поедет в Харьков. Ну, поехал и поехал, а он, оказывается, уже сидел. 26 августа он дал показания и наше дело, юридически, закрутилось. 30-го арестовали Краснопевцева, Ренделя и Меньшикова, потом остальных. Меня, например, забрали 5 сентября, а оформили арест 7-го. Последним взяли Чешкова — 12 сентября. Ровно месяц этот процесс длился.

Хотя Козовой и рассказал все, что знал, по стукач при группе историков в МГУ был. И, наверное, не один. Но про одного мы знаем. Если очень кратко, то можно обрисовать так. Была группа, вокруг нее были студенческие кружки. В них ходили самые различные люди, не только университетские. В этих кружках они спорили, обсуждали, искали истину. Он тоже во всем этом участвовал. Раскрылся — случайно. Уже когда мы отбывали сроки, в общежитии МГУ произошло следующее. Сидят однажды вечером ребята в комнате, кто читает, кто в карты играет, а он перебирал чемодан и случайно столкнул его с колен. Ну, и вы знаете, как это бывает в таких случаях, почти инстинктивно все бросились помогать подбирать рассыпанное, и один поднимает красную книжечку. Открыли, а там — сексот такой-то, член какого-то там содействия и прочее. Кто-то из жеп, приехав на свидание, передал эту информацию нам. Вот так было.

— **Марк Соломонович, а почему именно Вам поручили размножить листовки?**

— Да все очень просто. Коля Покровский, который занимался фотографией, в тот момент где-то отсутствовал, а остальные в этом деле ничего не понимали. А у меня был и фотоаппарат, и фотоувеличитель, и прочие принадлежности. И вот однажды звонит мой школьный товарищ Меньшиков и говорит: "Хочешь узнать подробности июньского Плenumsа?" — "Конечно, хочу". — "Тогда приходи". Встречу

назначили на Гоголевском бульваре. Прихожу. Там собрались: Рендель, Краснопевцев, Семененко — их я уже знал, Обушков, Чешков — его я тоже знал, познакомился на одной свадьбе — ну, и мы с Меньшиковым. Дают мне текст листовки, написанный, если мне не изменяет память, рукой Обушкова. Все остальные уже были знакомы с содержанием. Я прочитал, но я, собственно, кто? Я ведь инженер-гидротехник, а они все были профессиональными историками высокого уровня. Очень высокого уровня. Правда, уже когда мы с Меньшиковым делали оригинал для второй партии, я предложил добавить, я уже говорил, строчку о советах. Ну, и добавили.

— **Вы сказали, что с частью членов группы Вы уже были знакомы. А как это произошло? И, пожалуйста, несколько слов о том, как был создан "Союз патриотов" — я сужу по подписи на листовке.**

— Ну, с Чешковым я познакомился случайно, на свадьбе, куда пришел с другой свадьбы — какого-то моего школьного товарища. Потом мы прозвали эти свадьбы криминальными. (Вот ведь как случайно сходились люди для противодействия системе!) А с Краснопевцевым, Семененко и Ренделем — через Меньшикова. Однажды я зашел к нему на Покровку и они зашли. Он нас и познакомил. Мне очень понравился Краснопевцев. Удивительно обаятельный человек! И незаурядный во всех смыслах.

— **И Вы прямо в тот раз начали говорить о чем-то, что показало близость ваших взглядов?**

— Да. Мы обсуждали текущие события и увидели, что во многом согласны и что все мы настроены оппозиционно.

— **Когда же состоялось это знакомство?**

— В апреле 1957-го. Вскоре после этого я попал в Бутырки на 15 суток за драку с милицией. А они как раз в это время оформили организационно "Союз патриотов". Правда, это название не закрепилось, не успело. Ребята собрались в "дикой части Измайловского парка" — так в приговоре написано, — их было восемь человек. Стали обсуждать, и у восьми человек обнаружилось три направления! Впрочем, это, наверное, естественно: левое крыло, правое и центр. Уж очень противоречивы и сложны были общественные процессы в стране. Создали три тройки по разработке документов. Меньшиков, по-моему, вошел во все три. Я не помню, были ли зафиксированы на бумаге программа группы, устав и т.п. Первым практическим

Слева направо: Марк Гольдман, Леонид Рендель, Лев Краснопевцев, Михаил Семененко, Николай Обушенков, Николай Покровский.
ФОТО ИЗ АРХИВА М. ГОЛЬДМАНА

десятием была листовка по июньскому Пленуму. После нее мы встречались, чтобы подготовить вторую листовку, — к годовщине венгерских событий. Но, знаете, я часто говорил: "Ребята, скоро нас заберут". У Краснопевцева кандидатская диссертация была о московском вооруженном восстании 1905-го года. Он исключительно добросовестно проследил судьбы всех большевиков, которые принимали в нем участие. Почти все они потом сидели в сталинских лагерях и некоторые остались живы. Он посетил всех, кого смог. И знаете, что больше всего его поразило? Два момента. Во-первых, все оставшиеся в живых сохранили большевистские убеждения. И, во-вторых, ни одна большевистская ячейка не могла продержаться больше шести месяцев. Так работала охранка. Как только они выходили на реальные дела, их тут же прихватывали и сажали. А нам не то, что шесть... Мы в июне собрались, а 12 августа взяли первого. Два месяца...

— **Марк Соломонович, давайте вернемся к листовке, вот вы напечатали ее и...**

— Да, напечатали сначала 120 штук, распространили в разных местах, потом сделали еще 180 штук и всем составом поехали их распространять в Измайлово. Недалеко от метро там есть улица Первомайская. Мы пошли по улице, заходили во дворы, в подъезды, оставляли на подоконниках, кидали в почтовые ящики. А перед этим я все спрашивал: "Ребята, что будем делать, если нас будут хватать?" Они говорят: "А кто будет хватать?" — "Милиционер, или даже простой гражданин могут схватить". — "Ну, будем отбиваться". А я так про себя думаю: "Милиционер — понятно. Он меня хватает, и это мне грозит тюрьмой, так чего я буду ему поддаваться добровольно? Ну, а если

рядовой гражданин советский схватит, глупый, скажем, или просто верит, — чего я его лупить-то буду? Имею ли я моральное право бить, даже чтобы освободиться?" Я этот вопрос так для себя и до сих пор не решил...

— **Ну, а что было в действительности, хватали вас?**

— А в действительности получилось вот как. Захожу я на второй этаж, а Меньшиков остался на первом. Он там бросает по ящикам, а я здесь. И вот только я бросил листовку, как дверь распахнулась... Оказывается, в коридоре гости были, уже одевались, и, естественно, когда в их ящике что-то стукнуло, решили посмотреть. И я даже не по ступенькам — я на целый марш лестничный сразу ситанул, потом перепрыгнул второй, и мы как чесанули!

Ну, а потом знаете, что выяснилось? Наши листовки сразу были доставлены в КГБ. И тут же оперативную группу погнали к метро. И если бы они успели, то точно бы нас вычислили и прихватили. Уж больно мы не были похожи на забудыг, собравшихся в рассуждении выпить. Но они опоздали буквально на 10 минут.

— **А как вы об этом узнали?**

— Ну, мы же помнили, когда уехали. А на следствии, по этому эпизоду — сопоставили.

— **Что было дальше?**

— Дальше мы скатились в метро и поехали. А Меньшиков — отчаянный и даже авантюрный мужик — говорит: "Сейчас я здесь брошу". На конечной станции все выходят, а он берет листовки и раскладывает по диванам. Поезд уползает в тоннель, затем возвращается к перрону на противоположной стороне. Публика входит, а там листовки лежат, ожидают... Это, конечно, было весьма безрассудно. Кстати, мы с Меньшиковым по пять штук оставили. Хотели раскидать по домам рядом с собой, чтобы потом поговорить с людьми, выяснить, как они относятся, как реагируют.

— **Но ведь это означает, что в вашей группе совершенно не соблюдалась конспирация!**

— Именно так! Это дело вообще на нуле было. Вы знаете, например, как попался Покровский? Когда пришли арестовывать Краснопевцева, именно в этот момент к нему явился Коля Покровский с материалами для изготовления гектографа. После первой листовки я сказал: "Ребята, размножение надо ставить на серьезную основу." И мы решили сделать гектограф, чтобы печатать много, без проблем и не бояться,

что узнают по почерку. Я почитал литературу, энциклопедии. И вот Коля принес, кажется, желатин и еще что-то, ну, его и прихватили. А те листовки, что остались у Меньшикова — нашли при обыске.

— *А Ваши?*

— Свои я успел уничтожить, так же, как и кальку с текстом листовки. Когда арестовали Меньшикова, а это было 30-го августа, его жена позвонила мне и я уже знал. Но все равно, произошло это — неожиданно. Задержали меня на работе, привезли домой и начался обыск, который длился семь часов, — в 12 начали, в 7 кончили. Должен сказать, что чутье у них потрясающее. Например, берет он простую белую бумажку — я ее подкладывал под фотобумагу, — оглядывает со всех сторон, чуть ли не нюхает и откладывает к себе, на изъятие. А ведь простая белая бумажка! Что он там на ней мог углядеть?

— *Ну, а в итоге, нашли они что-либо, указывающее на Вашу связь с группой?*

— Абсолютно ничего. Изъяли у меня фотоувеличитель, кое-какие личные бумаги, но никакого криминала найдено не было.

— *А как же они Вас "привязали" к делу? Ведь Вы могли отказываться, как говорится, в глухую!*

— А Козовой! Он ведь дал показания. Меня лично он не знал, но слышал фамилию и слышал, что я печатал листовки. Вначале я и начал отказываться, но буквально в тот же день был вынужден дать показания. Ну, видно же, что они абсолютно все знают. Кстати, когда меня привезли к следователю, первым делом мне показали Володьку. Открыли дверь, вижу, стоит в коридоре Меньшиков, поздоровались мы с ним, и дверь закрыли. И знали они, к моменту моего допроса, даже кто где — справа или слева — сидел, когда печатали листовки. Ведь девять же человек было! А знаете, что такое девять человек поделщиков? Даже если бы кто-то не сказал ни слова, информацией, полученной от других, его бы завалили и вынудили гонорить, хотя бы о себе. А большего, собственно, им и не нужно было. В общем, когда я понял, что все известно, я тоже стал давать показания. К полному отрицанию этой системы мы еще готовы не были.

Потом следователи нам так сказали (а они, в целом, к нам неплохо относились, не зверствовали): "Ребята, вы в рубашках родились: на два года раньше — и вас всех перестреляли и даже бы не почесались". Вы помните ребят из воронежской молодежной

группы? Они сели где-то в 49-м или 48-м, так им же по полной катушке лупанули. А что они сделали? Практически ничего. А мы, все-таки, Хрущева задевали крепко в листовке. При Сталине за такое, конечно... Кстати, сам Хрущев, говорят, отнесся к нашему делу, так... снисходительно. А вот Фурцева прямо-таки рвала и метала. Но это все по слухам, разумеется.

— *Сколько длилось следствие?*

— Взяли нас в конце августа, начале сентября, а в декабре мы подписали 206-ю, значит четыре месяца. Январь мы ждали суда и в феврале 58-го — суд.

— *А где все это время вас держали, в Бутырках?*

— Нет, во внутренней тюрьме КГБ на Лубянке. В наше время там еще была тюрьма, потом ее ликвидировали. Этот главный корпус, что выходит на площадь Дзержинского, он в форме буквы "О", и была еще перемычка по диаметру. Вот в этой перемычке и располагалась внутренняя тюрьма. Сидел я в ней до апреля 58-го, — семь месяцев. В основном, в одиночке, но бывали и коллеги, в общей сложности, четверо. Один был сыном высокопоставленного чиновника из МПС, звали его Германом. Хотел

Марк Гольдман. 1958 год.

ФОТО ИЗ АРХИВА М. ГОЛЬДМАНА

убежать в Финляндию. Дали ему семь лет. Сидели двое стариков-евреев. Один наш, из-под Николаева, а второй — австриец. У него очень примечательная и в то же время очень типичная судьба. Во время войны он чудом спасся от немцев. Чудом! Но когда Австрию заняли советские войска, спастись не удалось. Что-то он сказал не так, получил срок и 10 лет отбыл в Воркуте. Когда освободили, в Австрию не отпустили. Он стал ходить в израильское посольство, тогда оно еще было в Москве. Ну, и как обычно у нас, ах, ты ходишь в посольство — на тебе! Был он уже какой-то полувменяемый...

Сидел еще "вор в законе" Саня Куркин. Тогда почему-то много было воров, получивших 58-ю. У него сроков было на 96 лет! По тогдашним законам сроки не суммировались, а складывались. Начал он с 10 лет. Мужик был тертый и отпетый, но, между прочим, хорошо играл в шахматы.

— Известно, что чекисты подсаживают "наседок"...

— Да мне ведь нечего было скрывать! У нас настолько все ясно было — Господи!

— Но они же должны были перепроверять Ваши показания.

— Да? Ну, не знаю... Австриец был почти сумасшедший. Второй старик относился ко мне нехорошо и почти со мной не общался. Правда, когда в лагере меня встретил, подошел, пожал руку, извинился и сказал: "Я не то о вас думал". Как я понимаю, он как раз и считал, что "наседкой" был я. Куркин? Вряд ли — не такой человек был, к тому же — недалекий. Герман? Парень он был, конечно, гнилой. Никаких идейных побуждений у него не было и в помине, лишь бы выпить и закусить в женском обществе. Так что не исключено, но маловероятно, потому что с ним мало общался я. В общем, я сомневаюсь насчет "наседки", кое-какое чутье у меня тогда уже было.

— Марк Соломонович, Вы семь месяцев отсидели на Лубянке. Расскажите об этом, пожалуйста. Какой там был режим, что, вообще, Вам запомнилось?

— Когда меня только посадили, в первый день, лежу я в полусне, слышу — кого-то тащат по коридору, и вроде бы начало крика, но — хоп! — рот заткнули, топот, топот — дальше потащили. Я снова задремал, и вдруг просыпаюсь — стоны! Явственные такие стоны: "А...а...а..." Я вскакиваю, и мысль у меня появилась, как в одном рассказе Горького на

сходную тему — разбежаться и головой в дверь, железом обитую, — ведь бьют же кого-то, избивали, стонет... А потом прислушался — голуби по окну ходят и воркуют в истоме. Тьфу ты! Я с тех пор их не люблю ужасно, этих голубей...

Вот такое начало было. А вообще, режим был очень спокойный. Надзиратели не зверствовали. За все время я ни разу не слышал мата. Передачи — пожалуйста, раз в 10 дней. Кормили неплохо. Вполне можно было жить и без передач. Но я, правда, в еде неприхотлив. Был великолепный душ, с могучим напором, так что получался массаж типа "душа Шарко". Мыло у нас было свое...

Пожалуй, самое большое впечатление оставила библиотека. Какая там была блестящая библиотека! Потрясающая! Уникальная! Вы же знаете, каким образом она создавалась и пополнялась. Покровский — прирожденный библиофил, так он просто таял от этих книг. 17-я страница была заштампована печатями сплошь: ЧК, ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ — вся история карательных органов. Правда, при нас, за семь месяцев, список два раза уполонивали. Я там многое с интересом прочел...

Еще я там много спортом занимался. В основном, качал спину. Возьмешь табуретку за ножку и начинаешь качать. Отжимался от пола. 100-120 раз. "Пистолетик" делал, помню, 56 раз! А сейчас, может быть, 5 осилю. А когда выводили на прогулку — это полчаса — я бегал по кругу, приседал, отжимался. Иногда играл сам с собой в футбол какой-нибудь ледышкой. Кстати, прогулочные дворники были сделаны на крыше. Однажды махнул ногой, а ботинки в тюрьме, сами знаете, без шнурков, едва держатся, ну, он и соскочил, перелетел через стену и вниз с восьмого этажа ухнул. Прибежал сержант, расшумелся: "Нарушение режима!" Я ему: "А кто мне запретит ногой махать? И вообще, что я, нарочно, что ли?! Чего шуметь, какие проблемы?" — "А если генералу на голову упал твой ботинок?" И смех и грех! Сбежали они, нашли — он приземлился на какой-то козырек — принесли...

Я попросил передать учебник английского языка. Мать принесла, и я стал потихоньку учить. А начальник тюрьмы говорит: "Что это вы все здесь за английский хватаетесь?! Уж обкакались, так и сидите." Вот так они оценивали... Не все, конечно. Один надзиратель очень сочувствовал все время. Хотя он у них там каким-то парторгом был. Однажды слышим, как он с кем-то спорит, и так, между прочим, полнвает колхозы — нибче нас. Видимо, сам был из

села, и знал что это за дрянь такая. Когда нас осудили, он меня спросил: "Сколько?" — "Шесть лет". Он руками всплеснул: "Боже мой, — шесть лет! За что? За бумажку..."

В общем, никаких особых негативных воспоминаний у меня от тюрьмы не осталось. Все нормально было.

— *А о суде?*

— Суд вспоминается как символ системы. Помню, что адвокаты у нас были какие-то беспомощные и жалкие, — просили о снисхождении и все, хотя иногда и пытались изображать некое сопротивление обвинению. А мой, к тому же, умудрился дважды получить за проведение дела: с коллегии и с матери. С деньгами, правда, нам всем помогли. Я знаю, что профессура в МГУ кое-что дала, и другие тоже.

— *А потом был лагерь...*

— Да, мордовская тьмутаракань... Явас, Сосновка, Барашево, Потьма... Нас часто "тасовали". За шесть лет я побывал в семи лагерях. Считайте: Потьма — лагерь при пересыльной тюрьме N 398/18 — раз; Явас — 104-398/11 — два; Сосновка — 398/7-1 — три; Барашево — 398/3, больничный лагерь — четыре; Лесиной — 398/17 — пять; опять Сосновка — 398/7 — шесть. И снова Потьма — лагерная пересылка — седьмой.

Когда нас привезли, в тот момент некая либеральная атмосфера была в этой системе — остатки хрущевской оттепели. Например, нас не стригли. Я все время после ареста был со своей прической и подстригся уже в зоне, когда сам захотел. В лагере была коммерческая(!) столовая. Заключение сносили с гарантированного питания — это 12 рублей в месяц, — и они заказывали себе еду в столовой на неделю вперед. Стоило это, конечно, дороже, рублей 20-25, зато там были даже шинцели. Правда, деньги, которые присылали с волн, использовать запрещали, — только те, что заработаешь. Видимо, таким образом пытались заставить лучше трудиться. (Однако, эта система быстро кончилась, в том же 58-ом году). Фотографии, которые вы видели, делал лагерный фотограф. И, насколько я помню, мы ничего за них не платили. А сколько мы занимались спортом! Во что только не играли! Считайте: хоккей — полурусский-полуканадский, футбол, баскетбол — великолепный баскетбол! (Прибалтов же было — тьма. Мы только раз у них выиграли. Мы — это русскоязычная сборная, так скажем. От нас играли я и Меньшиков.) Дальше — волейбол (но тут уж мы прибалтов песли!), настольный теннис, штанга, гири, шахматы... что еще? Пожалуй, все.

— *Знаете, по-моему, и этого с избытком хватит. И что же администрация, поощряла?*

— Она не препятствовала. Кстати, недавно я побывал, в качестве журналиста, в лагере, где сидел во второй раз. Так там — изумительные спортивные городки! Чего только нет, даже боксерские мешки. Запимайся — не хочу! В мои годы этого не было... Мы многое своими руками делали. Помню, как я добывал и резал резину для эспандера, как гантели сотворял... (Правда, держать их в жилой зоне нам не разрешали, как бы чего не вышло). Ребята построили такой турник — на высшем уровне! Но когда я журналистом посетил лагерь, турника этого не увидел. Зато была моленная комната. Но, конечно же, не надо забывать, что лагерь был политический. Говорят, уголовные лагеря, и особенно "дальняки" — Север и Сибирь, были несравнимо хуже.

— *Марк Соломонович, многие сидевшие рассказывают, что прямо по прибытии, первым делом лагерный "кум" предлагал сотрудничать. У Вас это было?*

— Нет. Ни по прибытии, ни после. Пожалуй, у меня было даже наоборот. Было вот что. Однажды, прямо с футбольного поля, в трусах, вызывает меня старший лейтенант Агафонов, правда, он не виноват был, это мент посыльный перестарался.

— *А кто такой Агафонов, "кум"?*

— Нет. "Кум" — это МВД, а этот был из КГБ — опер. Деликатно так спрашивает: "Что это вы писали? Куда писали?" и т.д. А мы писали в ЦК партии и ВЛКСМ, что нельзя сажать в такие лагеря молодежь. Наивно, конечно. Хотя, не совсем и наивно, ведь мы же верили тогда. Мы тогда не понимали до конца, что эта система не поддается реформированию. Ни партия, ни система. А он, — Агафонов, по его словам — тоже, оказывается, писал об этом наверх. О том, что нельзя этих людей сажать, нельзя! Ведь это — шнакомыслящие, с которыми надо бороться не лагерями... Вот такой у меня был контакт с опером, до сих пор я этого Агафонова помню...

Но такой опер, это, конечно, исключение, после него появился некто Постников. Вызывает меня. Я пришел. Он сидит, я стою. "Так, за что сидите?" — "Да ни за что." — "У нас ни за что не сидят." — "Тогда, — отвечаю, — мне с вами разговаривать не о чем. До свидания." Развернулся, вышел, и больше я к нему не заходил.

А с другим опером, Макаровым, такой случай произошел. В декабре, на день чекиста, награждали

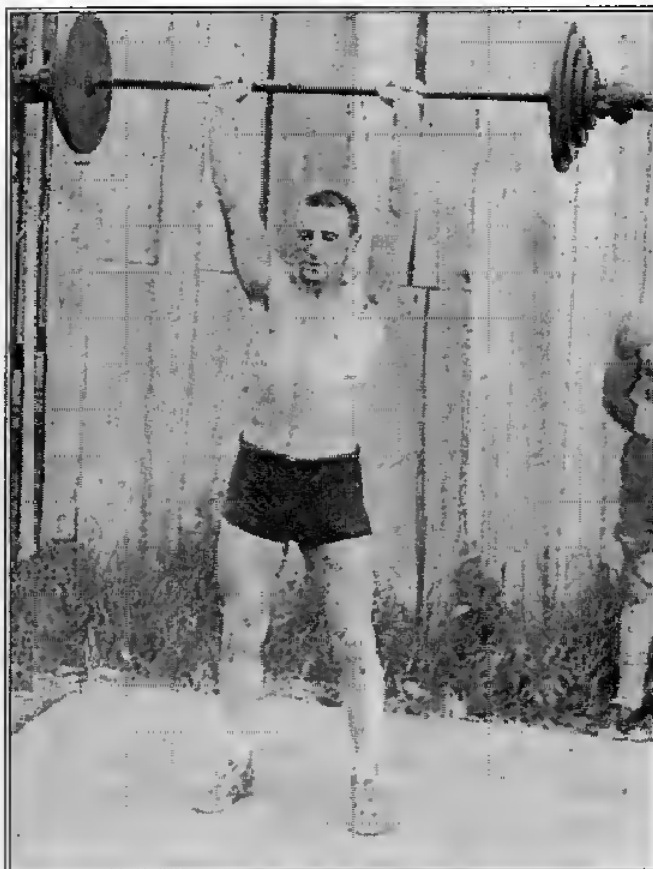

ФОТО 5

Поддержание спортивной формы в лагере.
ФОТО ИЗ АРХИВА М. ГОЛЬДМАНА

его какой-то грамотой, то ли юбилей у него был, то ли еще что. В общем, его в клубе награждают, а в это время несколько человек уходят через подкоп в побег. Их, правда, сразу похватали — выход был слишком близко от зоны, наряд шел и увидел на снегу черную дыру. Сразу тревога — и всех накрыли. Но сам факт! Его там награждают, а в это время побег, да какой! Весь лагерь хохотал и злорадствовал.

Этот Макаров меня страшно ненавидел. У меня с ним такое было дело. Я написал письмо матери, в котором высказал мысль, что, выйдя из лагеря, мы окажемся в роли героев Олдингтона. Ну, знаете, потерянное поколение — Хемингуэй, Ремарк. Герой, конечно, в кавычках, какой там герой?! Цензор меня вызывает: "Что, героем себя считаешь?" Я говорю: "Да вы читайте, что там написано-то — герой Олдингтона! Вы Олдингтона хоть читали?" — "Не читал." — "Ну, и не хрена тогда ерундой заниматься. Цензор тоже мне нащелся..." Тогда вызывает Макаров: "Что вы хотите, Гольдман?" Я говорю: "Да я хочу малого... Я хочу, чтобы все — и вы, и я — выполняли советские законы." (Несколько демагогичное, как я сейчас понимаю, заявление). Он

вскинулся: "Никогда этого не будет!!!" Ну, что ты с таким опером будешь делать?

— *Марк Соломонович, вот вы писали в разные инстанции. Вы всерьез надеялись донести свои идеи?*

— Писали мы всерьез. Вся наша конструктивная критика была изложена в этих письмах. А потом мы начали борьбу за пересмотр нашего дела. Мы потребовали переследствия и отказались от своих показаний. То есть факты мы признавали, но их оценку — отвергали. Нам ответили, что оснований для пересмотра дела нет. Тогда мы отказались работать. Наступил же — "барак усиленного режима" (БУР) на пять суток. Мы объявили голодовку, вшестером. — Обушенков отказался — и 24 дня голодали. На 7-е сутки нас первый раз насильно накормили — я, правда, отбился, на 12-е — второй, на 18-е — третий.

Когда они первый раз пришли кормить, мы все сцепились локоть за локоть. Они давали нас растаскивать, все злые, потные. Правда, ни они нас не били, ни мы их. Мы так договорились заранее — сопротивляться пассивно. Единственный, Коля Покровский не удержался, вышел все-таки из себя. Мы с ним вдвоем остались, последние. Его от меня отдирают, а он их ногой пинает: "Фашисты! Фашисты!..." — хотя чрезвычайно был интеллигентный и мягкий человек.

Меня оторвали от Коли, повалили на пол, двое руки держат, двое ноги, а на грудь уселся надзиратель по фамилии Швед, бугай такой, килограммов под 120. А кормить должен был фельдшер из заключенных, литовец. Он шприц двухсотграммовый, заправленный жидким супчиком, ко рту подносит и так деликатно им шевелит. Я, естественно, не беру, ну, и он, естественно, не хочет меня насиловать. Зачем ему? Швед говорит: "Дай сюда!" Схватил шприц, наставил и как всей своей тушей навалится! Чувствую — сейчас зубы вылетят, раздвинул челюсти, и он суп в рот выдавил, сколько поместилось. Но я помню хорошо, что ничего не проглотил. После этого мне все-таки как-то удалось вырвать руки и я толкнул Шведа. Он упал мне на ноги, я приподнялся и весь этот суп прямо ему в рожу — фррр! И при этом крикнул страшную фразу, мы потом над ней долго смеялись. "Швед! — кричу, — не этому меня десять лет в комсомоле учили!" (А я действительно ровно десять лет в комсомоле состоял.) Вот какие шутки подсознание выкидывает...

На 12-й день они применили другой метод. Посадят на стул, привяжут руки и ноги, а затем

задерут голову и вливают шприцом воду со сгущенным молоком. На 18-й день меня второй раз накормили. С 20-го стали кормить каждый день, а с 22-го — по два раза. Тут приехала жена Краснопсвцева — Люба, и передала нам записку: "Ребята, вы свое дело сделали. Мне обещана встреча с Хрущевым". Майор Лапшин, гебист, — он записку передал — собрал нас в одной камере. Сидим, друг на друга смотрим, чувствуем — надо кончать. Но я, все-таки, сказал — давайте до 30-ти дней, ровно месяц. А мне все глазами на Ренделя показывают. Он при росте 185 см весил 56 кг. До голодовки! Конечно же, он первый умрет. В общем, поговорили мы вечером, а на утро написали, что голодовку снимаем, и нас вывели в зону. Я похудел на 17 кг. Было 79, а стало — 62. Покровский потерял 12 кг. А Ренделя мы даже взвешивать не стали, страшно было. Лапшин позволил Любе купить яиц немного и передать нам. А на третий день нас погнали на работу. Начальник медсанчасти был такой садист. Мы воспротивились, стали писать заявления... В общем, кажется, неделю, или чуть больше, нас не трогали. Но, конечно же, восстановиться полностью никто не успел. После голодовки нас увезли на "тройку", в Барашево.

— А Любе дали встречу с Хрущевым?

— Нет, что вы! Совсем недавно я спросил ее об этом. А она говорит: "А я и не помню". То ли ее обманули, то ли она обманула нас...

— Что же было потом?

— После голодовки с нас сняли все взыскания.

Владимир Меньшиков в лагере.
1959 год.
ФОТО ИЗ АРХИВА М. ГОЛЬДМАНА

Всем шестерым. У меня было много взысканий, и БУР, и прочее.

— Почему?

— Не знаю.

Ну, вот как бы... некий шаг навстречу, что ли. Некоторые в лагере восприняли это так, что нас хотят освободить. Голодали-то мы за пересмотр дела. И действительно, зачем им было держать людей, в общем-то, не сов-

сем антисоветских? Мы ведь не были яркими антисоветчиками! Еще не были! Мы были конструктивной оппозицией.

— Марксистского толка?

— Пожалуй, однозначно так сказать нельзя. Не совсем... Лева, например, на одном из трудов Ленина написал собственноручно: "За это в порядочном обществе бьют морду!" То есть он видел, конечно, все ленинские гнусности — видел, да и марксистские — тоже. Но, все-таки, идеология ведь не шапка. Это шапку снял — повесил, снял — надел. Нас долго воспитывали... В общем, мы были критической и конструктивной оппозицией и склонялись к тому, что капитализм частично надо возвращать. По рынку тоже были мысли... Сейчас я не могу точно дать ответ по нашим тогдашним экономическим оценкам и программам. Лично я был далек от этого, ибо не обладал достаточными знаниями. Но ребята разрабатывали эту тему вполне серьезно. У них были труды по экономике.

Но это все в теории, а конкретно-практически, в повседневности лагерной жизни, после голодовки, мы решили попробовать конструктивно взаимодействовать с администрацией. Конечно, они люди подневольные и пойти против системы не могли, но... все-таки! Когда заключенный уходит в конфронтацию, тем более, глухую, администрация воспринимает это как вызов и почти рефлекторно ожесточается в ответ. А что если вести себя сдержанно, ни на йоту не отходя от своих нравственных позиций, но доброжелательно. Если сказать другими словами, мы решили смягчить ежедневные тактические отношения с нашими сторожами всех уровней. (Кстати, сейчас я держусь такой позиции относительно администрации города Липецка, где я живу. Потому что, если человека все время свиньей называть, рано или поздно он непременно хрюкать начнет).

Когда нас перевели в Барашево, мы там вошли в совет коллектива. Лева был председателем, я отвечал за физкультуру, Коля Покровский стал библиотекарем, ну, и так далее, остальных уже и не помню. (Вошли все, за исключением Козового, Обушенкова и Чешкова). Мы, в общем-то, исповедывали две вещи. Первое, люди в лагере не должны терять человеческий облик. И второе. — нужно работать. Разумеется, не надрываться, не тянуть из себя жилы во имя исполнения их идиотских норм, но — работать. Вы знаете, когда выходишь заготавливать дрова без нормы, для себя же, и видишь, как все

Первый слева — Фельдман, третий — Кривошеин; первый справа — Марк Гольдман.

ФОТО ИЗ АРХИВА М. ГОЛЬДМАНА

разбегаются по курилкам и теплушкам гонять чай... — очень нехорошие чувства возникают. Но мы были категорически против того, чтобы людей наказывали за отказ от работы. Сплошь и рядом человек отказывался потому, что данный, конкретный тип работы просто не стыковался с ним по каким-то психическим или физическим причинам. Поэтому мы всегда просили — подберите подходящую работу. И если это происходило, обычно человек начинал нормально трудиться.

Мы вышли из совета ровно через три месяца. Трех месяцев хватило, чтобы понять: эти люди и стоящая за ними система — неисправимы! Они восприняли нашу добрую волю как некий рычаг, чтобы заставлять нас делать то, что мы не хотим. Но ведь это, в конце концов, — **наша** добрая воля! И вот мы вышли и объявили голодовку в знак протеста. Правда, вчетвером: Покровский и Семененко отказались. Проголодали мы семь дней. После этой попытки нас и стали вновь обвинять и распускать про нас сплетни...

Сейчас в демкругах существует твердая аксиома: компартии всех направлений не могут самореформироваться. Мы это поняли в лагере на собственной шкуре.

— **Вам предлагали написать просьбу о помиловании?**

— Да, это было. И не только мне. Всем предлагали: пишите и поедете домой. И трое этим воспользовались.

— **Кто же?**

— Козовой, Чешков и Семененко.

У них было по 8 лет. Они написали и вышли досрочно, в октябре 1963. И Чешкова даже сразу прописали в Москве. Все остальные отсидели от звонка до звонка. Правда, в июне 67-го, за три месяца до окончания срока, десятилетники Краснопевцев и Меньшиков тоже написали. (Рендель не стал). Так им — отказали! У них все время что-то менялось, то обострение, то смягчение: сегодня — так, завтра уже не пужно. Однако, для политических все время режим ухудшали. Пришли мы на "общий", ушли с "усиленного". При нас была отменена система зачетов. Например, у меня было сотни полторы (кстати, столько же, сколько суток штрафного

изолятора — ШИЗО) — пропали...

— **Удовлетворение прошения о помиловании было связано с какими-либо условиями со стороны КГБ, как Вы думаете?**

— Представления не имею! Сложное это явление... Конечно, они всегда пытались нас ломать. Покровскому, например, предложили написать помилование уже после лагеря. Зачем-то им это понадобилось. Ему намекнули: напиши, тогда пропишем в Москве. Он отказался. Нас все время ущемляли, хотя в приговоре не было ни ссылки, ни поражения в правах. К примеру, Рендель восемь лет скитался по России, его не пускали в Москву. Прописали только в 75-ом. Кстати, именно Рендель в конце 88-го написал заявление о реабилитации. Один боролся. Мы все не верили. И вот как получилось — 29 апреля 89-го года Леня умер, а 4 мая нас реабилитировали. Не дожил всего пять дней.

— **Марк Соломонович, хочу Вас спросить обобщающе. Что, в целом, был лагерь для Вашей судьбы?**

— Конечно, шесть лет без свободы, вы сами понимаете... Никому не пожелаю. И после освобождения нас не оставляли в покое. Всех. Особенно Ренделя, я об этом уже говорил. Например, меня не пустили обратно в Москву, пришлось осесть в Липецке. (Хотя, по правде говоря, я не уверен, что я чего-либо добился бы в столице, — не такой я человек.) Были и на работе, по линии ГБ, всякие истории. Не пускали в командировки в определенные

города, проверяли. Один раз вообще удивительный был случай. Я поехал отдыхать в Лапландский заповедник, это на Кольском полуострове. И там при странных обстоятельствах мне сообщили, что по всей области идет розыск Арка (!) Соломоновича Гольдмана, который движется в сторону государственной границы с оружием. Пришлось ехать "сдаваться" к пограничникам, выяснять отношения. Испортили отпуск. До сей поры не пойму, зачем им понадобилась эта провокация?!

И все же, мне лагерь и очень многое дал. В первую очередь, я считаю немаловажным, что он очень много дал мне в смысле здоровья. Скромная, нежирная пища, много физического труда, много спорта, в общем, из лагеря я вышел в очень хорошей форме.

Очень много я встретил интересных людей, с богатыми биографиями. Я страстный любитель военной истории и там имел возможность расспрашивать живых участников войны, причем, с обеих сторон. Я очень многое почерпнул и пришел к выводу, что нашу официальную историю второй мировой войны можно выкинуть на помойку. Разумеется, не всю, но в подавляющей части. Настолько все извращено!

Шесть лет, бок о бок, я пробыл со своими ребятами. А знаете, какие это были высокоинтеллектуальные люди! Я очень многому у них научился. Это даже трудно оценить. В итоге, я избавился — и окончательно! — от того, во что верило большинство советских людей, то есть от всепроникающего мифа "самого передового и единственно верного учения..." Это избавление я считаю огромным благом.

В лагере я много читал, и по выходе во мне сформировался некий механизм оценки событий жизни, и настоящих, и прошлых, а также, как оно ни скромно, умение предвидеть будущее.

В общем, много хорошего пришло ко мне в лагере. Я себя могу упрекнуть только в трех вещах: первое, — надо было еще больше заниматься спортом, второе, — надо было, конечно, выбрать себе одну профессию и вести профессиональную подготовку, и третье, — надо было английский выучить, как, например, мой земляк Володя Темников, с улицы Володарского. Он за пять лет так изучил язык, что стал одним из самых модных переводчиков в Москве...

Недавно, кстати, исполнилось ровно 39 лет со дня моего ареста. Взяли мы с Меньшиковым бутылку и поехали к Краснопевцеву. Выпили, и я им сказал, что очень благодарен всем ребятам за то, что они мне поверили и привлекли к своему делу. Потому что, по

своему характеру, я все равно бы попал в лагерь, но уж точно не в такую мощную интеллектуальную и информационную среду, как с моими ребятами.

Я благодарю судьбу за то, что так все сложилось...
— *Марк Соломонович, у меня есть к Вам еще один вопрос. Вы, конечно, понимаете, что, готовясь к интервью, я постарался ознакомиться с материалами по вашей группе. Не скрою, меня буквально ошарашила статья Краснопевцева, напечатанная в межлагерной многотиражной газете "За отличный труд". Как Вы помните, это произошло в 1967 году, незадолго до его освобождения. Я ощутил ее смысл, как отказ от идеалов, которые и привели Льва Николаевича в мордовский лагерь. Потом по поводу этой статьи было открытое письмо Ренделя в газету "Унига", не знаю, опубликованное ли, его же попытки напечатать ответ на нее в многотиражке и издательский ответ редактора-чекиста... Мне бы хотелось спросить Вас, непосредственного участника событий, что думаете Вы об этой статье и о том, что накрутилось потом вокруг нее?*

— Знаете, я ждал этого вопроса. Вы не могли его не задать... Поверьте, он мучает и преследует меня более тридцати лет. Наверное, и дальше будет мучить... Здесь замешаны столь тонкие нюансы взаимоотношений людей, что как бы я не старался, как мне кажется, максимально объективно и точно объяснить их, все равно это будет **около** истины...

Кое-что о трениях внутри нашей группы я Вам говорил. Мы живые люди, ничто человеческое нам не чуждо, в том числе и слабости, и глупости разного рода. Но есть нечто главное. Мне кажется, вопрос о статье нельзя отделять от вопроса о помиловании. По всей видимости, статья, как обязательная, шла в паре с прошением о помиловании (мы-то знаем чекистско-большевистское изуверство). Вы помните, я говорил Вам, что они все время пытались ломать нас, вели свою игру, выпскивали малейшие зацепочки в наших биографиях и характерах для нажима... Как они нажимали на Льва? Может быть, двумя престарелыми и большими родителями? Или дочерью, 10 лет жившей без отца? Или еще как-то? Не знаю... Чем была эта статья для Льва — последней вспышкой подкоркового большевизма, от которого мы все тогда еще не могли полностью избавиться? Еще одной попыткой апробирования режима вроде нашего хождения в совет коллектива? Слабостью и компромиссом в

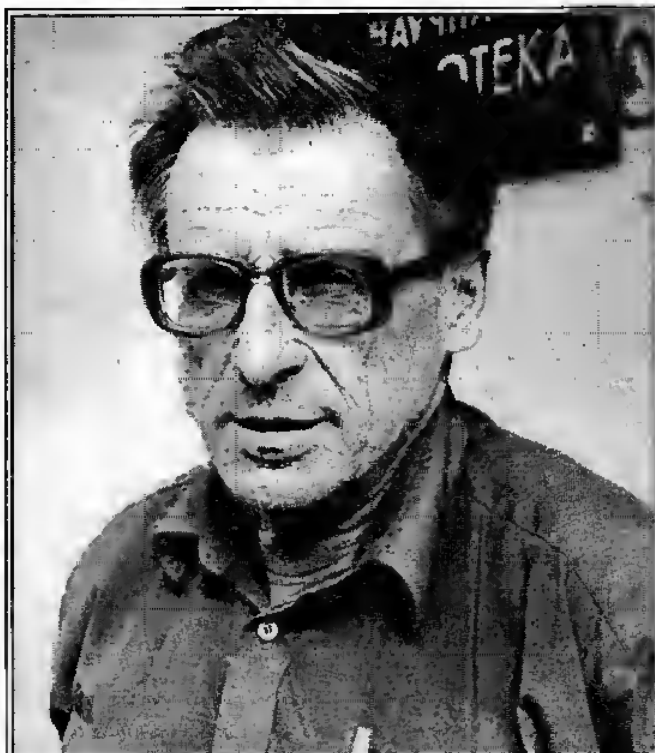

чистом виде? Кто ответит? Статью они получили. Прощение тоже — за три месяца до конца срока. И отказали! А статью все-таки тиснули...

...Я уверен в одном — подлости не было! Я знаю — стыдится он и прощения, и статьи, также как я стыжусь своей кассационной жалобы, такой противной, такой слюнявой! Краснопевцев прожил достойную жизнь, дай бог так прожить каждому россиянину. Он опередил свое время, и намного. Вы читали его реферат "Основные моменты русского революционного движения..."? В свое время чекисты всю Москву перевернули, разыскивая копии. Серьезный историк, специалист высочайшей квалификации говорил мне, что если бы он прочел этот труд двадцать лет назад, это избавило бы его от целого десятилетия мучительных поисков. Это к тому, что реально остается после нас на этой земле.

Липецк

С Марком Гольдманом беседовал
Сергей Романов

Марк Соломонович Гольдман. 1997 г.

ФОТО С. РОМАНОВА

Лев КРАСНОПЕВЦЕВ

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В 1861-1905 ГОДАХ

Реформы 60-х годов, их причины и характер*

Исходной точкой всего европейского развития России несомненно являлись реформы Петра I. Но в этих преобразованиях — причина и многих последующих несчастий России. Петр завершил создание русского самодержавия и придал ему его классическую форму. Это был не с неба упавший переворот и ломка старого, это был итог всего прошлого развития России. Значительная экономическая отсталость России и слабость элементов товарно-капиталистического развития при подавляющем преобладании феодальной экономики; как следствие этого — раздробленность, инертность, пассивность и неспособность ни к чему, кроме слепого разрушения, у народа. Азиатская дикость и полная неспособность договариваться друг с другом у феодалов и средних городских слоев — вот что породило русское самодержавие. Основные классы русского общества — крестьянство и феодалы — просто не могли в силу своей дикости и отсталости быть субъектами исторического прогресса, а могли быть только его объектами. Это проявилось

* Первая глава рукописи

в период XVII века. Смутное время, разинщина и городские бунты XVII века, когда все и вся передрались между собой и показали свое полное неумение организовать созидательную работу для создания чего-то просто устойчивого и серьезного — вели прямо к самодержавию. В 1613 году Земский Собор — русский парламент — не видел другого исхода в России кроме установления самодержавия. Это был не только вывод феодалов, но и всей страны.

Установление самодержавия, означавшее уничтожение всякой демократии и самостоятельности не только внизу, но и вверху, дало противоречивые результаты. Россия очень быстро превратилась в европейскую страну, миновала судьбы азиатских государств. Но здесь было и есть коренное противоречие ее развития. Включив Россию в семью европейских государств, Петр страшно "подвел" феодалов: ведь удержаться в этой семье на правах ее равноправного члена можно было лишь при условии постоянного движения вперед, параллельно общему европейскому прогрессу или не очень сильного отставания от него по темпам. Спать можно было в Азии при Алексее Михайловиче Тишайшем; попав в Европу, нужно было бегать. А возможностей для бега у самодержавия России (как и у всякого другого самодержавия) почти не было. Всякое самодержавие неразрывно связано с необходимостью защиты тех устоев, на которых оно покоится. Менять оно может только второстепенные детали, простора у него очень мало. Но все возможности менять детали были полностью исчерпаны к концу XVIII века Екатериной II. После нее всякое серьезное движение вперед разрушало основы. Создался тупик, система Петра — Европа верхом на Азии, — то есть европейская культура и цивилизация на базе азиатско-застойного уклада, изжила себя. "Дух" у "Азии" кончился, и нужно было или ликвидировать "Европу" в России и возвращаться к допетровским временам, или пересаживать европейскую цивилизацию в России на другую, европейскую почву. Короче говоря, противоречие в системе Петра, делавшее ее существование очень ограниченным во времени, заключалось в том, что привитая им к старой, крепостнической, самодержавной основе культура и цивилизация (в области экономики, государственного строя, культурного уровня и т.д.) должны были или погибнуть в России, или погубить это самодержавие.*

Петр спас феодализм в России, но страшной ценой: ему пришлось подвести под него смертельную мину, очень замедленного, но неотвратимого действия. (А через два с половиной столетия его образ действия, в смысле метода, повторили другие великие преобразователи России, с тем же неизбежным конечным результатом: они пытались и пытаются создать "провода в соломе" — привить электричество к миру соломенных крыш).

* Объективно логика действий Петра очень напоминает наше время: действовать не снизу, а сверху, реформируя сначала не фундамент, а потом надстройку, а наоборот. Задача и в его времени, и в нашем — цивилизовать, европеизировать Россию, добиться ее прогресса. Естественное, глубокое, всеобъемлющее течение этого прогресса (так он шел на Западе) — снизу вверх, т.е. сначала сломить феодализм, дать экономике возможность быстрого свободного развития, и страна цивилизуется сама собой. В России путь иной — господствующая группа, слой, класс оставляют внизу все по-старому, низы не получают никакой возможности для естественного стихийного, своего развития, прогресса; они по-прежнему сдавлены, а цивилизацию (или коммунизм) им внедряют сверху, силой, как говорится, "вносят сознание извне". Этот путь прогресса для таких азиатских стран, как Россия, очень вероятен. Его возможность, подтвержденная практикой столетий, доказывает громадную роль власти, организации, ее преобладание в ряде случаев над нацией, массой, стихией. Слова "дайте мне организацию — и я переверну Россию" — обобщение этой вековой практики (начиная с Петра и даже раньше). Но Россия выбирает этот путь не от хорошей жизни. Это путь варваров. И пока Россия идет по нему, она, конечно, прогрессирует (это все же лучше, чем азиатское гниение), но остается варварской. Этот путь — свидетельство того, что и в новой коже "она все та же": все то же захолустное Пошехонье, но с блестящей европейской верхушкой.

Но цивилизуя Скотининых и Простаковых, самодержавие в России так придавило и придушило всю страну в экономическом и политическом отношении, что развитие антифеодальных сил буржуазного общества (пролетариата и буржуазии) настолько замедлилось, что к моменту тупика феодализма (конец XVIII в.), последнего окончательного тупика, из которого он так и не нашел выхода, в России не было базы для капитализма. У нас очень любят говорить, что в недрах капитализма не создается материально-техническая база социализма, а в недрах феодализма такая база для капитализма создается. По отношению к социализму это верно только в применении к России (да и то частично), по отношению же к капитализму это верно только в применении к Западу. До 1861 года в России не была создана материально-техническая база капитализма (как во Франции к 1789 году). А раз не было базы экономической, то не было и социальной, т. е. не было тех внутренних сил, которые могли бы свергнуть феодализм. Если бы Россия могла быть изолирована от внешнего мира, то ее постигла бы судьба восточных стран: она гнила бы на корню, гниение старого опережало бы формирование нового, и так бесконечно долго, то есть, в конце концов, до тех пор, пока не вмешаются опять-таки посторонние силы (как и произошло с Востоком в наше время уже) и не дадут зачаткам капитализма решительного перевеса над феодализмом.

Но благодаря Петру и последующему развитию, Россия, в отличие от Востока, никак не могла быть изолирована от развития Европы, она настолько прочно срослась с Европой своей верхушкой, самими своими феодалами, даже их феодальной экономикой (торговлей хлебом и пр.), она настолько увязла своей внешней политикой в общеевропейских делах, что оторвать ее от Европы можно было только ценой ее жизни вообще.

С конца XVIII века эта связь становится настолько серьезной, что колебания политической конъюнктуры в России начинают определяться развитием этой конъюнктуры в Европе: русские политические акции выбрасывают на европейскую политическую биржу. Это становится возможным только благодаря тому, что примерно со времени Великой французской революции в политической жизни самой Европы происходят очень серьезные изменения: в этой жизни появляется невиданное доселе единство: общая центральная линия развития, подчиняющая себе внутреннее развитие стран (или очень серьезно влияющая на него), чего раньше не было.

Либеральная демагогия Екатерины II, как отражение и давление в решающей степени подъема освободительного движения на Западе, сменилась дикой реакцией Павла, соответствовавшей первой и второй коалиции реакционных держав против Франции. Но могучие удары Робеспьера и Бонапарта, их великие победы привели к новому потеплению в России, к появлению Сперанского. Оно держалось до падения Наполеона. Венский конгресс вызывает к жизни в России Аракчеева, отставленного со времен Павла. Но прогрессивные силы Европы, усиленные в каждой стране в несколько раз французской революцией, оправившись вскоре после разгрома 1814-16 гг., в начале 20-х годов снова вступают в бой: серия восстаний и войн (14 декабря в России — одно из них, оно немислимо без них) дает серьезные успехи, отбивает ряд стран, но режим Венского конгресса еще не сокрушен — Меттерних и Николай I продолжают господствовать в Европе. Революция 1848 года кладет конец этой системе: она вызывает буржуазно-демократические преобразования во всей Европе. Одним из первых прогрессивных последствий этой революции была Крымская война. Ценой этого удара по бывшему и последнему жандарму Европы правительства европейских стран покупают себе внутреннюю стабилизацию, ослабляя несколько удары внутренних демократических сил по своим режимам и получая время для постепенных спокойных преобразований внутри своих стран. Крымская война — это решительное, прямое военное вмешательство прогрессивной Европы в русские дела — прекращает длящийся с конца XVIII века процесс гниения феодализма, дает резкий перенос прогрессивным силам и решает судьбу крепостничества в России.

Наступила классическая для России ситуация, изображенная в художественной литературе как сцена покаяния Паниковского. Как этот сын лейтенанта Шмидта осознавал свои ошибки и переставал красть гусей только тогда, когда его высаживали из машины на дорогу в пыль, так и русский правящий класс только угроза навсегда потерять место в машине "Европа" заставила стать на колени и попросить прощения за нарушение конвенции, заключенной Петром.

Крымская война обнажила кошмарные картины внутреннего гниения, полное перерождение всего государственного аппарата, страшную экономическую, военную, культурную отсталость страны. "Порядок" в стране был, в общем, по-прежнему полный, и хотя количество крестьянских волнений возрастало, проблема их подавления упиралась всего лишь в наличие нескольких десятков дополнительных батальонов, так что не эти волнения — ни в коем случае! — создали тот кризис, который привел к реформам. Чтобы понять истинную роль классов и партий в реформах, нужно отбросить господствующую теорию, отрицающую за русским дворянством всякую способность к прогрессу. Эта смешная, опровергнутая историей еще до своего появления теория отождествляет русское дворянство, фактически, с китайским; и тот и другой классы, оказывается, были способны только на бесконечно долгое сидение в гниющем, стоячем болоте.*

Действительно, в русском дворянстве были серьезные слои, склонные предаваться этому истинно китайскому занятию. Их вождем был Николай I, но Крымская война отбросила их в сторону. Решающую роль стало играть то "новое дворянство", которое очень сильно проявляло себя уже при Александре и в будущем стало оплотом всего буржуазно-либерального лагеря (вплоть до 1917 года). Впервые после Петра было нарушено монолитное единство русского правящего класса: если раньше на позиции этого "нового дворянства" вставали лишь отдельные небольшие группы вроде Сперанского, декабристов и др., которым противостояли все остальные 99% дворян, то теперь был налицо полный раскол с серьезным перевесом, в течение 20 лет с лишним, "нового дворянства".

Единственным союзником "нового дворянства" в его борьбе за полное экономическое и политическое реформирование России была радикальная демократическая разночинная интеллигенция, только еще начинавшая оформляться и складываться. Но ее деятельность очень серьезно усиливала борьбу за преобразования. Крестьянство было абсолютным нулем в политическом отношении. Его выступления несомненно влияли на изменение общего политического фона страны, но ни в коем случае не были решающими (этот характер крестьянской борьбы, в основном, сохранила в 1905 г. и в очень значительной степени в 1917-м, а для 50-60-х годов он несомненен в абсолюте). Даже Покровский вынужден был признавать, что само по себе крестьянское движение перед реформой особых затруднений не представляло (для властей).**

Точно так же, как и мужик, русская промышленная буржуазия была нулем в политическом отношении. Слабая экономически, вышедшая только что из крестьянства

* Но только в XX веке, в наше время, правящие группы России сравнялись в этой способности с китайскими мандаринами. В прошлом веке Россия в этом (как и во многих других отношениях) еще отставала от Китая.

** В 1905-7 гг. крестьянское движение, охватывавшее до 1/3 уездов, поддерживавшееся мощными выступлениями пролетариата, флота, борьбой буржуазии, не смогло вырвать ничего, кроме столыпинского аграрного законодательства, встреченного в штыки самими крестьянами. Ясно, что в 1861 г. несравненно более слабое крестьянское движение никак не было решающим фактором. А если учесть, что остальные реформы проводились в тот период, когда крестьянские бунты прекратились или (в 1864 году) резко сократились, о чем странным образом умалчивают наши официальные историки, то роль "нового дворянства" и демократической интеллигенции, как единственных двигателей реформы, становится еще яснее.

и потому дикая, безграмотная, политически невежественная и индифферентная, связанная с бюрократией и целиком от нее зависящая, цепляющаяся за наиболее отсталые полуфеодалские методы эксплуатации, — она пока совершенно не представляла себе своего политического места и молчала. Правда, она гораздо быстрее крестьянства прогрессировала, поэтому было возможным, что скоро ее политическое лицо изменится.

С точки зрения партийных взаимоотношений реформы явились результатом блока трех сил — либерального движения разных оттенков (от Кошелева до Унковского), либеральных сил бюрократии и высших сфер, вплоть до царской семьи (Ростовцев, Милютин, вел. кн. Константин Николаевич и др.). Эти две силы возглавлял сам император. Третьей силой было революционное течение Герцена. Вне этого блока справа находились явные крепостники и реакционеры, стремившиеся вначале вообще загромоздить реформы, а потом приложившие все усилия, чтобы изуродовать их как можно полнее, а слева — группа Чернышевского, надеявшаяся, что крестьянская революция есть единственный для революционеров выход из положения и относившаяся сугубо отрицательно вообще к реформам.

Эта расстановка классовых и партийных сил дает возможность определить, что в реформах и их проведении напоминает и прямо повторяет реформы Петра, то есть повторяет обычный российский тип развития, а что выходит за рамки этого типа и представляет принципиально новое. К чертам старого относится то, что нет еще и намеков на массовое движение европейского типа. Оно остается диким, бессмысленным бунтом, больше того — оно в несколько раз слабее, чем при Петре. Народ продолжает безмолвствовать, его судьба по-прежнему решается сверху.

Но появление течения Герцена, сыгравшего в дела реформ роль исключительно большую и во много-много раз превышавшую удельный вес этой группы в населении страны, означало разрыв со старым. Герцен не просто вывел на сцену исторического действия силы демократии; он сумел стать настоящим вождем движения, всего его либерально-демократического крыла, он вел за собой не горстку единомышленников, а всю прогрессивную Россию. Впервые в истории России силы демократии влияли радикально и активно на важнейший, на протяжении последних полутора столетий, коренной переворот, но это были не живые реальные силы, а их идея, символ, образ будущего. Сначала Герцен создал идею народной партии, партии трудящихся, и только потом сама эта идея должна была воплотить себя в плоть и кровь, сплотить вокруг себя массы.

Герцен и Чернышевский — это часть "верхов" России, а отнюдь не народ. Только это "верхи" демократически-революционные, в отличие от реакционных и либеральных.

Деятельность Герцена, ее размах и место в жизни страны служили залогом того, что через некоторый период времени в России будет могучее, удивительное по силе массовое демократическое движение. Но развиваться это движение будет также сверху, как и вся цивилизация в России. То есть революционным организациям в России, состоящим из представителей не народа, а "общества", придется "идти в народ" и долгой работой в течение десятилетий раскачивать массы, создавать массовые организации. Герцен явился отрицанием всего предшествующего развития России в будущем, но путь к достижению этого отрицания не мог не быть старорусским.

В нашей исторической "науке" господствует взгляд, что из всей совокупности реформ сколько-нибудь существенное значение имела лишь крестьянская реформа 1861 года, все же остальные представляли не имевшие серьезного значения для страны уступочки царизма либералам-предателям, тридцать сребреников Иуды-либерала. Объективно же это было установление "пятого колеса" в колмаге старого самодержавия. Эта точка зрения не выдерживает никакой критики. Если считать, что для России 60-х годов XIX века капитализм был прогрессом, притом,

единственно возможным, то решающими оказываются для того времени политические преобразования, а не борьба за количество земли для мужика. Малоземелье, созданное реформой 1861 года, при свободе продавать землю, уходить когда угодно и куда угодно, при гражданской свободе и равенстве в стране (хотя бы в какой-то степени), при наличии хотя бы самого убогого парламента, конституции, законности, ни коем случае не стало бы таким страшным бичом страны, как при отсутствии всех этих политических свобод. Свобода и возможность переселения на восточные земли, несравненно более быстрый рост промышленности (никто не отрицает, что политические остатки феодализма и, в первую очередь, монопольное руководство страны бюрократией были страшной преградой для капитализма), гораздо более интенсивный приток капиталов из-за границы (ибо были гарантии для Запада, что с этими капиталами ничего не случится) — уже это одно создало бы дополнительный спрос на миллионы рабочих рук. А уход этих миллионов из деревни был бы, в свою очередь, колоссальным стимулом развитию капитализма, ибо он вызвал бы новую концентрацию земель в деревне, увеличение рынка на сельскохозяйственные продукты в городе и т. д. Наконец, при политических свободах эмиграция за океан шла бы более быстрым темпом, что было бы исключительно выгодно для убыстрения капиталистического прогресса внутри (повышение цен на рабочие руки, уменьшение колоссального аграрного перенаселения России, представлявшего, может быть, самого страшного и опасного врага капитализма). Малоземелье было так ужасно потому, во-первых, что было очень трудно уйти из деревни, а во-вторых, потому, что уйти-то особенно было некуда. И то, и другое упиралось в политику. Немного позже мы будем разбирать вопрос о том, могло ли большее наделение крестьян землей намного убыстрить развитие капитализма и разложение феодализма.

Между тем, народ, трудящиеся в 60-х годах были абсолютно равнодушны к политическим преобразованиям, как и крайние революционеры типа Чернышевского. А эти реформы изменили лицо России ничуть не меньше, чем крестьянская реформа. Результатом политических реформ было полное изменение условий политической жизни. Вернее — появление этой политической жизни, партий со своими идеологиями, организациями, прессой и другими орудиями пропаганды, их борьбы и прямого влияния этой борьбы на политику правительства. Ничего подобного не было до реформ; нельзя же считать политической жизнью появления произведений Пушкина, Гоголя, Белинского, совершенно не касавшихся прямо, непосредственно, ни одного политического вопроса. А ведь кроме этих произведений да единичных тайных кружков ничего не было до реформ. Реформы политические дали возможности, хотя и очень ограниченные, для политического и культурного воспитания нации, для борьбы за прогресс, против феодализма в России. Ведь достаточно сказать, что с 1855 года в России читали "Колокол", легально выходили произведения Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Некрасова, Щедрина и журналы, редактируемые этими представителями крайних направлений, резко радикальных, революционных; печатались произведения Маркса и Энгельса.

Сравните с этим времена, когда царь был цензором Пушкина, а тот — камер-юнкером; когда за стихотворение на смерть Пушкина, не содержавшее никаких прямых нападок на власть и ее носителей, Лермонтова сослали на Кавказ; когда разными путями, но были перебиты прямо и открыто Пушкин, Лермонтов, Полежаев, доведен до гроба Белинский, истреблен в лице декабристов цвет русской интеллигенции и дворянства, среди которых преобладали умеренно-либеральные люди. И все это было изменено, перевернуто в какие-нибудь 5-10 лет. И все это было сделано исключительно одними "верхами", народ не принимал в этом перевороте никакого участия. И только этот переворот создал возможности для вовлечения трудящихся в политическую жизнь, без этого переворота в России никогда не было бы марксизма, не было бы и народничества.

Как и в Германии, в России в 60-х годах произошла настоящая "революция сверху", она привела к перелому не менее крутому и резкому, чем в Германии, но так как исходные позиции были совершенно разного уровня в этих двух странах, то и результаты очень сильно различались.

Этот переворот внутри коренным образом изменил и внешнюю политику России. Внешняя политика Николая I — это Венский конгресс, союз с Пруссией и Австрией при дружеской поддержке английских консерваторов в целях изоляции "беспокойной" Франции и удушения революции, в расчете, что за роль европейского жандарма эти благодарные союзники отдадут Турцию. Вместо этого дипломатия Александра II уже в 1859 году во время австро-французской войны провозглашает дружественный Франции и Пьемонту нейтралитет. В период войн за воссоединение Германии Россия оказывает поддержку Бисмарку (и в 1866, и в 1870 году), способствуя тем самым воссоединению Германии, Италии, краху и реформе после этого краха Австрии. Наконец, позиция России приближала конец бонапартизма, когда он в конце шестидесятых годов изжил себя. Во время гражданской войны в Америке Россия совершенно открыто поддерживает Линкольна против южан, поддерживаемых Англией и Францией. В общем, внешняя политика Александра II в первый раз (и в последний до 1917 года) за XIX век, да и значительную часть XVIII, не только не носила реакционного характера, который, казалось, был постоянной сущностью внешней политики России, но играла прямо прогрессивную роль. Даже стремление России к проливам, этот вечный конек реакции в России всех веков и формаций во внешней политике, теперь привело к освобождению Болгарии и коренным буржуазно-демократическим преобразованиям в ней.

Очень интересен и важен вопрос о борьбе двух политических линий в дворянстве и бюрократии в период реформ и о роли правительства Александра II в этой борьбе. Даже нашим историкам не удается скрыть и замолчать тот факт, что в проведении крестьянской реформы правительство занимало почти самую радикальную позицию (из всех позиций дворянских групп) и очень долго и довольно последовательно боролось за ее проведение. Известно также, что правительство заставило дворянство приступить к выработке проектов реформ и что само дворянство никогда бы не пошло на такие шаги. А в ходе подготовки реформы правительство, когда дело окончательно заходило в тупик и выяснялось, что дворянство хочет освободить крестьян так, чтобы ничего не потерять и не изменить, мощными "пинками" и угрозами сдвигало дело с мертвой точки, просто приказывая дворянству положить в основу реформы такие-то принципы.

Но под натиском реакционных и консервативных групп правительство вынуждено было отступать, правда, оно отходило с боем, пытаясь зацепиться и дать снова отпор, где можно, но все же отступление было значительным и дорого обошлось стране: если бы прошел правительственный вариант реформ, развитие пошло бы несравненно более быстрыми темпами, и экономическое, и политическое. Почему же отступило правительство? "Классовая сущность, — отвечают наши "ученые", — чего же вы хотите от правительства крепостников?! А первоначальные его предложения просто демагогическое политиканство, игра в либерализм, не более". Но ведь вот в Польше то же правительство провело реформу на таких основаниях, что она до сих пор замалчивается у нас, а это высшее доказательство ее ярко прогрессивного характера. Лучшего доказательства не придумаешь. Безусловно, проведение этой реформы представляло очень опасный прецедент для всей России, и тем не менее, реформу провели.

Там правительство действовало методом прямого бонапартизма, военной диктатуры, оно прямо вставало над обеими воюющими сторонами и, пользуясь тем, что они взаимно уравнивали друг друга, резко и определенно расправлялось с феодализмом. Польша указывает, на что было способно правительство "нового дворянства" при определенной ситуации, при ситуации массовой войны классов.

Чтобы был Бонапарт или Кромвель, или Бисмарк, решительно ликвидирующий феодализм сверху, нужно, чтобы какие-то массовые силы сами пытались это сделать, но запутались в борьбе с врагом. Правительство Александра II было способно идти далеко по этому пути, но не было возможностей, не было войны классов, поэтому приходилось очень серьезно считаться с противниками — консервативным лагерем, нельзя было действовать методом военной диктатуры, нельзя было идти на разрыв с ними, т.к. это могло кончиться только свержением правительства. Приходилось искать равнодействующую.

Эти выводы имеют громадное практическое значение для нашего времени: русский народ должен знать, что в 1861 году не баре-либералы продали его землю и волю и отдали его в новую кабалу, а что лучшая их часть освободила его от крепостной кабалы, боролась за то, чтобы это освобождение было наиболее легким и благоприятным для него из всех возможных при тех условиях вариантов, а основная причина всех его тогдашних мучений и несчастий — он сам, его тупая покорность господам, забитость, отсутствие чувства личности и собственный взгляд на себя как на бессловесную вьючную тварь, животная трусость и мелкий эгоизм раба, начинающего кричать только тогда, когда его начинают пороть, но спокойно смотрящего, как порют тысячами его товарищей. Нужно знать правду, чтобы понять, почему источником этих воплей о предательстве либералов, как причине непоследовательности реформ (а такой оборот дела очень льстит неразвитым темным массам, это приятная демагогическая игра на их диких темных инстинктах, одним из которых является ненависть к интеллигенции, к культуре, к цивилизации, и стремление объяснить все беды и несчастия не слабостью цивилизации, а ее наличием — смотри сочинения идеолога русской деревни Л. Толстого), является черная сотня, в самом широком смысле этого термина, а честь их распространения и пропаганды с громадным успехом оспаривали у черной сотни некоторые крайние революционеры (типа Чернышевского и его последователей).

Конечно, не нужно впадать в крайность и утверждать, что только правительству Александра II и либеральному дворянству страна была обязана реформами. Они были бы проведены и значительно более умеренным правительством, но это были бы не совсем те реформы. Достаточно прибавить к реформам Александра II "поправки" его сына, чтобы представить себе другой, очень сильно отличающийся вариант преобразований. А эти "поправки" могли появиться на 20 лет раньше, вместе с самими реформами. Этого не случилось только потому, что мешало правительство. А без двадцатилетия свобод, либерализма, быстрого роста революционных организаций, развития культуры (это было величайшее двадцатипятилетие в истории русской культуры) был бы невозможен 1905 год, не говоря уже о 1917-м.

Период от Крымской войны до первого марта 1881 года начался "Колоколом" Герцена, а кончился "Социализмом и политической борьбой" Плеханова. Это период, к которому принадлежат Тургенев, Некрасов, Щедрин. Без опыта этого периода не было бы Льва Толстого и Достоевского, Релина, Чайковского. Это период "Современника", "Русского слова", "Могучей кучки", передвижников. Короче говоря, в политике и экономике эта четверть века не может быть сравнена ни с чем, а в культурном отношении — только со всеми предшествующими полутора столетиями развития. В области же революционной борьбы это время и сравнить не с чем. Ничего подобного по высоте развития не было до сих пор.

Могло ли быть что-либо подобное, если бы прошел вариант не Александра II, а сразу Александра III? Сама постановка вопроса дает ответ на него. (Мог ли появиться в России Пушкин в период царствования Николая I?)

Оказывается, иногда (а может быть, и довольно часто) и победа либералов способна принести настоящее спасение стране.

(Работа написана в начале 1957 года)

Москва

“У НАС БЫЛА СВОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ”

Лев Николаевич Краснопевцев, 1930 года рождения, — участник группы “молодых историков” в Московском государственном университете (1957 г.). Осужден в феврале 1958 года Московским городским судом к лишению свободы, без поражения в правах, сроком на 10 лет.

— Лев Николаевич, недавно Марк Соломонович Гольдман давал интервью нашему журналу. Расскажите, пожалуйста, немного о вашей группе, и о том, как пришел в нее Марк Соломонович.

— Вы, конечно, понимаете, что такого рода общности создавались по единственно возможному во все времена принципу — по принципу личных связей. Поскольку группа была нелегальной, — другой в то время быть не могло — единственным критерием при отборе могло быть только личное знание человека.

Меньшиков и Гольдман, а Меньшиков являлся одним из основных и активных членов группы, были друзьями со школьных времен. Володя очень хорошо знал Марка. Много они общались и в послешкольный период. Естественно, он знал, что Марк не является ревностным защитником существующего строя, знал и о его достаточно критическом и свободном мышлении. Причина непосредственного обращения к Марку была очень проста. Нам нужно было отпечатать нашу первую листовку, которую мы написали по поводу июньского Пленума ЦК КПСС 1957 года. Того самого, на котором были выброшены Молотов и все эти Маленковы и прочие. Среди нас не было никого, кто владел бы фотографией. Меньшиков сказал, что есть такой человек, который может сделать это. И после непродолжительных переговоров Марк появился у нас. Текст уже был готов — к сожалению, достаточно несовершенный, — Марк с ним ознакомился и безо всяких разговоров сделал эту работу. Затем он участвовал в распространении, — дважды участвовал. Вот так он попал в нашу группу.

В дальнейшем, как и все, он был арестован. Кажется, позже всех — 5-го сентября, потом следствие, суд и прочее. И он вошел в эту среду... Я думаю, что ни в какой мере нельзя его считать человеком случайным. В то время он уже работал инженером в одном из московских управлений по

эксплуатации жилых домов. Естественно, много всего видел и знал изнанку жизни. И настроения его были достаточно критическими, но, скорее, стихийно-критическими. Гольдман как раз представлял очень широкие слои тогдашней оппозиционно настроенной молодежи.

— Лев Николаевич, я понимаю, что трудно вернуться, но все-таки, какое на Вас произвел впечатление Марк Соломонович тогда, в те годы?

— Положительное — безусловно! И на всех остальных он также произвел положительное впечатление. Дело в том, что все члены группы были людьми одной среды, университетского стиля жизни, занимались либо научной, либо преподавательской деятельностью. Гольдман, в этом смысле, был человеком иной среды, был более прямым и производил впечатление человека более цельного.

Конечно, очень большое впечатление на всех произвела его готовность принять участие в той, прямо скажем, крайне опасной деятельности, которую мы ему предложили.

Марк очень резко и эмоционально реагировал на все случаи несправедливости, беззакония, попрания человеческого достоинства. Он только недавно вышел из института, то есть из обстановки достаточно искусственной, и, окунувшись в реальную жизнь, сразу столкнулся с большим количеством явлений и установок, которые его душа никак не могла принять. Мы же, как историки, знали, какие вещи творились в нашей стране в предшествующие десятилетия, и поэтому были как-то более подготовлены, более защищены.

Марк вырос на знаменитой московской Таганке. Долгие годы она была промышленно-купеческой окраиной Москвы, районом, в кото-

Лев Краснопевцев. 1958 год.
ФОТО ИЗ АРХИВА
МАРКА ГОЛЬДМАНА

ром жило очень много богатых людей: промышленников, банкиров, торговцев — район, прямо скажем, не плебейский. Но гораздо интереснее и важнее то, что Таганка испокон веку была заражена своеобразным таким оппозиционным духом по отношению к любой официальной власти. Я сам с Рогожской заставы, это недалеко от Таганки. И мы в нашей мальчишеской среде совершенно не были заражены официальной идеологией: ни сталинизмом, ни социализмом, ни вообще чем-то революционным. Как-то так все шло, что мы сами по себе, а власть — сама по себе. Марк тоже не был пропитан советским духом с детства. В его семье, в тридцатые годы, был арестован и погиб дед, бухгалтер очень высокой квалификации, выходец из торговцев. Погиб, как полагают сам Марк и его мать, по доносу соседа, которому понадобилась комната в коммунальной квартире. Такая наша обычная советская история... Так что, повторяю, Марк попал в подпольщики совершенно не случайно.

Что еще в нем особенно привлекало, так это полное отсутствие стремления сделать карьеру. Вы знаете, к сожалению, уже с самого начала возникновения этой оппозиционной, нелегальной, молодежной среды в ней начались процессы дележки власти, сфер влияния и т.п. Марк был абсолютно лишен всех этих личностно-карьерных устремлений. (Точнее, может быть, это явление надо назвать политической амбициозностью). В Марке ничего этого не было совершенно! Его главной целью являлось все-таки разобраться, почему происходят события, почему существуют массовые явления, которые он не может принять.

— То, о чем Вы рассказали — впечатления, сложившиеся у Вас до лагеря. Лагерь — это испытание. Чем был лагерь для Марка Соломоновича? Каким он из него вышел?

— Вы понимаете, какая вещь, он и в лагере представлял из себя явление уникальное: он много физически работал. Марк, в этом смысле, был "белой вороной". Вообще-то он от природы крепкий и здоровый человек, и у него ярко выраженная, естественная потребность в труде. Он всегда работал в таких бригадах, где трудился по-настоящему, и получил квалификацию строительного рабочего-универсала. Такой вот он очень трудовой человек и этим-то и отличался от многих. У него не было никаких метаний, никаких истерик. В общем, лагерный период он прошел вполне нормально.

Но, конечно же, несмотря ни на что, ни на какие природные данные, шесть лет неволи оказывают очень

большое воздействие и на нервную систему человека, и на все остальное, и это вполне естественно. Лагерь, как и тюрьма, — настоящая болезнь, от которой избавиться никому не удавалось. Поэтому человек, который выходит после шестилетнего заключения, — так или иначе, больше или меньше, по чем-то поражен. Особенно, когда он выходит с клеймом "врага народа". Легкой его жизнь никак не назовешь. А Марк и после лагеря сохранил всю свою резкость в реагировании на случаи произвола, несправедливости, притеснения людей. Там, где большинство пройдет мимо, он обязательно выразит свое возмущение, негодование и т.п. Такая вот у него коренная черта, такой это человек.

— Лев Николаевич, рассказывая о лагере, Марк Соломонович упомянул, вскользь, об эпизоде, который, уже в недавнее время, послужил основанием для некоторых людей из правозащитных кругов заявить публично о том, что группа Краснопевцева пыталась "держать лагерь" и т.п. Расскажите, пожалуйста, об этом поподробнее.

— Что я могу сказать... Существует выражение, которое, по-моему, пустил в широкий оборот Сергей Адамович Ковалев — "демшиза". То есть, демократические радикалы-фанатики вульгарного толка. А по сути — антидемократы, оголтелая российская публика пугачевско-ленинско-черновского типа, которая во все времена кричит одно и то же: "Все долой! Всех долой!" И больше ничего не хочет и не может. (Сейчас, кстати, таких расплодилось очень много, существуют целые организации демократической шизондности).

Определенная часть тогдашней молодежи, попавшей в лагерь, подходит под эту категорию. И общение с ними там, в лагере, проходило довольно трудно. Конфликтов было вполне достаточно. Среди "демшизы" было очень много темной публики. К ним даже трудно как-то предъявлять особые претензии. Понимаете, молодого парня, вчерашнего студента или полустудента, схватили, дали ему "червонец" или там семь лет. Он, естественно, ошалелый, обалделый прибывает в лагерь. Традиций — нет, твердого образования — нет, какой-то устоявшейся культурной базы — тоже. А тут лагерь с его богатейшей субкультурой уголовного мира, подчас в самых диких и непримиримых формах. И очень, кстати, ярких, эффектных, привлекательных. И вот они очень быстро усваивали все эти блатные приемы, мораль и прочее. И начиналось! "Долой мусоров! Долой то, долой сс..."

У нас же была своя точка зрения. Мы считали, что будущее нашей страны зависит от союза оппозиционных элементов, типа нас, и вообще представителей здоровой молодежи, с определенной здравомыслящей частью государственного и даже партийного аппарата. Конечно, мы не знали никаких деталей, но стояли на той позиции, что когда-то и КПСС, и госаппарат обязательно расколется и здравая их часть начнет проводить серьезные преобразования в нашей стране. Разумеется, мы не знали фамилий будущих реформаторов, но мы были достаточно знакомы с настроениями в партийной верхушке и знали, что такие люди там есть, и такие силы там зреют. Такой была наша точка зрения. Мы ее никогда не скрывали. В конечном итоге, преобразования у нас пошли именно по этому пути. То, что мы сейчас имеем, сделано именно блоком некоммунистических и антикоммунистических сил с реалистической частью КПСС и государства.

Но за отстаивание этой идеи нам пришлось иметь массу нападок и клеветы со стороны "демшизы". Если говорить конкретно, мы никогда не были наполнены злобой по отношению к лагерной администрации, к ее работникам. Мы считали, что это обычные советские люди, многие из которых живут в очень неважной обстановке, особенно рядовые. И мы никогда не переставали видеть в них людей.

И был такой период, когда в течение трех месяцев мы были членами так называемых лагерных советов, которые состояли из заключенных. Вот та объективная база, которая потом вызвала целую волну разговоров: "Как это так — они контактировали с лагерной администрацией!" Ровно через три месяца мы вышли из состава этих советов, потому что увидели всю бесполезность самой идеи. С их стороны это была — игра, попытка как-то пригладить извечную остроту противостояния заключенного и тюремщика, используя нашу добрую волю. И мы вышли. Но при этом мы остались сторонниками нормальных, человеческих отношений с теми людьми, которые содержали нас в лагерях. Правда, не со всеми. Ведь встречались среди них и такие, с которыми разговаривать было совершенно невозможно. Но все же их было меньше, основная масса состояла из обыкновенных советских людей, которые за пределами лагеря и составляли большинство населения страны.

Очень интересное мнение по затронутой теме существует у Августа Бебеля. Ведь русские оппозиционеры и бунтовщики всех мастей не первыми стояли перед проблемой взаимоотношений с администрациями

тюрем и лагерей. Бебель, который провел в тюрьмах около 10 лет, правда, с перерывами, написал в своих воспоминаниях о том, что они — немецкие социал-демократы — всегда стремились видеть в своих охранниках — людей. Они понимали, что их сторожа попали в это колесо в силу объективных обстоятельств, из-за куска хлеба. И потому никогда не старались сознательно вредить им, то есть делать пакости, оскорблять и т.п., в отличие, скажем, от анархистов. К сожалению, в России история этих взаимоотношений знает только путь западных анархистов.

Это старый спор, как должен себя вести человек, попавший в тюрьму или лагерь. Кричать, как "демократ", или вести себя так, как должен делать это воспитанный, образованный, цивилизованный человек, понимающий, что не от хорошей жизни эти люди ходят и заглядывают в глазки. Раз ты борешься за какое-то гуманистическое общество, так и ведай себя соответственно, даже к тем людям, которые оказались твоими тюремщиками. Вот и вся история.

А что касается публикации, то я знаю, что имеет в виду Марк. Человек, который ее организовал, тоже сидел в лагере. Какой-то детский срок, то ли полтора, то ли два года, не помню. По-моему, это обычный дельца. Таких дельцов вышло из лагерей немало. Когда настало время решать личные практические вопросы, все эти ребята очень хорошо устроились. Дельцам не пужен спокойный, корректный тон в описании событий, ибо он не дает барышей. Вдумчивое освещение событий лагерной жизни им неинтересно. Им нужны "жареные" факты. И они готовы использовать любую возможность, чтобы создать "жареный" факт. Я думаю, этот конфликт имеет гораздо более общий характер...

— *Лев Николаевич, давайте затронем такую тему. Не мне Вам рассказывать о методах работы КГБ. Скажите, как по Вашему мнению они вышли на группу? Не был ли провал результатом деятельности агента, внедренного в ваши ряды?*

— Не думаю. Более того, уверен, что такого у нас не было. Первым был арестован Козовой, 20-летний парень, студент. У него, конечно, были определенные неосторожности на следствии. Он мог бы подержаться на недельку подальше, но они его завалили информацией, убедили, что все знают, и он, в конце концов, дал показания и открыл юридически наше дело.

На первом же допросе мой следователь сказал мне: "Мы ждали вас здесь с 1952 года". Практически, уже

в 52-м материалов было достаточно, чтобы арестовать нас. Но была сложная ситуация и в органах, и в стране, это был Московский университет, в общем, тогда решили не трогать.

Мы, практически, не конспирировали. Мы просто не говорили откровенно с людьми, занимавшими официальные посты и позиции, — всяческими секретарями и т.п. Вот и все. Что же касается очень широкого круга молодежи, которая была вокруг нас, то с ней мы держались достаточно открыто. Поэтому информации было — море! Горы были информации, и не пужно было никого засылать. Конечно, крутились вокруг, помню, и какие-то подозрительные типы. Наверное, они давали информацию... Но один ли давал или еще десять человек, это, думаю, не играло уже никакой роли. Поэтому никаких специальных мероприятий у них не было необходимости проводить. Все было не так ясно. Наше дело шло очень естественно.

— А как к вам попал Козовой? Он единственный из другого города, из Харькова, отец у него из партийной номенклатуры...

— Да нет, никакой номенклатурности у его отца не было. Он был, кажется, руководителем лекторской группы обкома КПСС. Официально он проходил как преподаватель марксизма-ленинизма и был пропитан этой советской идеологией. Сам Вадим относился к нему без уважения. Он очень любил мать, а на отца смотрел как на партийного дельца.

Претензии к Козовому были по другой линии, ведь он вошел в нашу группу, в общем-то, для решения своего, сугубо личного вопроса. Он мечтал уехать во Францию. И он рассматривал группу, как возможность для установления каких-то связей и контактов. Есть такая категория людей, которые, начиная пробивать себе дорогу в жизни, стремятся с самого первого шага использовать конъюнктуру, складывающуюся в государстве. Вот это та претензия, чисто морального характера, которая, я считаю, может быть к нему предъявлена. Ведь все остальные рисковали. У всех остальных уже было какое-то положение в обществе. Двое — кандидаты наук, работали в МГУ; еще двое

Лев Краснопевцев и Леонид Рендель.
ФОТО ИЗ АРХИВА М. ГОЛЬДМАНА

— научные сотрудники Института востоковедения Академии наук; Гольдман и Семененко — инженеры, трудились в столице и были вполне устроенными. Люди могли потерять все, а он — только выиграть.

— Я слышал, что в конце концов он эмигрировал во Францию.

— Да, он уехал. Правда, уехал довольно поздно.

Вадим, конечно, чувствовал свою ответственность, свою вину. И вообще, все это обошлось ему весьма недешево. Он отсидел 6 лет. После лагеря его тоже мутузили достаточно. Сейчас у него больной сын, я

думаю, что все это результат лагерной жизни. Он серьезно пострадал, что тут говорить.

— Лев Николаевич, наши рязанские подпольщики, проходившие через лагеря в конце 60-х, начале 70-х, рассказывают, что непременно действом по прибытии, чуть ли даже не ритуалом, было предложение "опера" сотрудничать. А как было в ваше время?

— Нет и нет. Даже и намека не было. Никому из нашей группы ничего подобного не предлагали. Ни мне, ни Марку, ни Ренделю, ни остальным... И в то же время, конечно, были случаи — затаскивали. Классический пример — Александр Гидонн. Он написал воспоминания, в которых признался, что был агентом.

— А не было ли попыток предложить Вам написать помилование?

— Масса! Таких попыток были десятки. Предлагали неоднократно. Вызывают на беседу и говорят, ну, сколько вы тут еще собираетесь сидеть? Вы уже шесть лет отсидели — пишите помилование. Мы не соглашались. Мы считали, что должен быть пересмотр дела. Мы говорили, что поскольку существует закон, запрещающий всякую деятельность, закрытую от партии и государства, квалифицирующую ее как государственное преступление, то да, такой закон мы нарушили. Но ведь в нашей критике было и много объективно положительного, полезного, и нельзя все это положительное просто так отбросить, забыть и т.д. А принятие помилования — это бесповоротное

признание своей вины. И потому они очень долго нам предлагали...

— *Лев Николаевич, добиваясь пересмотра дела, вы устроили первую голодовку. Это, все-таки, довольно радикальный шаг, почти шаг отчаяния. Начиная ее, вы надеялись на результат?*

— Пожалуй, это была просто демонстрация и все. И проводили мы ее очень неумело. Надо было назначить срок, а мы этого не сделали. Обычно срок голодовки — три недели. Выразив свой протест, люди сами ее прекращают. Мы же были молоды, неопытны... Дллась она 24 дня. Вторую голодовку мы окончили, по-моему, через 7 дней. Это были акты протеста, на позитивные результаты мы не питали никаких надежд.

— *Позвольте еще один вопрос по лагерному бытию, который традиционно интересует нашу редакцию. В заточении многие люди обращаются к Богу. Как у вас было в те годы?*

— Никак. Ни малейшего движения в эту сторону.

— *Вы имеете в виду свою группу или...*

— Только свою группу. Вокруг эти идеи были очень широко распространены. Но нас это совершенно не коснулось. Никого.

— *Чем Вы это объясняете?*

— Я думаю, все дело в образовательном уровне. Я уже упоминал о нем. Полагаю, у всех нас была духовная база, которая позволяла обходиться без Бога. Ведь обычно к Богу человек обращается тогда, когда нужно на что-то опереться. А в лагере эта потребность особо остро выражена. Верующие же в лагере всегда вызывают к себе уважение твердостью поведения и убеждений. Поэтому, имея перед глазами такой пример, человек начинает склоняться...

Тоталитарная система — страшная вещь. Она стремится сделать человека одиноким. В лагере — один, отсидел, вышел — тоже один. А религия — это все-таки какая-то общность. Тем более, что им наплевать, есть у тебя 58-я за плечами или нет. Сам приход в храм — это уже некая опора и поддержка. Зачастую только религиозная община была для человека, прошедшего лагерь, хоть каким-то пристанищем.

— *Лев Николаевич, я опять ссылаюсь на опыт наших рязанских сидельцев. Они говорят, что в 70-е у верующих в лагере, особенно у баптистов и еще у какой-то конфессии, сейчас не помню, совершенно изумительно были налажены каналы связи с волей. Сидя за колючкой,*

они читали журналы, издаваемые за границей. У вас было что-либо подобное?

— Конечно, было. Конфессия, которую Вы упомянули, это "Свидетели Иеговы", такая всемирная организация. Они издавали журнал под названием "Башня стражи", причем, издавался он в Нью-Йорке, в Бруклине. И вот материалы из этой "Башни" члены конфессии прорабатывали на своих занятиях в лагере. Приходили с работы, ужинали, затем рассаживались по уголочкам и кто-то один делал доклад по той или иной статье. Затем шло обсуждение. Так что такие связи были, информация в лагерь поступала.

Можно ли было эти каналы перекрыть? Я думаю, что, конечно же, можно, но ... видите ли, какая вещь: выгодно ли это было КГБ? Представьте себе такую картину — идет заседание Политбюро, сидят старцы, Шелепин (кстати, Шелепин, вообще-то, довольно прилично себя вел, возглавляя КГБ) или там Семичастный делает доклад о том, что реакционная организация "Свидетели Иеговы" имеет на территории СССР два центра, два краевых бюро, работают связники, журнал "Башня стражи" поступает из Бруклина прямо в мордовские лагеря, ну, и так далее. КГБ хорошо умеет делать такие вещи. Старцы, натурально, лезут на стену — одно слово Бруклин чего стоит. Боже мой! Что творится! И, естественно, вопрос к докладчику: что нужно, чтобы подобное безобразие искоренить. Ответ очевиден: удвоить бюджет, утроить персонал, ну, и так далее.

А что такое эти "Свидетели Иеговы" на самом деле? Это мужики, молдавские крестьяне, очень темные люди, своего рода живые остатки средневековья, очень смиренные и трудяги — необыкновенные! Идея, которая развивала и проповедовала эта церковь и их журнал, это идея Страшного Суда и всего с этим связанного. Слова там часто говорились грозные, но мало ли кто и когда какие слова говорит? Сидят они у себя по деревням и долбят свои тексты, ну, и Господь с ними! Пускай долбят на здоровье еще сто лет. Никакой опасности они абсолютно не представляли. Скажите, кто, например, сейчас что-нибудь знает об этих мужиках, об этой секте? О ней никто и не вспоминает даже.

Просто они были нужны гебистам, чтобы кормиться! КГБ очень умело манипулировало информацией, чтобы обеспечивать свое влияние и увеличивать свое могущество. Вот и все.

— *Лев Николаевич, расскажите, пожалуй-ста, как сложилась после лагеря Ваша личная судьба.*

— Я вышел в 1968 году. Сначала, в течение шести с лишним лет, работал слесарем на московском станкостроительном заводе им. Серго Орджоникидзе. Затем — диспетчером, а всего я проработал на заводе до 1990 года, до самой пенсии. Уже где-то ближе к "перестройке" я занялся историей своего завода и создал его музей. Он просуществовал до 1985 года, а затем был разрушен. После этого я работаю вот в этом музее, где мы с вами беседуем.

— **Который Вы же и создали?**

— Да. Сначала это был музей Октябрьского района — это старая Москва: купечество, промышленность. Вообще-то, после лагеря работа в области исторической науки в прямой форме для меня, конечно, была закрыта. Разрешалось заниматься своим делом только в очень узких, локальных формах: история завода и т.п. И тем не менее, это было очень интересно! По реальным материалам промышленных предприятий Замоскворечья я изучил историю, фактически, всей нашей экономики после 17-го года, чего раньше, как следует, не знал совершенно. Тогдашний университетский курс давал извращенную картину экономической жизни СССР с 18-го по конец 80-х годов.

А в 1991 году мы пределали этот районный музей в "Музей российских меценатов и благотворителей". Это, кстати, было предложено не мной, а тогдашними руководителями района, и я согласился. Почему именно такая тема-идея? Да потому что меценатство и благотворительность — один из центральных вопросов всей картины жизни дореволюционного российского общества. Это та часть нашей истории, которая всегда замалчивалась и истреблялась. Ведь утверждалось, что наша дореволюционная история была временем непрерывного и беспощадного угнетения, подавления и эксплуатации. Но была же и другая сторона жизни. Было человеческое общество, да, имевшее массу недостатков, но оно существовало! И оно создавало культуру, систему просвещения, социальной помощи и прочая, и прочая. И это надо изучать, это надо показывать!

Нам удалось связаться с потомками Алексеевых, Рябушинских, Гучковых, Прохоровых и т.д. И вот они-то и создали этот музей, с моим посильным участием. Они принесли сюда то, что у них еще оставалось, что они сохранили во всех потрясениях века. И вот создалась такая коллекция. Здесь и бизнес, и культура, и общественная жизнь, и московское городское самоуправление, и городская дума, и земское движение. Интереснейшие материалы!

Лев Николаевич Краснопевцев, главный хранитель "Музея русских меценатов и благотворителей" (Москва, ул. Донская, 9). 1997 год.

ФОТО С. РОМАНОВА

В первую очередь мы занимаемся проблемой человеческого лица российского бизнеса. Это человеческое лицо и даже его элементы отрицались ведь намертво не только большевиками, но и их предшественниками: социалстами-революционерами, многими народниками, многими писателями. Считалось, что это бандиты, жулики, воры, как прямо говорил Салтыков-Щедрин. И вот, дескать, они-то и создали российский капитализм. Но сейчас-то пора уже начать разбираться, почему эти "жулики", "бандиты" и прочая строили университеты, музеи, больницы, школы и Бог еще знает что! Да и промышленность, между прочим, за 60 лет после Николая I они создали очень приличную — промышленность, которая стояла на собственных ногах. Человеческий аспект всех этих проблем необычайно важен. Поэтому мы активно собираем материалы о человеческих качествах российских капиталистов и, конечно, их портреты и фотографии. Поэтому про наш музей и говорят, что это музей человеческих лиц...

В общем, я могу сказать, что после лагеря у меня была насыщенная и очень интересная жизнь.

**С Львом Краснопевцевым беседовал
Сергей Романов**

Москва

Марат ЧЕШКОВ

“НАС ВЗЯЛИ ПОСЕРЕДИНЕ РЕКИ...”

Что касается нашей группы, то я не входил в ее ядро, а вступил в организацию в самый последний момент ее оформления. Но поскольку я был воспитан истфаком МГУ, разумеется, относился к той же среде. На истфаке в наше время уже была не совсем та атмосфера, которую описывает Краснопевцев.

Среди истфаковцев наблюдалось резкое деление на тех, кто был очень политизирован, и тех, кто в противовес политизации (тем более, что она часто носила уродливые формы) стремился заниматься только наукой, например, А. П. Новосельцев, ныне член-корреспондент РАН. И все-таки процесс политизации охватывал даже тех, кто стремился уклониться от участия в общественной жизни. Кроме того, они подвергались нападкам за позицию “неучастия”.

Но в конце 50-х годов и тот аполитичный слой, к которому я отношу себя, тоже начал включаться в политику. Заслуга тут принадлежит не преподавательскому составу факультета вообще (о преподавателях у меня сложилось унылое впечатление, за исключением И. М. Рейснера и А. А. Губера), а отдельным его представителям. Для меня много значили, например, лекции и семинары В. Н. Никифорова, Е. Н. Городецкого, Е. И. Капустина, И. М. Белявской. Они не только поддерживали интерес к теории вообще и теории истории, в особенности, но и заставляли соотносить эти теории с сегодняшним днем.

Сравнительно быстрый, даже резкий переход к практическим действиям был стимулирован двумя обстоятельствами: обострявшейся политической ситуацией и... возрастом, то есть необходимостью проявить себя, свою индивидуальность, так как окончание университета само по себе ставило нас перед выбором дальнейшего пути. Политическое сознание, признаться, у меня было тогда еще достаточно поверхностным. Помню, что “реферат” Краснопевцева произвел на меня сильное впечатление неожиданной постановкой вопроса о месте ленинизма в освободительном движении. Его точку зрения, однако, я не разделял. Для меня в лето 1957 г. марксизм-ленинизм оставался незыблемым и, думаю, для большей части политически активной молодежи — также. Поэтому описание Краснопевцевым атмосферы 1950-х годов как сопротивления... большевизму мне кажется “осовремененным”. Когда мы обсуждали “реферат”, собравшись

в подмосковном поселке Северянин, то точек зрения выявилось больше, чем участников. Я считал, что началом “грехопадения” явился момент, когда X съезд РКП(б) в 1921 г. отверг синдикалистские идеи рабочего самоуправления. Тем не менее я оставался в рамках общепринятого понимания ленинизма, и необходимость ведущей роли партии тоже была для меня очевидностью. Эти представления держались у меня долго (и в лагере, и после него), вплоть до конца 60-х годов, когда произошли трагические события в Чехословакии. Да и ситуация в нашей стране уже наводила на мысль, что не срабатывают какие-то глубинные механизмы. Однако, я не думал заниматься политикой, целиком и полностью переключившись на науку, о чем несколько не сожалею.

Краснопевцев прав, когда говорит, что наше поведение на следствии определялось тем обстоятельством, что мы психологически не отделились от того, что теоретически и практически отвергали. И наши следователи угадали наше состояние, говоря, что “взяли нас посередине реки”. Да, мы плыли к другому берегу, но не доплыли до него. Полного противопоставления системе не было не только в социально-психологическом и личностном плане, что вполне понятно для этого поколения, но также в политическом и идеологическом. Схема, условно говоря, партийно-направляемого государственного социализма оставалась устойчивой не только для меня, а, думаю, и для многих других — даже тех, кто более критично относился к действовавшей концепции революции и построения социализма.

Однако дело не только в устойчивости концепций (хотя для истфака, где очень высоко котирировалось то, что называли теорией, этот момент весьма важен), но, скорее, в устойчивости, если так можно сказать, нравов и поведенческих стереотипов. Такие выводы заключались в следу-

Марат Чешков в 1958 году. Ныне — доктор экономических наук, сотрудник Института мировой экономики РАН. ФОТО ИЗ АРХИВА М. ГОЛЬДМАНА

ющем: чистота теории и принципиальность идеологии основывались на полном пренебрежении к индивидуальному и личностному; более того, это пренебрежение считалось достоинством, им даже бравировали. На таком основании для достижения той или иной политической цели — как отдаленной, так и близкой — было приемлемо любое средство вплоть до сотрудничества (конечно, на принципиальной основе и большей, чем у ээка, если не духовной, то социальной близости к начальнику режима) с лагерной администрацией, участия в гонениях на верующих и поддержания трудовой дисциплины, в чем сильно преуспели некоторые из наших самых принципиальных подельников.

Добавим к этому культ "маленького" — в масштабах факультета, курса и даже группы — комсомольского вождя, комсомольского "каси́ка", культ, предполагавший беспорочность лидера, а при наличии у него изъянов и ошибок — перенос их на других ("врагов") и, конечно, беспрекословность в исполнении указаний лидера. Все это истфаковско-комсомольское необесовство и создало климат вражды внутри группы и между другими группами, когда мы очутились в лагере. Впрочем, все эти метаморфозы окажутся, надеюсь, в центре внимания будущего исследования, посвященного группам В. Трофимова, М. Молоствова, С. Пирогова и другим, возникшим на рубеже 1950-1960-х годов.

Громадное же преимущество диссидентского движения состояло в том, что, поставив моральные, общечеловеческие проблемы, его участники не только не сузили диапазон критики, но расширили его, выбрав, повторю еще раз, лишь (!) другую точку приложения сил, причем, наиболее уязвимую не только для режима, но и для строя в целом. Поскольку "строй" отказался от самосовершенствования, то и наше движение 50-х годов, направленное на его "улучшение", как ни печально это признавать, выглядит тупиковым, исчерпавшим себя, и не только в СССР. Раньше я считал, что французский май 1968 г. и события в Чехословакии того же времени станут началом какого-то нового периода, а на самом деле это оказалось концом прежнего — крахом идеи спонтанного, низового социализма, в одном случае, и надежды на преобразование социализма — в другом. Эта надежда и самая идея оказались утопией, как это продемонстрировано горбачевской перестройкой. Осознать, а тем более признать утопизм идеи и, значит, признать качественную (системную) непробрауемость советского реального социализма стало для меня возможным только с крахом этой — третьей по счету после НЭПа и XX съезда КПСС — попытки перестроить социализм.

"Вопросы истории",
1994 г., № 4

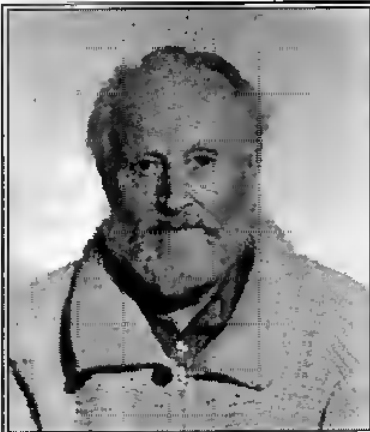
Владимир МЕНЬШИКОВ

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ...

Наше "дело", уверен, стало для всех нас весьма важной, а для некоторых — важнейшей жизненной вехой. И многое, понятно, накрепко запомнилось. Однако, знакомый мне не понаслышке лагерный период, отнюдь не обделен мемуарами. Целый ряд соображений и аргументов, среди которых есть и такой, как состав нашей группы — историки-профессионалы — заставляют меня считать, что лучше обратиться к теме, которая, насколько мне известно, практически не затронута в публикациях на лагерные сюжеты, и, в то же время, вполне соответствует нашей профессиональной ориентации, а именно: попытаться поставить молодежное движение в

"исторические рамки", то есть выявить его место в общем отечественном демократическом потоке. В этом плане наша группа достаточно показательна. И важны, может быть, не столько факты "юридического аспекта" (подпольная деятельность, арест, суд, лагерь и т.п.), сколько идейные искания, общая направленность мысли. Думается, что в наше время они интересны не только для историка: представления, рождавшиеся тогда в молодых, по своему бедовых головах, идейные столкновения того времени во многом предвосхитили коллизии нынешней жизни.

Согласно приговору, минимум у трех членов нашей группы "крамольные настроения" и мысли появились

Владимир Борисович
Меньшиков — старший научный
редактор издательской фирмы
"Восточная литература"
Российской Академии Наук.
ФОТО ИЗ АРХИВА
В. МЕНЬШИКОВА

до 1956 года: у Л. Краснопевцева и Л. Ренделя — с 1953-го, у автора этих строк — под их влиянием — с 1954-го. Тем не менее, наше дело теснейшим образом связано с XX съездом КПСС.

Так уже бывало в российской истории. Конечно, ни Герцен, ни шести-десятники, ни народники, ни народо-

вольцы не отвергали ни освобождения крестьян, ни другие реформы Александра II. Но все они боролись за дальнейшее их развитие, за реальное (в их понимании) переустройство общества, видя в этих реформах лишь начальные, половинчатые шаги, а потому — подпорки, укреплявшие на время общественный строй, нуждавшийся в серьезных изменениях.

Примерно таким было и наше отношение к XX съезду и к Н. С. Хрущеву. Мы ясно видели, что руководство партии и страны, стремясь лишь выпустить из котла лишний пар, сочло XX съезд достаточной уступкой и не намеревалось далее развивать его линию и хотя бы мало-мальски затронуть основы партократическо-номенклатурного господства.

В то же время идейное брожение, порожденное докладом Н.С. Хрущева, не только создало условия для перехода от теоретических штудий к реальной агитационной работе, но и сделало такой шаг необходимым и неизбежным моральным императивом: нельзя молчать, когда все вокруг бурлит, а тебе есть, что сказать.

В этом смысле наше "дело" — порождение XX съезда, а сами мы, понятно, — не дети, а скорее (особенно, с учетом лагеря) — его пасынки.

Относительность нашей связи с XX съездом выражалась и в том, что мы достаточно далеко ушли от провозглашенных в нем установок. Однако, в ряде публикаций о нашем "деле", особенно в "Московских новостях" (последняя — в N 38 за 1995 год, автор — некто Пушкирь), нас упорно называли "ленинцами", противопоставлявшими "ленинские нормы" сталинскому номенклатурно-бюрократическому перерожде-

нию. "Мы верили в марксизм, имя Ленина было для нас святыней", — такое заявление вкладывает в уста одного из нас бойкий и недобросовестный сотрудник "Московских новостей". Дело даже не в том, что этих слов ему никто не говорил, что он их просто выдумал, исходя, видимо, из априорных представлений, что тогда по-другому и думать не могли, выше не поднимались. На самом деле — могли, пошли куда дальше... Но главное все же в другом — полностью искажается наш тогдашний внутренний настрой: для думающего человека фетишизация какого-либо имени или "изма" — просто невозможна. Молитвенное преклонение перед чем бы то ни было (кроме поиска истины) было уже преодолено.

Четко говорить о взглядах нашей группы практически невозможно. Во-первых, для умов, вырвавшихся из догматических тисков, ищущих каждый по-своему, вполне естественным было достаточно разнообразие мнений. Во-вторых, мы только начали работу над программой группы (арест ее оборвал, а в лагере мы к ней не возвращались), так что сослаться на какой-либо текст, одобренный всей группой, нельзя. Апеллировать же к единственному общему документу группы — листовке — не совсем корректно. Содержащиеся в ней призывы (усиление роли советов, чрезвычайный съезд партии, чистка последней, отмена статьи 58 УК и т.п.) представляли собой лишь тот минимум желанных сдвигов, на котором все сходились.

Через 40 лет не так легко точно воссоздать, что ты и, особенно, другие думали. Временные рамки сдвигаются, и часто кажется, что нынешние твои представления сложились чуть ли не на школьной скамье. Во всяком случае, нелегко более или менее четко определить хронологию собственного идейного развития.

Не менее важно и другое: до лагеря (да и в лагере, может быть, только в меньшей степени) ни у кого из нас (как и у ребят из других групп) — в этом я уверен — не было законченной, четко выстроенной, до конца продуманной и понятной идеологии. Наши взгляды были достаточно синкретичными, что не удивительно — мы были в поиске, скорее, даже в начале его. Поэтому о нашей долагерной и лагерной идеологической позиции можно говорить только в самом общем виде.

Мы были разными людьми, каждый по-своему пришел к оппозиционности, у каждого были свои идеалы. История знает бесчисленное число примеров, когда борьба против общего противника объединяет людей с весьма различными, подчас полярными

убеждениями. В какой-то степени это было свойственно и нашей группе, и всей молодежной "воле" конца пятидесятых. Но идейные расхождения явственно начали проявляться и обостряться позже — в лагере и после него (как это всегда бывало после поражения — в эмиграции, тюрьме, ссылке и т.п.). Речь об этом пойдет ниже.

Итак, чего мы хотели, за что боролись, за что готовы были пойти и пошли в лагерь? Мы выступали против антидемократизма, засилья власти партчиновников, тоталитаризма во всех их проявлениях, против угнетения мысли, против лжи и фарисейства официальной идеологии и исторической науки. Мы говорили об экономической отсталости нашей страны, о бедности советских людей — низком жизненном уровне.

Мы требовали созыва чрезвычайного съезда партии для серьезного обсуждения положения в стране, чистки партии, усиления роли советов, учреждения института рабочих советов, законодательного утверждения права на забастовку, допуска кооперативной и частной хозяйственной деятельности в малых и средних формах (в первую очередь, в сфере услуг) для насыщения потребительского рынка.

Марксизм не отвергался с порога, фактически он оставался — как методология — основой наших представлений. В то же время ряд важных положений этой теории признавался нами очевидно ошибочным (например, постулат о неизбежном абсолютном обнищании рабочего класса — об обратном свидетельствовало положение на Западе).

Нетрудно заметить, что весь этот набор в устах представителей разных направлений и политических сил, так или иначе, звучит в последние 10 лет. И сегодня легко найти сходное, а то и просто идентичное, если сравнить наши тогдашние воззрения с установками, лозунгами, призывами достаточно широкого спектра политических партий и движений (кроме радикальных и экстремистских).

Синкретизм наших воззрений был, несомненно, весьма значительным, ибо весьма серьезными были расхождения в убеждениях, идеалах.

Последовательным, убежденным сторонником отказа от социализма, советского строя, марксизма, перехода нашей страны в русло западной демократии был, насколько я знаю, один В. Козовый.

Сходные мысли, но в более мягкой форме, развивал в одной из своих статей Л. Краснопевцев. Не исключая, что нечто подобное бродило в головах Н. Обушенкова и Н. Покровского.

Но это направление мысли не только не доминировало, оно практически не всплывало на поверхность. О взглядах В. Козового я с некоторым недоумением

узнал уже в лагере. Статью Л. Краснопевцева прочитал впервые лишь в "Вопросах истории" (1994, № 4), где она была опубликована. На наших же общих встречах в 1957 году — "сборищах", по официальной терминологии — тема возврата к капитализму ни разу не поднималась. Практически не звучала она (по крайней мере, для меня) и в весьма частом общении с другими членами группы.

Общий настрой на всех этих собраниях, во всех этих беседах сводился к стремлению развивать положительный потенциал XX съезда, с тем чтобы существующий строй избавился от очевидных нам уродливых искажений, стал свободным, демократичным, динамичным. Иными словами, мы боролись за то, что много позже получило определение "социализм с человеческим лицом", для достижения чего требовалась перестройка.

Насколько я знаю, примерно на тех же позициях стояли и другие молодежные группы. Так, в лагере на моих глазах лидер московско-ленинградской группы, ныне покойный, В. Трофимов писал длинное заявление в ЦК КПСС, в котором доказывал необходимость и полезность "позитивной оппозиции". Приведу еще стихи, которые сочинил и подарил мне на день рождения М. Молоствов, ныне известный думский деятель. В лагерных спорах (сколько их было и на сколько тем!) я посягнул на капитальный философский догмат марксизма — о примате материального над идеальным. Я исходил из дуальности мира, то есть из неразрывной постоянной связи материального (материи) и идеального (ее законов), что сводит извечный в Европе спор о первичности того или иного до проблемы курицы и яйца. На такое вольнодумство М. Молоствов, помимо резкого его отрицания, ответил стихотворением, не оставляющим сомнений в его принципиальной позиции:

Дуалитарно-розовому Володьке

Меньшиков в Березове.

Меньшиков в Сосновке...*

За мечты за розовые

Не глядят по головке.

Желаю тебе удачи,

Но чтоб не был напрасным

Отдых на этой "даче".

Стань — красным.

За новую революцию для построения подлинного социализма выступали и известные ленинградские "колокольчики" (Хахаев, Иофе и др.). В то же время прямых и открытых противников социализма-марк-

* Сосновка — поселок, в котором находился наш лагерь).

сизма, последовательных сторонников западной ориентации среди молодежи было немного. Их аргументация была весьма примитивной: более высокий уровень жизни на Западе. Раз социализм со своим марксизмом довел страну до нынешнего состояния, ничего хорошего в нем нет.

Итак, в целом, всплеск молодежного движения конца 50-х годов был нацелен на кардинальное улучшение существующей системы, то есть носил системный (а не антисистемный) характер. Тем самым оно продолжило давнюю традицию российской демократической оппозиции, традицию, восходящую к первой в истории России политической группе ("факции"), объединявшей сторонников идеи просвещенного абсолютизма и уничтоженной Тайной канцелярией при Анне Иоановне.

Каким было первое проявление другой линии российской оппозиции — на **резкую** и **полную** переделку общественной жизни по западному образцу (то есть, антисистемную) — не знаю. Но уже с начала XIX века, когда политика в России вышла, наконец, из царских палат и дворцов, противоборство этих двух установок ("улучшение" и "слом") с властями и между собой так или иначе просматривается достаточно четко — и в идейных исканиях декабристов, и в полемике западников и славянофилов, и в идейной эволюции от народников к народолюбцам, и в идеологических баталиях конца XIX — начала XX века между кадетами, легальными марксистами, меньшевиками, эсерами, анархистами, большевиками.

Несколько отвлекаясь от темы, отмечу: в этой идейно-политической борьбе большевизм и царизм **объективно** выступали по одну сторону баррикад. Обе эти политические силы исходили из примата государства как самодовлеющего института, стоящего над обществом, над классами, интересы которого подменяют интересы общества и подминают интересы любой личности, что не только позволяет ему, но и требует от него всестороннего вмешательства во все сферы общественной (а во многом, — и личной) жизни, регламентирования, руководства. В современном востоковедении такой строй, принципиально отличный от того, что знал Запад последние 300-400 лет, называется "восточной деспотией". Подобная глубинная общность царизма и большевиков, понятно, отнюдь не означала наличия каких-либо тайных контактов либо сговора между ними. Они насмерть бились за то, в чьи руки попадет этот монстр — государство-Левнафан. И экстремистская позиция большевиков в

годы первой русской революции объективно помогла царизму одолеть их общего противника — прозападную буржуазную оппозицию (что сделало неизбежной вторую революцию).

"Системность" молодежной волны конца 50-х годов позволяет достаточно четко определить ее место в общем потоке оппозиционной борьбы советского времени. На страницах уже упомянутых "Вопросов истории" публикация о нашем деле соседствует с материалами о восстании в Кронштадте в 1921 году. Мне такое соседство представляется символическим: эти события (при всей несоизмеримости их исторического масштаба и значения) знаменуют собой начало и конец большого самостоятельного периода отечественного демократического движения, который можно назвать "советским", "социалистическим".

Внешне борьба шла за улучшение строя, утвердившегося в октябре 1917 года — за "новое честное социалистическое строительство на благо всех трудящихся" (как говорилось в одном из документов кронштадтцев). По сути же дела, в ней находило выражение противоборство двух начал, двух тенденций, заложенных в этом строе: демократической (ибо демократия возможна не только западного образца) и тоталитарной (восточно-деспотической). На первом этапе антитоталитаристское движение сочетало в себе как внепартийную (забастовки 1919-1920 гг. в Петрограде; в определенной степени — Кронштадт и восстание Антонова), так и внутрипартийную струю ("рабочая оппозиция", децисты). Военный разгром внепартийных выступлений сузил фронт борьбы, которая практически полностью сосредоточилась внутри партии. Постепенно, шаг за шагом смягчалась, выхолащивались требования и лозунги демократической оппозиции ("ленинградская оппозиция", демонстрация 7 ноября 1927 года, XVII съезд ВКП(б)); речь все больше шла об элементах демократии, честности, добропорядочности внутри партии, в слое руководителей, то есть среди "своих".

Организационный разгром оппозиции внутри партии вновь вывел борьбу за демократию за рамки партийных структур, направив ее в русло нелегальности. Это, понятно, не означает, что первую скрипку в ней опять стали играть внепартийные силы (хотя они, как и в 20-е годы, в лице различных интеллигентских, а может, и рабочих групп или одиночек без сомнения принимали участие в движении). По-видимому, основную массу борцов все же составляли партийцы и комсомольцы, что вполне естественно, поскольку

партийно-комсомольские организации впитывали в себя почти все активные элементы общества, особенно молодежи.

Впрочем, все эти соображения носят чисто гипотетический характер. Роковые для судеб страны конец 20-х — 30-е годы в интересующем нас плане остаются, в общем-то, белым пятном, "terra incognita". Работу в данной области, я знаю, ведет "Мемориал", но даже частные ее итоги не получили широкой известности. Во всяком случае, я нигде не читал и ни от кого не слышал о ком-то, кто **сознательно** встал в то время на путь борьбы с утверждавшимся, матеревшим тоталитаризмом. Но в то же время не верится, что в нашей стране с ее великими традициями беззаветной, самоотверженной жертвенности за высшую истину, за справедливость, за народ — не нашлось таких героев.

Сейчас можно только гадать — какие ручейки подлинных, реальных борцов вливались в страшное море миллионов и миллионов репрессированных, какие из бесчисленных "контрреволюционных" групп были не плодом изощренно-примитивной фантазии ягодо-ежово-бериевских следователей-палачей. Я уверен — такие были, их не могли не породить и старые кадры партийцев, и поколение "детей Арбата". Не может же быть, что миллионы тех, кого истребляли или гноили на Колыме только за способность мыслить, за наличие у них пусть даже отдельных признаков **личности** (это автоматически делало их потенциально опасными для тоталитарного режима), всепопулярным стадом, поголовно и безропотно шли под нож! Ведь и сами масштабы репрессий объективно свидетельствуют, что сталинскому режиму для утверждения своей всеохватывающей власти нужно было одолеть, — раздробив, разорвав, растоптав, — какое-то силовое поле протеста, поле мысли и воли, поле неприятия слепого послушания и тупого повторения его примитивных догматов.

Конечно, это поле было крайне аморфным, протест — неорганизованным, стихийным, во многом — примитивным (без мало-мальски развернутой программы). Полное непонимание сути сталинского режима, отождествление его с социализмом, замешанные на вполне понятной ненависти, несколько позже, во время Отечественной войны, породили такие двойственные, неоднозначные явления, как идейные власовцы или чеченские события 1942 года.

Но и эти выступления, и борьба их предшественников в 30-е годы объективно носили характер

арьергардных боев потерпевшей поражение армии. (Таковыми же были и крестьянские восстания эпохи становления зрелого феодализма — Жакерия, Болотников-Разин-Пугачев, которые были не столько зарницами будущего, сколько последними отчаянными вспышками гнева закабаленных, терявших волю крестьян). Сталинизм восторжествовал на время, сметая всех своих — даже гипотетических — противников.

Война резко сузила возможности активного проявления оппозиционности, оставив для него одно русло — национального предательства: стать власовцем или полнцем (из чего отнюдь не следует, что все или даже большинство из них становились таковыми из идейных побуждений). Для остальных, носивших недовольство в душе, оставался один путь: стиснув зубы, служить общему делу ("все распри затихают на Тибре, когда враг у ворот Рима").

В то же время грубые политические просчеты и военные ошибки сталинского руководства создали почву для появления нового пласта недовольства и оппозиционности (как свидетельствует "дело" А. И. Солженицына). Собственно, это "дело" положило начало последнему витку советской "системной оппозиции". В конце 40-х — начале 50-х, насколько я знаю, стали появляться молодежные подпольные группы, противопоставлявшие сталинскому режиму "ленинские нормы" партийной и общественной жизни. Понятно, что ссылки на авторитет Ленина не помогали. Я слышал об одной из таких групп: по рассказам, активные ее участники — посевшие в ходе допросов ребята — по приговору были расстреляны. (Мой следователь говорил: "Вам повезло. Попадись вы года три назад... Десятка полтора-два расстреляли бы, около сотни — посадили... Но это не мы, тогда здесь, на Лубянке, были другие люди".) С отдельными идейными одиночками, попавшими в заключение в начале 50-х (Писарев, Мазур), я сталкивался в лагере.

Начиная с 1956 года, эта волна молодежного протеста, как уже говорилось, стала относительно массовой (я знаю более десятка групп, много было и одиночек). Она существенно отличалась от партийно-комсомольской оппозиции 20-30-х и, естественно, от жертв массовых репрессий конца 30-х годов.

Определялось это, главным образом, изменением общей ситуации. Тоталитарный режим прошел уже фазу подъема, он тянул на своих последних резервах (данных ему политикой Хрущева), началось его разложение и гниение. На имманентно присущий

любой восточной деспотии циклический кризис, выход из которого требует капитального обновления коррумпированного госаппарата, наложился общий кризис этого типа общественного строя, вызванный его органической неспособностью соответствовать требованиям научно-технического прогресса.

Существенно иным был и менталитет молодых крамольников середины 50-х годов. 30-летний опыт сталинского режима избавил их от многих иллюзий, свойственных их предшественникам, они не чувствовали себя связанными какими-либо "святыми" догмами, приверженностью к некоей заданной идеологии.

Они сознательно вступали в борьбу, зная, на что идут. Без основания, не за дело, по высосанным из пальца (лжнвого доноса) обвинениям в то время практически не сажали. (Я знаю только один такой случай — в Калужской области пожилого рабочего посадили фактически только за то, что ранее у него уже были три судимости по 58-ой статье, впрочем, году в 1963-м его досрочно освободили).

По сути дела, молодежная волна второй половины 50-х годов была последней, в определенном смысле — отчаянной попыткой спасти советский строй (точнее — то лучшее, что в нем было), направив его развитие в здоровое русло, прекратив загнивание. Молодые ребята, объективно, пытались **помочь** руководству страны, самым фактом своих выступлений сигнализируя о негативных процессах, подсказывая, что нужно сделать, и готовые принять участие в необходимой для этого работе.

Был момент, когда московская верхушка, вроде бы, проявила некоторое желание услышать этот, отнюдь не сильный — в масштабах нашей страны — глас. Летом 1960 года, после встречи Н. С. Хрущева с бывшим вором в Сочи, в лагерной жизни произошли странноватые, не свойственные ей вещи. Почти всех осужденных по статье 58-10 (антисоветская агитация) — а это и была персонально молодежная волна — собрали в маленький лагерь, где для подавляющего большинства просто не было работы. Симпатизировавший мне (а может — нам) лагерный офицер, оглянувшись, на ходу буркнул: "Не волнуйся, скоро все дома будете".

Но... Через несколько месяцев крупное лагерное начальство объявило нам, что ни о каком массовом, коллективном освобождении не может быть и речи. Судьба каждого эка будет решаться персонально. Попытка вернуться к линии XX съезда, сделать серьезный шаг по демократизации, прекратив практику

уголовных преследований по политическим мотивам, — не состоялась. Взамен страна получила XXII съезд и вынос Сталина из Мавзолея. Это был конец тенденции на обновление режима, начатый XX съездом, предопределивший и конец самого режима, а также политический конец Н. С. Хрущева.

Надеюсь, что когда-нибудь историки расскажут, как и почему тогда все это произошло, какие силы выдвинули идею освобождения политзаключенных и чем они руководствовались (в частности, сколь сильным было желание прекратить критику со стороны мирового общественного мнения), а какие — поставили шлагбаум.

Последняя, уже жалкая попытка решить хотя бы частично проблему политзаключенных была предпринята осенью 1963 года, когда почва под ногами у Хрущева уже явственно колебалась. В лагерь приехала многочисленная комиссия из Москвы (возглавлял ее мой бывший следователь — вырос по служебной лестнице). Вызывали по одному, предлагали писать просьбу о помиловании. Кто написал (в их числе был В. Козовой), пошли домой. Я отказался — и по общим, и по частным соображениям (моим товарищам — Л. Краснопевцеву и Л. Ренделю — предложения о помиловании не сделали).

После этого в лагере началась другая жизнь — последовательное и суровое ужесточение режима содержания. Была сделана ставка только на подавление инакомыслия. Вовсю начал раскручиваться маховик, с неизбежностью приведший к событиям 1991 года.

Итак, наш сигнал не был услышан в Кремле. Был избран путь брежневщины — путь позора и гниения. Полная бесперспективность "позитивной" системной оппозиции (вкуне с идейным влиянием Запада) обусловила переход наших преемников на антисистемные рельсы. Сменившее нас движение правозащитников-диссидентов выросло на отрицании не только советской системы, но, объективно, и нашего пути. Символом этого стала принципиальная ориентация на Запад, западные стандарты, обращение, в первую очередь, не к своему народу, а к мировому общественному мнению.

На деле на первый план диссиденты выдвинули лозунг "свободы слова". Но в тогдашних условиях охватившего все общество полнейшего скепсиса по отношению к властям и широкой откровенности политических разговоров на бытовом уровне (тут свобода слова, особенно едкого анекдота, была почти полной) их борьба серьезно волновала лишь сравнительно узкий слой интеллигенции.

В сочетании с жесткими и полужесткими репрессиями все это вело к постепенному затуханию оппозиционного движения, к замиранию его теоретической мысли. Общая установка: "на Западе хорошо, у нас — плохо, чего мудрить-то, перенимай западные образцы и все тут", — не могла служить для нее серьезным стимулятором. В итоге, к своему звездному часу — второй половине 80-х — наше общество подошло без какой бы то ни было демократической организации, способной на серьезную позитивную деятельность, и без мало-мальски разработанной программы, не говоря уж об идеологии, определяющей выбор пути и необходимые практические сдвиги. Властвовала стихия и корыстные интересы номенклатурных и околноменклатурных сил. В таком состоянии оно находится и в настоящий момент. Мощный подъем демократических настроений, лишенный организованности и, хотя бы отчасти, стройной системы идей, быстро пошел на убыль. Результат известен. Восточная деспотия (как это бывало и в других странах, например, в Китае), отсекая свои гангренозные части (идеологию и идеологизированный партаппарат), перегруппировав силы (отодвинув на второй план одни группы и выдвинув на первый другие), подкрепив себя номенклатурной приватизацией и введением коррупционно-компрадорско-мафиозного квазипрыжка, прикрывшись демократическими ширмами (есть, наконец, возжеланная свобода слова, — увы! — все более и более контролируемая; выборы и т.п.), — осталась на консе. Россия стремительно теряет статус великой державы, последовательно дрейфуя в сторону зависящего от Запада "третьего мира". Найти путь выхода из сегодняшнего тупикового, болотного состояния и, главное, встать на него теперь намного труднее, потребует больших усилий (наверное, и жертв), нежели в 1991-1993 гг.

В то же время нельзя не отметить весьма важную заслугу диссидентов. На смену так или иначе, в той или иной степени довлевшей над нашим поколением в 50-60-е годы идеологема "служения" (в хорошем, не бюрократически карьерном смысле) обществу, идеалам, своему политическому направлению, организации под воздействием их пропаганды и во многом благодаря героической деятельности в ментальность достаточно широкого круга наших соотечественников (отнюдь не только интеллигентов) прочно вошла парадигма "личность". С моей точки зрения, этим заложен важный камень в фундамент грядущего общественного строя, экономика которого будет

ориентироваться на экологию, а социальная сфера — на формирование и развитие личности каждого человека.

И последняя тема, заслуживающая внимания: лагерные дискуссии. Происходили они постоянно, напряженно, подчас бурно — вплоть до мордобоя и угроз уничтожить оппонента. Яростно поднималось соответствующее орудие (молоток, лопата), а затем... тихо опускалось — не из-за гуманности, из-за страха. Правда, такого рода интеллигентское "геройство" было редким. Много чаще в ход шли приемы, апробированные мировой практикой демократии: априорное неприятие доводов оппонента, зашикивание, объявление идейных противников "агентами", "стукачами" и т.п. Основной формой негативизма в лагере для большинства дрейфовавших идейно в сторону диссидентства демократов стал богемно-бомжовый стиль поведения.

Наибольший же интерес, с позиций сегодняшнего дня, представляет идейное содержание тогдашних споров, поскольку оно, в основных моментах, предвосхитило нынешнюю полемику. Суть их, если попытаться свести к общему знаменателю большое число частных, сводилась все к той же дилемме: полный отказ от советской системы или ее постепенная переделка, исходящая из реальных данностей (то есть, антисистемная или системная оппозиция).

Большинство лагерной молодежи постепенно, скорее, даже психологически, чем осознанно-теоретически, переходило от своих исходных (системных) идей на позиции либо диссидентов, либо, говоря в современных терминах, национал-патриотов (в лагере возникло даже "Общество Михаила Архангела"). Понять их можно: московский режим, уже близкий к своей агонии, не шел ни на какие уступки (что делало в то время практически бессмысленной позитивную оппозицию). Ситуация усугублялась естественной обидой посаженных за свои светлые идеи, недовольством лагерными порядками (с 1962 года резко ужесточившимися), желанием быть активными.

Наиболее очевидным проявлением таких настроений было резко отрицательное отношение к любым контактам с лагерной администрацией (речь, понятно, идет не о стукачестве). Логика отрицания системы (и ее носителей) вела к звонкому лозунгу — "ХМЧМ" ("хороший чекист — мертвый чекист"). Этот примитивный экстремизм, объективно реанимировавший главный нерв безжалостной "классовой борьбы", на деле оставался не более чем приятно цекочащей нервы фразой для застолий в своем кругу.

Меньшинство, к которому принадлежал и я, сохраняло изначальный подход. Из него исходила, например, обстоятельная работа, направленная в ЦК КПСС Л. Краснопевцевым, А. Ренделем и Н. Покровским.

Каждый из названных моментов — без сомнения, любопытный сюжет для писателя или социопсихолога. Все это, на мой взгляд, — показатель серьезной несостоятельности отечественной интеллигенции (да, наверное, и всякой другой). Она может быть активной, интересной, способной на творческие и гражданские взлеты, но, в принципе, хорошо себя чувствует лишь в своем кругу. И очень часто, может быть, даже — как правило, она не может и не хочет осознать свою истинную (отведенную ей разделением труда) роль и функцию в обществе, оказывается неспособной понять то гигантское, подавляющее большинство, которое обычно именуют обобщающим, весьма расплывчатым и аморфным термином "народ", и в силу этого не стремится по достоинству оценить его и пойти с ним общий язык. Все эти сюжеты, в определенном смысле, — вечные.

Для меня верность системной (позитивной) оппозиции определялась элементарным рассуждением: неплохо было бы хоть немного учиться у истории. Известный принцип "весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы **новый** мир построим...", казалось бы, достаточно наглядно продемонстрировал в нашей стране свою, скажем помягче, неэффективность. И вновь все рубить под корень — и очевидно плохое,

и хорошее, пусть не всегда столь же очевидное, и возводить новые, выверенные по западным образцам чертоги?! Пусть эти образцы прекрасны (что на деле далеко не так), но можно ли укоренить их простой пересадкой в почву страпы, которая веками до этого шла существенно отличным от Запада путем, а последние три четверти века представляла собой его принципиальный антипод? Менять, конечно, было необходимо, менять многое и принципиально — сталинско-брежневский вариант деспотии завел нас в тупик и полностью растерял свои позитивные потенциалы. Но менять с умом, последовательно, а не чохом, исходя из реальностей страны — имевшегося общественного строя, массового менталитета и т.п., делая последовательные шаги в политической, экономической, социальной сферах, используя уже имеющийся в мире опыт постепенной переделки общественных структур типа восточной деспотии (в КНР, Южной Корее, на Тайване). Теории, как известно, проверяются практикой.

В 1991-1992 гг. казалось, что я безнадежно ошибался — идеи западников-диссидентов полностью возобладали в демократическом движении, история пошла по желанному им пути. Последующие годы показали, к чему ведет самонадеянное стремление капитально и быстро переделать общественный строй, не разобравшись в его сути, слепо копируя западные образцы. И весьма слабое утешение знать, что все это было тебе понятно (конечно, в общих чертах и не в современных терминах) еще 30 лет назад...

Москва

"За скрывание от комсомольской организации..."

Еще до окончания суда над участниками "группы Краснопевцева" (приговор был вынесен 12 февраля 1958 г.) в МГУ начались внесудебные репрессии над людьми, причастными к деятельности группы.

Публикуемые документы хранятся в Центральном архиве общественных движений г. Москвы. Они были обнаружены в ходе исследований, проводимых по программе "История диссидентского движения в СССР. 1950–80-е гг." научно-исследовательским и просветительским центром (НИПЦ) "Мемориал". Текст печатается по копиям, предоставленным Архивом НИПЦ "Мемориал".

Подготовка к публикации и комментарии Геннадия КУЗОВКИНА.

Документ № 1

Протокол № 57 заседания бюро комитета ВЛКСМ от 22.01.1958.

(...)

СЛУШАЛИ: Персональное дело члена ВЛКСМ КАРПОВА (решение бюро ИВЯ и объяснительную записку КАРПОВА прилагаем к делу).

КАРПОВ: По существу добавить ничего не могу. Сначала я думал, что формулировка не соответствует. Здесь моя беда, а не вина. После раздумья и разговоров пришел к выводу, что формулировка верна. **МЕНЬШИКОВ** подавил нас, четверокурсников, своей эрудицией, и я не насторожился на неправильную политику **МЕНЬШИКОВА**. В своих выступлениях он приводил недостатки, взятые из прессы. Я не обратил внимания, что эти недостатки взяты искусственно. Собрание [я?]

проводились нерегулярно. Выяснилось, что наша точка зрения не совпадает с точкой зрения МЕНЬШИКОВА, и мы поставили на этом деле крест, хотя нужно было бы заволноваться: встреча с польской журналисткой была без меня.

КУТАФИН: Сколько бесед с МЕНЬШИКОВЫМ было?

ОТВЕТ: Пять — шесть.

КУТАФИН: Ставили ли вопрос о венгерских со- бытиях?

ОТВЕТ: Нет.

СЕРГЕЕВА: Какие ребята были на встрече с польской журналисткой?

ОТВЕТ: Я их не знаю.

КУТАФИН: Сколько раз видел КРЫЛОВА?

ОТВЕТ: Два — три раза.

СЕРГЕЕВА: Были ли встречи по политэкономии регулярными?

ОТВЕТ: Эти встречи не были регулярными: раз со- бирались, но не успели выяснить все вопросы — решили собраться в следующий раз, но больше не собирались.

КУТАФИН: Вел ли Вы в этот момент общую работу?

ОТВЕТ: Да, я был лектором обкома ВАКСМ.

КУТАФИН: Вам известно, что в то время нельзя было говорить о встречах с иностранцами?

ОТВЕТ: Нет.

КАЛИНИН: Какие экономические вопросы вы вы- ясняли?

ОТВЕТ: Выясняли вопросы, связанные с югослав- скими рабочими советами. МЕНЬШИКОВ предложил перенести их на наши предприятия.

КОРОБОВ: Какую мысль проводил инженер? (1)

ОТВЕТ: Выводы он не делал, а констатировал факты, выводы делал МЕНЬШИКОВ. Мастера на предприятиях злоупотребляют и завышают расценки; эти факты он, якобы, наблюдал у себя на заводе.

КОРОБОВ: Стремился ли МЕНЬШИКОВ избавиться от тех, кто не соглашался с ним?

ОТВЕТ: Нет.

КОРОБОВ: Как понимать, что СОРОКОВАНОВА является официальным оппонентом?

ОТВЕТ: Известно, что они были, чуть раньше, чуть ли не врагами и всегда друг друга критиковали.

КОРОБОВ: Какова Ваша роль в беседах?

ОТВЕТ: На первых беседах, в основном, слушали. Когда я прочитал в "Коммунисте" статью РУМЯНЦЕВА и стал ссылаться на нее в выступлении, оказалось, что МЕНЬШИКОВ не читал ее.

КОРОБОВ: Ставились ли на этих беседах какие- нибудь политические вопросы?

ОТВЕТ: Нет, не ставились.

КОРОБОВ: Что тебя втянуло в эту группу?

ОТВЕТ: Вся группа состояла из моих друзей, товарищей, всех их я знаю.

КОРОБОВ: Встреча с польской журналисткой про- исходила у тебя в комнате. Как ты расцениваешь это? Не предъявляла ли ты претензий МЕНЬШИКОВУ? Как достал ключ?

ОТВЕТ: Нет, не предъявляла. Был уговор, что ключ лежит в кармане пальто, так что он имел свободный доступ в комнату.

КОРОБОВ: После разрыва с МЕНЬШИКОВЫМ он не стремился восстановить связь с тобой?

ОТВЕТ: Нет.

СЕРГЕЕВА: На беседах присутствовали историки, спорили ли они по историческим вопросам?

ОТВЕТ: Нет.

КОРОБОВ: Ставился ли вопрос о социалистическом хозяйстве?

ОТВЕТ: Нет, только хотели.

КОРОБОВ: Каково твое отношение к МЕНЬШИКОВУ? Его тош вызвал ли у тебя подозрения?

ОТВЕТ: Нет, не вызвал.

КОРОБОВ: Убеждения МЕНЬШИКОВА — убеждения не комсомольца, вызывали ли они у тебя подозрения?

ОТВЕТ: Это в некоторой степени связано с его убеждениями.

ЗЕЛЕНИН: Знал ли ты, как к нему относились ребята из кружка?

ОТВЕТ: Я его знаю только по общественно — поли- тической работе.

ЗЕЛЕНИН: Когда ты узнал, что МЕНЬШИКОВ арестован?

ОТВЕТ: Осенью меня вызвали в КГБ. Я написал, что мне известно, и дал подпись, что ничего не скажу.

ЗЕЛЕНИН: Когда тебя вызывали на партбюро?

ОТВЕТ: Кажется, это было после 7-ого ноября, в конце декабря.

ЗЕЛЕНИН: Почему ты не пришел в партбюро или комсомольское бюро?

ОТВЕТ: Потому что вызов в органы следствия совпал с вызовом в партийное бюро.

...ИЩУЛИНА (ПИЩУЛИНА?): Разбирали их вместе с ОШУРКОВОЙ. В бюро были молодые люди, которые хотели свести дело к тому, что вся беда в передаче пропусков, что это многие делают. Юра знал, что о встречах с иностранцами необходимо иметь разре- шение. На бюро Юра сказал, что если бы он знал, что журналистка будет у него в блоке, то он все равно бы разрешил.

КУТАФИН: Комсомолец, если знает, что на беседах ведут неправильную линию, должен заявить в комсо- мольское или партийное бюро. Поступил в университет — учись здесь, а не где-то на собраниях. Вопрос о пропусках — дело второстепенное, но он ими об- ективно пользовался в интересах МЕНЬШИКОВА. Пред- лагаю исключить из членов ВАКСМ.

СЕРГЕЕВА: КАРПОВ ведет себя на бюро не очень искренне. Немыслимо говорить на беседах об экономике и не говорить о тех серьезных вопросах, которые стоят перед страной. Ваши встречи были регулярными, и не сказать о них было невозможно. Историки — люди идеологические. Я согласна с КУТАФИНЫМ.

КАЛИНИН: Я не согласен с КУТАФИНЫМ и СЕР- ГЕЕВОЙ. Нет ничего такого, что они беседовали о политике, экономике. Невозможно было не говорить об истории. И было плохо, что наша печать не знала, что надо писать. Я согласен с решением факультета.

ЗЕЛЕНИН: КАЛИНИН, в чем ты считаешь виноватым КАРПОВА?

КАЛИНИН: Я затрудняюсь сказать. Надо (было — Г.К.) сказать о беседах старшим товарищам.

КОРБОВ: КАРПОВА знаю по военным лагерям. КАРПОВ был на высоком положении, поэтому я удивился, что этот КАРПОВ — тот КАРПОВ. Неужели, Юра, тебя не удивило поведение МЕНЬШИКОВА или свободный доступ в комнату к тебе? Поддерживаю решение факультетского бюро.

КАРПОВ: КУТАФИН меня не понял. Мы разбивали МЕНЬШИКОВА. Если рабочие советы в Югославии — политический вопрос, значит, поднимался и политический вопрос. Но политического разговора в чистом виде не было. У МЕНЬШИКОВА не было антисоветских взглядов, были только взгляды на отдельные вопросы экономики.

ПОСТАНОВИЛИ: За потерю политической бдительности, за проявляемую политическую близорукость — исключить КАРПОВА из членов ВАКСМ (против — двое).

ПРЕДЛОЖЕНИЕ: Строгий выговор с предупреждением (за — 2; против — 4).

КАРПОВ — 1936 г. р., украинец, студент 5 курса ИВЯ при МГУ, член ВАКСМ с 1950 г. Решение об исключении с той же формулировкой утверждено Ленинским РК ВАКСМ 06.03.58. Апелляция отклонена решением МГК ВАКСМ от 30.05.1958. (ЦАОДМ, ф.635, оп.14, ед. хр.256, л.213)

Комментарий: Существовал, по словам Пушкиря М., список на 12 человек, "которых предполагалось арестовать позднее". СОРОКОВАНОВА Ирина, "ортодоксально настроенная" аспирантка, приглашалась на встречи "краснопевцев". По словам ГОЛЬДМАНА М., для того, чтобы отточить в споре с ней свои аргументы. Она была исключена из КПСС, аспирантуры и уволена из МГУ. Добилась через полтора года приема у Председателя КПК Шверника. "В чем ее вина?" — спрашивал он у докладчика по ее делу из парткома МГУ. — "Участвовала в антисоветских собраниях". — "Что делала конкретно?" — "Защищала политику партии". — "Так за что исключили?"

Пушкяр М. Оттепель, которой не было//МН.— 1995.— 28 мая — 4 июня — N38.— С.21

Документ № 2

Протокол N 61 заседания бюро комитета ВАКСМ от 28.02.1958.

(...)

ПОСТАНОВИЛИ: Просить Ленинский РК дать рекомендации для вступления в члены КПСС членам бюро комитета ВАКСМ МГУ: КУТАФИНУ Олегу Емельяновичу (русский, 1937 года рождения, член ВАКСМ с 1951 года, комсомольский билет N 00203655, студент IV курса юридического факультета) и ОБИДИНУ Владимиру Сергеевичу (русский, 1935 года рождения, член ВАКСМ с 1949, комсомольский билет N 00203516,

студент IV курса юридического факультета. — Г.К.)

СЛУШАЛИ: Персональное дело КРАСНОПЕВЦЕВОЙ Любови Васильевны, русской, 1931 года рождения, члена ВАКСМ с 1949 года, сотрудника библиотеки им. Горького (к делу прилагается справка).

ПОСТАНОВИЛИ: За сокрытие антипартийной деятельности своего мужа (КРАСНОПЕВЦЕВА А.Н. — Г.К.), за оказание ему помощи в антисоветской, контрреволюционной деятельности, за неискренность перед комсомолом исключить тов. КРАСНОПЕВЦЕВУ А.В. из членов ВАКСМ.

Комментарий: По словам БЕЛЕЛЮБСКОГО Ф.Б. КРАСНОПЕВЦЕВА осталась на работе и другим гонениям не подвергалась.

СЛУШАЛИ: Персональное дело НОВИКОВОЙ Лии Ефимовны, русской, 1935 года рождения, члена ВАКСМ с 1948 года, комсомольский билет N 00200585, окончила истфак МГУ в 1957 году (к делу прилагается справка).

ПОСТАНОВИЛИ: За нечестное отношение к социалистической Родине, за сокрытие (Sic!) подпольного анти-советского кружка и пособничество в антисоветской деятельности, за неискренность перед комсомолом исключить тов. НОВИКОВУ Лию Ефимовну из членов ВАКСМ. Ходатайствовать перед советскими органами о лишении НОВИКОВОЙ Лии Ефимовны советского гражданства. (Sic!)

СЛУШАЛИ: Персональное дело КРЫЛОВА Владимира Васильевича, русского, 1934 года рождения, члена ВАКСМ с 1948 года, комсомольский билет N 00200569, окончила истфак МГУ (к делу прилагается справка).

КРЫЛОВ: В декабре 1956 года ко мне подошли ребята и сказали, что они спорят по вопросам политэкономики и спросили, не буду ли я участвовать там. Я согласился. Мы спорили там по вопросам политэкономики и решили провести еще одно обсуждение некоторых вопросов (напримечание, является ли рабочая сила товаром) после каникул. Моя цель на этих собраниях — опровержение их взглядов. Конечно, сам сбор (спор? — Г.К.) с МЕНЬШИКОВЫМ должен был заставить меня призадуматься. В 1954 году я попал в группу, которая высказывала явно антисоветские мысли, я тогда осознал это и вовремя вышел из этого кружка. Признаю свою вину, но прошу смягчить наказание.

СЕРГЕЕВА: Почему не пришли в партийное или комсомольское бюро и не сказали об этой группе после их ареста?

ОТВЕТ: Понадеялся на самого себя.

ВОПРОС: Почему не заявили о МЕНЬШИКОВЕ?

ОТВЕТ: Знал таких ребят, как КРАСНОПЕВЦЕВ, 4 мая было жалко их.

ЗЕНУШКИНА: Были ли эти сборы конспиративными?

КРЫЛОВ: До некоторой степени, да.

ПОПОВ: Расскажите, пожалуйста, комсомольскую биографию.

КРЫЛОВ: На I курсе комсорт группы, на II — агитатор, на III — лектор обкома комсомола, затем работал в газете.

БЕГУШЕВ: Знаю КРЫЛОВА очень давно. КРЫЛОВ виноват и это ясно, и нельзя его оправдать. На факультете он считался хорошим студентом, увлекался политэко — цомпией, вопросами истории партии. Но не только увлекался, но и много знал в этих областях. Виной всему является его гаупость, запальчивый гонор.

ТИН: Демагог ли КРЫЛОВ? Вы выступаете от себя лично или от организации?

БЕГУШЕВ: Он не демагог, а просто невыдержанный человек — высказываю личное мнение.

ПОПОВ: Предлагаю вынести КРЫЛОВУ строгий выговор с предупреждением.

ПОСТАНОВИЛИ: Закрытие (sic!) от комсомольской организации деятельности подпольного антисоветского кружка, неискренность и нечестность перед комсомолом, за притупление политической бдительности исключить товарища КРЫЛОВА В.В. из членов ВАКСМ.

Комментарий: По словам БЕЛЕЮБСКОГО Ф.Б., КРЫЛОВ Владимир Васильевич — ст. н. с. Института Африки, умер ок. 1989 г.

Документ № 3

Протокол № 62 заседания бюро комитета (ВАКСМ МГУ — Г.К.) от 05.03.1958.

(...)

СЛУШАЛИ: Персональное дело КАЛИНИНА Юрия Андреевича, студента IV курса физического факультета, русский, 1937 года рождения, член ВАКСМ с 1951 года, комсомольский билет № 00205809.

ПОСТАНОВИЛИ: За беспринципное поведение члену бюро ВАКСМ КАЛИНИНУ Ю.А. объявить выговор с занесением в учетную карточку (против — 1).

Комментарий: Во время разбирательства персонального дела КАРПОВА КАЛИНИН позволил себе не согласиться с КУТАФИНЫМ и СЕРГЕЕВОЙ.

Документ № 4

Протокол № 65 заседания бюро комитета ВАКСМ от 25.03.1958.

<...>

СЛУШАЛИ: Персональное дело ВОЛКОНСКОГО Виктора Александровича, аспиранта 3 — го года обучения мехмата, русского, 1929 года рождения, члена ВАКСМ с 1949 года.

ВОЛКОНСКИЙ изложил суть персонального дела (объяснение ВОЛКОНСКОГО прилагается к делу).

ВОПРОС: Когда Вы познакомились с МЕНЬШИКОВЫМ?

ОТВЕТ: После турпохода в 1957 году.

ВОПРОС: Экономическая сводка, принесенная

МЕНЬШИКОВЫМ из ЦК ВАКСМ, это тайна или нет?

ОТВЕТ: Не думал об этом.

ВОПРОС: Почему не привлекли других ребят к беседам?

ОТВЕТ: Звонил ребятам, но они не пришли.

ВОПРОС: Вас влекла к МЕНЬШИКОВУ его оригинальность?

ОТВЕТ: Да, но я ушел, так как ничего нового он нам не сказал.

ВОПРОС: Почему Вы старались выяснить свои взгляды? (sic!)

ОТВЕТ: После обсуждения бюллетеня еще не все улеглось в моей голове. Взгляды нужно было проверить.

ВОПРОС: Уяснили ли Вы свои взгляды или нет?

ОТВЕТ: Свои уяснил, но я не подводил итог их взглядов.

БЕСОВА: Когда приезжала польская журналистка, то ВОЛКОНСКИЙ меня приглашал и мне было ясно, что это не тайная организация.

(...)

(?)АЛИЕВ: Факультетское бюро правильно решило данный вопрос, надо говорить не о форме, а о содержании, а по содержанию он политически неустойчив.

(?)АХИНОВИЧ: ВОЛКОНСКИЙ очень хорошо понимает политику партии. Горячо проводит линию факультетского бюро. Он проявил политическую бдительность, но исключать из комсомола, это даже странно, сама постановка вопроса об этом мне кажется странной.

ВОПРОС: А почему он не усмотрел, что это за люди?

ОТВЕТ: Потому что они достаточно осторожно вели свою линию.

ПОПОВ: Мнение комсомольской организации аспирантов не ясно. Дело не в том, что он интересуется политикой, а как он подходит к политическим вопросам. С МЕНЬШИКОВЫМ он познакомился из интереса, из — за интереса порвал с ним, то есть к политике он подходит с точки зрения "интересно или нет", а к политике нужно подходить с точки зрения мировоззрения. С точки зрения мировоззрения для меня ясна постановка вопроса. Отношение к политике у ВОЛКОНСКОГО, как у интеллигентика. Всякий комсомолец должен сразу поставить вопрос о том, с каких позиций ставится вопрос. А ВОЛКОНСКИЙ этой настороженности не проявил и поэтому не разобрался в МЕНЬШИКОВЕ. Человек может быть хорошим математиком, но мне вполне ясно, что пока он не выяснит партийное отношение к политике, то ему нет места в коммунистическом союзе молодежи, как политической организации.

ЗЕНУШКИНА: В общем, я согласна с ПОПОВЫМ. (...)

Нужно искать выхода из недостатков вместе с партией, а не с МЕНЬШИКОВЫМ.

(...)

ПОСТАНОВИЛИ: За политическую незрелость и комсомольскую беспринципность, выразившуюся в связи с группой, оказавшейся антисоветской, исключить ВОЛКОНСКОГО В.А. из комсомола (принято единогласно).

Документ № 5

Протокол N 16 заседания бюро Краснопресненского РК от 10.04.1958.

(...)

СЛУШАЛИ: Персональное дело ЭЙДЕЛЬМАНА Натана Яковлевича.

ПОСТАНОВИЛИ: 1. За притупление политической бдительности исключить тов. ЭЙДЕЛЬМАНА Н. Я. из членов ВЛКСМ. 2. Снять с работы секретаря комсомольской учительской группы.

ЭЙДЕЛЬМАН — еврей, в 1958 — преподаватель школы N 93 Краснопресненского р-на. Апелляция отклонена решением МК ВЛКСМ от 16.05.1958 г. (ЦАОДМ, ф.635, оп.14, ед. хр.256, л.116)

Документ № 6

Протокол N 74 заседания бюро комитета ВЛКСМ от 14.05.1958.

<...>

ПОВЕСТКА ДНЯ: ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДЕЛА.

<...>

СЛУШАЛИ: Персональное дело студента V курса исторического факультета ЧЕРНЫХ Евгения Николаевича, русского, 1935 года рождения, члена ВЛКСМ с 1950 года, комсомольский билет № 00200236.

ПОСТАНОВИЛИ: За нарушение устава ВЛКСМ, выразившееся в обсуждении политической жизни страны путем замкнутой групповщины с лицами, оказавшимися участниками подпольного антисоветского кружка, отсутствие политической бдительности объявить ЧЕРНЫХ Е.Н. строгий (впечатано сверху) выговор с занесением в учетную карточку.

(...)

Персоналии лиц в документах №№ 1-6

БЕГУШЕВ — с истфака (?)

БЕСОВА — с мехмата (?)

ЗЕЛЕНИН А.Н. — 1-й секретарь комитета ВЛКСМ МГУ в 1956—58 гг.

ЗЕНУШКИНА И. — секретарь комитета ВЛКСМ МГУ, зам. по учебно-воспитательной работе, в 1959 — секретарь бюро истфака.

КАЛИНИН Юрий Андреевич (1937 г. р.) — студент 4 курса физического факультета, член бюро (?) комитета ВЛКСМ МГУ.

КОРОБОВ — 2-й секретарь комитета ВЛКСМ МГУ.

КУТАФИН Олег Емельянович (1937 г. р.) — член

ВЛКСМ с 1951 года, студент IV курса юридического факультета. В 1958 — секретарь комитета ВЛКСМ МГУ, зам. по оргработе, в феврале рекомендован в кандидаты в чл. КПСС (см. док. N 2). На 1960 г. — член бюро МК ВЛКСМ, в том же году избран 1-м секретарем комитета ВЛКСМ МГУ.

ОШУРКОВА В. — разбиралась вместе с КАРПОВЫМ на бюро факультета.

ОБЕДИН (1935 г. р.) — в 1958 член бюро комитета ВЛКСМ МГУ, 2-й зам. по оргработе, в том же году в феврале рекомендован в чл. КПСС (см. док. N 2), а позднее стал 1-м замом по оргработе. Работал зав. отделом пропаганды и агитации Москворецкого РК ВЛКСМ, в декабре 1960 г. утвержден инструктором пропаганды и агитации МК ВЛКСМ.

ПИЩУЛИНА — представитель бюро ИВЯ при МГУ (?)

ПОПОВ Гавриил Харитонович (1936 г. р.) — студент 5 курса экономического факультета МГУ. С 1956 — член комитета ВЛКСМ МГУ (в 1957 г. — зам. секретаря по оргработе, в 1958 г. отвечал за международные связи). В дальнейшем — доцент, профессор МГУ, декан экономического факультета (1977—88). Народный депутат СССР, один из лидеров Межрегиональной депутатской группы (оппозиция внутри КПСС). В 1990 — избран Председателем Моссовета, в 1991—92 гг. — мэр Москвы.

РУМЯНЦЕВ Алексей Матвеевич (1905—1994) — экономист, общественный деятель. Чл. КПСС с 1940 г. Чл. ЦК КПСС в 1952—76. Зав. Отделом науки вузов и школ ЦК КПСС (?—56/7?). Глав. ред. журнала "Коммунист" с 1956/7?. Глав. ред. "Правды" (?—1966?). Академик с 1966 г. Чл. Президиума АН СССР (1971—75).

СЕРГЕЕВА (КОСТИКОВА) Ирина Викторовна — на 1958 секретарь комитета ВЛКСМ МГУ по внештатным работникам, в том же году избрана 2-м секретарем комитета. В 1960 освобождена от обязанностей секретаря в связи с поступлением в аспирантуру.

(?)**АЛИЕВ** — комсомольское бюро мехмата (?)

(?)**АХИНОВИЧ** — комсомольское бюро мехмата (?), возможно, бюро курса.

Примечания:

Док. N 1: ЦАОДМ, ф.6083, оп.1, ед. хр.11, л.46—52.

Док. N 2: ЦАОДМ, ф.6083, оп.1, ед. хр.11, л.68—74.

Док. N 3: ЦАОДМ, ф.6083, оп.1, ед. хр.11, л.75—83.

Док. N 4: ЦАОДМ, ф.6083, оп.1, ед. хр.11, л.87—94.

Док. N 5: ЦАОДМ, ф.667, оп.3, ед. хр.40, л.138.

Док. N 6: ЦАОДМ, ф.6083, оп.1, ед. хр.11, л.136—145.

(1) инженер — видимо, Гольдман?

Москва, НИПЦ "Мемориал"

Альгирдас ШЕРЕНАС

Уроки военного дела

Я, Шеренас Альгирдас, сын Йона (Ионович), родился 29 декабря 1930 года в Тельшайском уезде Литовской республики в семье сельского учителя. 14 июня 1941 года моего отца Шеренаса Йонаса арестовали и отправили в лагерь Краслага, а мою мать, сестру и меня сослали в Коми АССР. Основанием для репрессий нашей семьи послужило то, что отец был честным человеком и патриотом Литвы. Отец погиб в лагере поздней осенью 1943 года.

Над нашей семьей, как и над другими спецпоселенцами: литовцами, поляками, финнами, китайцами, иранцами — издевались партийные функционеры и НКВД. Зимой 1946 года мы всей семьей бежали из ссылки, но были пойманы на одной из железнодорожных станций и отправлены в другой спецпоселок Коми республики. Через две недели я, уже в одиночку, бежал повторно, на сей раз удачно.

В сентябре 1949 года я, учащийся ветеринарного техникума в Литве, был арестован. Более года меня держали в разных следственных тюрьмах, хотели "пришить" статью 58—14 (контрреволюционный саботаж), или хотя бы статью 82 — побег. Спасло от лагеря то, что во время побега я был еще несовершеннолетним. По этапу был возвращен в Коми тайгу.

Во время хрущевской оттепели окончил Московскую ветеринарную академию (1963 г.). Работал в Коми республике на разных ветеринарных должностях. Написал несколько книг по ветеринарии (изданы в Сыктывкаре) и книгу воспоминаний "Не знаем своей вины" (издана на литовском языке в Вильнюсе). Подготовил к печати книгу о Коми лагерях. В настоящее время живу и работаю ветеринарным врачом в Сыктывкаре.

Мать и сестра покоятся на Сыктывкарском кладбище. Могила отца неизвестна.

В годы войны военная подготовка была чуть ли не основным предметом в учебном плане начальных и средних школ. Плохая успеваемость по этому предмету считалась если не саботажем, то отсутствием патриотизма. Каждый день шагали строем с деревянными винтовками, пели боевые песни. В пятом классе можно было не знать таблицу умножения, но знать материальную часть мел-кокалиберной винтовки обязан был каждый, иначе в следующий класс не переводили.

Военному делу нас учил демобилизованный с фронта Николай Иванович Костылев, он же заведующий учебной частью школы и секретарь партийной организации всего Ульянова — бывшего монастыря, где размещался сельхозтехникум и наш спецпоселенческий поселок. Невзрачный мужичок с узким в передней части лицом и клинообразным подбородком, в профиль на — поминал топор, которым колют дрова. В праздничные дни он надевал лейтенантскую форму с золотыми погонами и все мы при встрече должны были прикладывать ладони к нашим стриженным головам. Николай Иванович как главный коммунист всего Ульянова люто ненавидел спецпоселенцев. Студентам сельхозтехникума запрещал посещать наш участок, дабы не заразились фашистской инфекцией, устраивал конные облавы на картофельных полях, целью которых было поймать литовца или поляка, воруящего картошку. Много ласкостей придумал он на нашу голову. Однажды облава удалась и трое молодых студентов верхом на конях погнали нашу бедную Нарбутене за 20 километров в Усть-Кулозскую долину. У женщины в мешочке было с десяток картофелин. Местные люди говорили, что достаточно одного неслезного слова военрука, чтобы человека посадили на десять лет за политику.

Особенно восприимчив ненавидел меня, двенадцатилетнего замухрышку, от голода едва волокащего

ноги. Шел 1943 год. Во время уроков он часто и подолгу останавливался у моей парты и глядел на мою большую, стриженую, испачканную фиолетовыми чернилами голову. Зная недоброе отношение ко мне учителя, я чувствовал себя, как карась на горячей сковороде. "Скажи, большоголовый, чем отличается траектория гаубицы от траектории противотанковой пушки?" — мирно спрашивал меня Костылев. Теоретическую часть огневой подготовки я знал наизусть и отвечал точно. "Что глядишь исподлобья? Гляди мне в глаза, пожрай меня глазами!" — переходил на крик учитель. Я был рад сожрать его зубами, а не только глазами, да не мог. Глаза наполнялись слезами обиды, а в таком состоянии попробуй глядеть в глаза собеседнику. "Садись, вояка," — Костылев довольный тем, что довел меня до слез, отходил к столу и что-то ставил в журнал. Он даже фамилию мою не желал правильно выговаривать, все — Ширевас, Ширенас, а однажды не постеснялся выразиться — шире маминной. К переиhrанию моего имени я относился равнодушно, но искажение фамилии доводило до тихого бешенства. "И что ты на меня букой глядишь? Рад, небось, убить, да силенок мало, и времена не те. Слышал, наша армия немцев под Сталинградом в пух и прах разбила?" — приходилось выслушивать почти каждый день.

Наш староста класса Леша Коротков, из семьи спецпоселенцев — кулаков, слышал в учительской разговор между классным руководителем Марией Павловной и Костылевым. "Да как он смотрит на нас, советских людей, — исподлобья, с ненавистью. Со временем из него вырастет враг. Я таких видел. Знаете, в июне 1941 года мне пришлось отступать из Литвы, так там стреляло все — грабли, вилы, и стреляли такие звереныши, как он!" — рассказывал военрук. "Николай Иванович, да какой он враг, он ребенок, и к тому же, первый ученик. У него —

гениальная память," — мягко возражала Мария Павловна.

Мне казалось, что Костылев хотел меня отчислить из школы, но ведь в вину не поставишь врожденный взгляд исподлобья. Во дворе я обходил его, при встречах прятался за спины товарищей, в безвыходных случаях прикладывал ладошку к голове даже не в праздничные дни. А он что только не делал со мной — заставлял разбирать и собирать мелкокалиберную винтовку ТОЗ — 8 за пять минут, принуждал натягивать противогаз на два номера меньше мне положенного и так далее. Если в первый месяц издевательств я относился к нему как к строгому учителю, то в дальнейшем стал ненавидеть. В одиночестве придумывал ему различные кары и в такие минуты говорил сам с собой вслух...

Время шло, приближались экзамены за пятый класс. Теоретическую часть военного дела я знал хорошо и, что главное, — отлично стрелял. Но еле живой от голода на марш — бросках припалася последним. Все видели, что я начинаю опухать от недосдания и выгнать меня из школы было неудобно, все — так Костылев работал в коллективе хороших женщин — учительниц.

В середине мая 1943 года начались экзамены. По большинству предметов я получил "отлично", осталось военное дело.

Утром, в пять часов, мы с сестрой Гражиной пошли в село Кужба менять что — то из оставшихся вещей на семенную картошку. Идти надо было 12 километров по веселой лесной дорожке. Зелень леса по — весеннему ярко посветлела, щебетали птички. Все бы хорошо, но обувь моя никуда не годилась. Чудом уцелевшие от обморожения рваные, стоптанные отцовы туфли 44 размера даже на распухших моих ногах были велики. Я подвязывал их

шпагатом, однако, они все равно хлябали, терли опухшие лодыжки, из которых мелкими прозрачными капельками проступала соломенного цвета жидкость. Перед дерев — ней разулся и пошел босиком, обжигая подошвы о тонкий утренний ледок. Вещи обменяли быстро и домой вернулись с картошкой еще до девяти часов.

Хромая пошел в школу — сдавать экзамен по военному делу. Гражина пошла со мной, мы учились в одном классе. Выстроив всех в колонну по одному, Костылев повел нас на стрельбище. Оно представляло собой с десяток ложбинок — окопчиков, а стрелять мы должны были в мишени, прислоненные к стене монастырской церкви.

Острый глаз военрука заметил, что я хромоу. "Это что еще за инвалид объявился? А ну, перестань при — творяться!" Я пытаюсь идти в ногу — не получается. "Стой, стать смирно!" Костылев вынимает секундомер и обращается ко мне: "Видишь во — о — и там угол изгоро — ди? Ты должен за пять минут добежать дотуда и вернуться обратно. Приготовиться — шле!" — он поднимает и резко опускает руку. До угла изгороди километра полтора будет. Спустившись с пригорка, снимаю туфли, в глазах темнеет, на лодыжках появляются трещины, но я изо всех сил колдыбаю. Добравшись до угла и почти теряя сознание, нацпаю возвращение к своему экзекутору. У подножия горки обуваю ботинки и пошатываясь предстаю перед ним. Не знаю, уложился ли я в пять минут — вряд ли, но Костылев видел, как я бежал босиком и это его взбесило: "Где это видано, чтобы солдат бежал кросс или шел в атаку босиком? Ведь так вся пехота без ног останется. Ты решил обмануть меня. Нет, ты не меня обманул, ты обманул друзей, ты, в конце концов, обманул Родину!

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

19 февраля 1951 г.

мне, ШЕРЕНАС Альгирдас сын Иона, проживающего: г. Сыктывкар, мест. Париж, общежитие сельхозтехникума, ОБЪЯВЛЕНО, что согласно постановления Правительства Союза ССР и МВД СССР я до отбытия срока спецпоселения не имею права без разрешения органов МВД выезжать (хотя бы временно) из определенного мне места поселения и обязан периодически лично являться на регистрацию в место и сроки, которые мне будут указывать органы МВД.

Я предупрежден, что в случае самовольного выезда с места поселения буду привлечен к уголовной ответственности на срок до 10 лет лишения свободы, а за несвоевременную явку на регистрацию подлежу административному взысканию согласно постановления СНК СССР N 35 от 8 января 1945 года.

Личная подпись: Шеренас

Подписку отобрал: ст. опер. упол. 9 отг МГБ (подпись неразборчива)

(оборотная сторона документа)

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ (Из постановления СНК СССР N 35 от 8 января 1945 г.)

1. Спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР за исключением ограничений в правах передвижения.

2. Все трудоспособные спецпереселенцы обязаны заниматься общественнополезным трудом.

3. Спецпереселенцы не имеют права без разрешения коменданта спецкомендатуры МВД отлучаться за пределы района расселения. Самовольная отлучка за пределы района расселения рассматривается как побег и влечет за собой ответственность в уголовном порядке.

4. Спецпереселенцы — главы семей обязаны в 3-х дневный срок сообщать в спецкомендатуру МВД о всех изменениях, происшедших в составе семьи (рождение ребенка, смерть члена семьи, побег и т.п.).

5. Спецпереселенцы обязаны строго соблюдать установленный для них режим и общественный порядок в местах поселения и подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур МВД.

За нарушение режима и общественного порядка подвергаются административному взысканию в виде штрафа до 100 рублей или ареста до 5 суток.

С правами и обязанностями я ознакомлен

подпись _____

Альгирдас Шеренас с матерью. 1982 год.

ФОТО ИЗ АРХИВА А. ШЕРЕНАСА

Иди, становись у стены церкви, как у позорного столба. И пусть класс с презрением осудит тебя. Сними туфли!" Снимаю туфли и становлюсь у церковной стены рядом с мишенями. Я мало что соображаю. Вместо того, чтобы положить туфли рядом и текущую из носа кровь вытереть пучком травы, туфли держу в обеих руках, а кровь вытираю рукавом новой рубашки, которую мама сшила специально к экзаменам.

Военрук нервно расхаживает перед строем школьников и дает волю своему красноречию. Красно — речие Костыласа было ничем иным, как бредом злобного пидота, создавшего повод излить свою злобу на ни в чем неповинного подростка. "Война застала меня на берегах Немана. Немцы, используя войска и вооружение всего мира, вероломно напали на нашу счастливую Родину. Им помогали и литовские фашисты. Они стреляли с чердаков, из канав и кустов. Одна ихняя пуля задела бедро, — Костылас пытается расстегнуть штаны, чтобы показать пулевой след, — но мы не были бы красными бойцами, если бы не отвечали тем же. Не одну гранату кинул я в эти гнезда предателей!" И так далее...

Я разгребал пальцами ног теплый песок и краем глаза сквозь слезы старался разглядеть шеренгу. Бедная моя сестра Гражина вытирала слезы, Томас Микалаускас нервно постукивал прикладом винтовки о землю. Мой товарищ по парте Леша Шашев строил мне рожи и всячески кривлялся.

"Стать в строй!" — скомандовал военрук. "Коротков, воткни мишени поустойчивей. Стреляют по трое с левого фланга, каждый в свою мишень. Расстояние на прицельной планке определяйте сами." Стреляли по — разному. Томас попал в самый центр. Гражина в десятку. Мишкините — тоже. Хуже стреляли те, кто смеялся над

моим позором. Очевидно, веселье продолжало будоражить, тело и плечи шевелились. Я весь напрягся, никак не могу стойко установить мушку в прорезь прицельной планки. "Ну что, сдох ты, что ли? Твой друг Шашев давно уже отстрелялся, — торопит Костылев. "Помоги, Гос — поди!" — я плавно нажимаю на курок. Все трое бежим к своим мишеням. О, радость! — в центре моей мишени зияет дырка. "Двенадцать!" — кричу я, забыв, что недавно стоял у стены позора. Военрук подходит к нашим мишеням, смотрит на мою и на Лешину: "Ты, Шашев, в чью мишень стрелял, в его? — тычет пальцем в мою грудь, — в его? Я спрашиваю! Товарищу хотел помочь?" Лешка морщит свою обезьянью рожицу, мнется. "Я спрашиваю в последний раз — в чью мишень стрелял?" — "В его..." — указывает на меня пальцем товарищ по парте. "А — а — а, тогда понятно. Похвально, Шашев, выручать друга, да только какой он тебе друг... Всем ставлю зачет, а тебе, обманщик, — единицу и как завуч оставляю тебя в пятом классе на второй год".

У меня темнеет в глазах, в шеренге приглушенный шум: "Пусть еще раз стреляет, он всегда хорошо стрелял". Я стою у своего окопчика и упорно повторяю: "Я попал в центр, я попал в центр..." К военруку подбегают Томас, Гражина, Коротков, что — то доказывают, чего — то просят. "Стреляй повторно," — бросает мне Костылев. Я нерв — пищаю, не могу навести мушку на цель, в глазах пот и слезы. Ну, будь что будет, нажимаю. Сухой щелчок. Все бросаются к мишени. "Ура! Десятка!" — кричит Гражина и целует меня в щеку, измазанную кровью и слезами. Мне был поставлен "зачет", но как дорого он обошелся...

Весна и лето проходят в заботах. Сдираю с молодых сосенок сладкую кожуру, собираю грибы и ягоды. Часто ловлю себя на том, что большую часть времени моя

голова занята думами о мщении Костылеву. Но я мал и слаб, возможностей отомстить ему — почти никаких. Выбивать камнями окна не хочется — почему — то битье стекол я всегда считал позорным поступком, достойным ревнивых глупых баб и трусливых хулиганов. Бросить в него камень из — за угла — для меня огромная опасность, а для Костылева — ничтожный синяк. Командант нам часто говорил, что за политику детей можно сажать в тюрьму уже с двенадцати лет, а мне шел тринадцатый.

Военрук слыл в поселке удачливым огородинком. В двух больших парниках возле дома ежегодно созревал богатый урожай огурцов и помидоров каких — то особых сортов. Начальник районного НКВД, секретарь райкома и другие могущественные лица, бывая проездом или по делу в Ульяновс, всегда заходили к военруку отведавать парниковых даров. В такие дни начальство хлестало сплавной спирт, закусывая его костылевскими огурцами. Однажды у дверей почты, куда заходил ежедневно в надежде получить письмо от отца, я подслушал разговор жены военрука с какой — то женщиной: "Ожидаем гостей. На днях к нам должен заехать сам секретарь обкома партии Тараненко с начальником треста "Комилес". Они на своем катере объезжают сплавные запаны. А у меня в этом году невиданный урожай огурцов. Правда, еще небольшие, но к ихнему приезду — подрастут," — щебетала Августа, жена Костылева. Молниеносно в голове возникли контуры мести. "Ну — ну! Посмотрим, как вы будете угощать гостей огурцами". Я решил уничтожить содержимое парников. Сходил на свалку и откопал по — дуристые лагерные ботинки из автомобильных по — крышек, где — то достал рваные ватные рукавицы. С мамой и Гражиной своим планом не делился — запретят.

Ждал густого утреннего тумана. Ежедневно, проснувшись в четыре часа утра, с надеждой выглядывал в окно. Наконец, пробил и мой час. Густая пелена окутала не только предгорье, где были парники, но и половину монастырской колокольни, стоявшей на горе. На расстоянии двух шагов даже лошадь не увидишь. С целью конспирации обул лагерные ботинки, надел ватные рукавицы и тихо прокрался к костылевским парникам. Рамы были сняты и уложены рядом со срубом. На минуту почувствовал страх — меня не видят, но я слепой, не вижу, может быть, грозящей опасности. В любой момент из молочно — белой пелены меня могут схватить цепкие, безжалостные руки. Я рву нежную огуречную зелень, толчу маленькие пупырчатые огурчики, начавшие желтеть помидоры. В испуге все мешаю с землей. С одного парника перескакиваю в другой. Огурцов я не ел со времени высылки. Я люблю огурцы, их любят мама и Гражина, можно набить ими карманы и даже мешок. Нет, мне противна эта костылевская собственность, ни за какие деньги я не съел бы огурец из этих парников. Кончив погром, бегу в лес. В мох зарываю ботинки и рукавицы. Покружив по лесу с полчаса, возвращаюсь домой и тихо ложусь на свою лежанку между дверью и окном.

Говорят, что увидев гибель огуречной плантации, Августа упала в обморок, а военрук срочно вызвал районную милицию. Но дождь, созревший из тумана, смыл все следы. Милицкая овчарка, скуля, упорно пыталась утащить следователя на квартиру Костылева. Тем все и кончилось.

Сыктывкар

"УТВЕРЖДАЮ"

Зам. Нач. Тельшайского УО МВД АССР
Капитан _____ (Курьянов)
19 сентября 1949 года.

"САНКЦИОНИРУЮ"

Прокурор Тельшайского уезда АССР
Юрист 1-го класса _____ (Чушкин)
19 сентября 1949 года.

Постановление (об избрании меры пресечения)

1949 года сентября 19 дня гор. Тельшай

Я, ст. о/уполномоченный ОУР Тельшайского УО МВД ст. лейтенант КУЛИКОВ, сего числа рассмотрев поступившие материалы в отношении ШЕРЕНАС Альгирдас с. Ионас, 1930 г. рождения, уроженец дер. Лелай Ретавской волости Тельшайского уезда Литов. ССР,

Н А Ш Е Л:

Что в июне м — це 1941 г. на основании постановления Тельшайского УО НКГБ Литовской ССР ШЕРЕНАС Альгирдас с. Ионас в составе отца — ШЕРЕНАС Ионас, матери — ШЕРЕНЕ Леопоры и сестры — ШЕРИТЕ Зита был выслан из пределов Литовской ССР на обязательное и бессрочное поселение в Коми АССР, как социально — опасный элемент, откуда в 1947 г. совершил побег в Лит. ССР, где проживал до момента задержания.

Совершенное преступление предусмотрено ст. 16 — 82 ч. 1 УК РСФСР, и, руководствуясь ст. 145 и 158 УК РСФСР,

П О С Т А Н О В И Л:

Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда ШЕРЕНАС Альгирдас с. Ионас ИЗБРАТЬ СОДЕРЖАНИЕМ под стражей в тюрьме N 2 МВД Лит. ССР гор. Клайпеда, о чем в порядке ст. 146 УПК РСФСР объявить обвиняемому под расписку в настоящем постановлении.

В соответствии со ст. 160 УПК РСФСР копию постановления направить прокурору Тельшайского уезда и начальнику тюрьмы N 2 МВД Лит. ССР.

Ст. опер. уполномоченный ОУР УО МВД АССР ст. лейтенант _____ (КУЛИКОВ)

Настоящее постановление мне объявлено: "_____" сентября 1949 года. _____ (ШЕРЕНАС)

Питер СИХРОВСКИ

РОЖДЕННЫЕ ВИНОВНЫМИ

Мы продолжаем публикацию глав из книги Питера Сихровски "Рожденные виновными (дети из семей нацистов)". Книгу перевела на русский язык Рахиль Самойловна Горелик.

Редакция журнала "Карта" сердечно благодарит сотрудника Фонда "Дискуссионное пространство" Галину Козлову за предоставленный материал.

"СТРАДАЮЩИЙ"

Стефан (29лет)

Мне всегда везет, так же как, тебе. Я был "евреем" в своей семье. Отец, мать, бабушка — все терроризировали меня. За мной они зорко следили. Они хотели сделать меня совсем маленьким, не погубить, нет, тогда все было бы позади. Так, как у

птицы вырывают одно крыло и потом наблюдают, как она в отчаянии пытается взлететь.

Я пытался от этого освободиться, от всего ускользать и делать так, чтобы мною не интересовались. Когда я чувствовал, что что-то меня волнует, я сопротивлялся, не давая этому чувству возникнуть. Уродителей было седьмое чувство. Когда они только подозревали, что меня что-то волнует, они тут же реагировали. Каждую рану они чувствовали, им доставляло удовлетворение обнаружить какую-нибудь мою слабость. Ребенком я фантазировал, что выживу, только если смогу спастись от них. Покажи им свои раны, и они посыпят туда соль. Прихожу я домой с разбитыми коленями, получаю дополнительную взбучку за испачканные штаны. Если я плакал — побои, потому что я веду себя не как мужчина. Пытаюсь получить помощь — меня высмеивают. Они топтали меня ногами до тех пор, пока не отваливались каблук.

О вас — евреях — всегда говорят как о настоящих жертвах войны. Но для тех, кто ее пережил, война

Женский блок концлагеря Берген-Белзен.

ФОТОАРХИВ МУЗЕЯ ХОЛОКОСТА (США)

была позади, когда Гитлер покончил с собой. Только для нас, детей нацистов, война продолжается. Семейное поле битвы открывали героитретьего рейха в то время, когда его собственный герой испепелился.

Родители развивали во мне комплекс неполноценности с непередаваемой последовательностью. Ребенком я был настоящим идиотом. Всегда и везде только страх, перед всеми и каждым. В школе меня всегда избивали соученики. Я не понимал, что можно защищаться. Этот страх сидит во мне и еще сегодня. Перед каждым авторитетом я был неуверен, судорожно сжимался.

Когда прервалась моя первая связь, я был еще так глуп, что пошел к матери. Как я ожидал встретить ласку и понимание! Моей матери не пришло в голову ничто другое, как сказать, что в этом разрыве, несомненно, моя вина... С чем бы я к ним не пришел, всегда они со мной расправлялись. Ласки вообще не было. Я не могу вспомнить, чтобы хотя бы раз сидел у матери на коленях или она брала меня на руки. Или что отец однажды погладил меня по голове; поцелуев, например, вообще не было.

Позднее у меня было запутанное представление о женщинах. Я исходил из того, что существуют только богини или потаскухи. 99 процентов — потаскухи, редкие богини, к сожалению, мне не встречаются. Я всегда думал, что если я им дам все, что они хотят, они меня тоже будут любить. И я им все давал. Баловал их, дарил им все, что им только хотелось, но все они меня обманывали. Когда мне было уже 18 лет, я хотел поехать со своей первой подружкой в Италию; полгода я собирал деньги на билеты. Потом я дал ей деньги на билеты для нее — больше я ее не видел. Но это было только начало.

Или с религией. В 14 лет я стал очень религиозным. Каждое воскресенье ходил в церковь, по пятницам не ел мяса, усердно молился. Но вскоре я от этого отказался, и это тоже не очень помогло. Одно время я думал о том, не лучше ли перейти в буддизм. Это религия кротости, она мне по вкусу. В ней речь идет о любви и контактах. Я мог бы просто перейти в буддизм, но не осмеливался. Мои родители лишали меня каждого желания к переменам. Все, что было запрещено, я загонял внутрь, о том, чтобы задавать вопросы или что-то требовать, вообще не могло быть и речи. Единственной мыслью, которая поддерживала во мне жизнь, была вера в любовь. В один прекрасный день ты познакомишься с богиней и тогда все будет иначе.

Лет в двадцать я почувствовал, что все не ладится в моей жизни, и был этим сильно ущемлен. Все было цепью ударов, которые следовали один за другим. Когда я однажды рассказал отцу, что у меня не ладится с женщинами, он дал мне совет один раз пойти в бордель. Это была его "поддержка". Я думаю, что я был сильным только в детстве. Взрослым я становился слабее. В то время, как другие продвигались в своем развитии и медленно становились самостоятельней и жизнеспособней, я становился неуверенней и пугливей. Моя потребность в защите и безопасности становилась все сильнее. Но кто меня сегодня защищает? Я так же нахожусь в опасности, как и евреи, это у меня с ними общее. Поэтому они мне так симпатичны. Грубость моего

отца раньше, несомненно, была направлена против евреев, но после войны их больше здесь нет. Теперь она направлена против меня. Отец был горд тем, что он делал. "Этим" он показал, — говорил он часто. "Эти" перед ним дрожали. Вначале отец был в СА, но вовремя оттуда ушел. Он всех презирал. Евреев, цыган, гомосексуалистов, коммунистов. Сегодня он их ненавидит так же, как раньше. Только он слишком трус, чтобы сказать об этом открыто. Только в своих четырех стенах он большой герой. И его жертвой после войны был я. Я не знаю, что делал мой отец во время войны. Меня не было тогда на свете. Я тут ни при чем. И я не чувствую себя за это ответственным. Такие слова, как со-виновность, со-ответственность, печаль я нахожу неуместными. За то, что делал мой отец, я не могу себя обвинять, это был он, а не я. Я так же мало имею отношения к его делам, как к нему самому. Я совсем другой человек, вероятно, даже прямая противоположность. Я чувствую себя на другой стороне, как те в третьем рейхе, кто страдал от него. Его грубость и агрессивность сегодня опасны только мне, не другим, которых он почти беспрерывно ругает, но именно только говорит.

Меня он всю жизнь истязал. Почему теперь от меня требуют, чтобы у меня было особое сочувствие к жертвам национал-социализма? Для них все уже прошло. Кто хорошо продумал, получает большую помощь. Но нас, потомков нацистов, никто серьезно не воспринимает. Напротив! Пытаются нам доказать, что мы такие же, как наши отцы. Как часто учитель в школе говорил мне, когда он заставлял меня закурением, что другого он от меня не ожидал. Всегда были намеки на моего отца.

В течение какого-то времени отец был городским комендантом СС. Больше всего ненавидят его в городе социалисты. Некоторых из них (в свое время) он сажал в тюрьму. Из евреев никто после войны к нам в город не вернулся. Вероятно, никто из них не выжил, я не знаю.

Если бы я тогда жил, я бы, безусловно, не пошел в СС. Возможно, я бы был одним из первых, кого бы нацисты арестовали. Я не из преступников. Это другие. Это грубые, суровые люди. Такие, как друзья моего отца. Они могли бы выпить три литра пива и не быть пьяными. Мне плохо уже после двух стаканов. Они могли бы, вероятно, спать с любой женщиной, вне зависимости от того, любят они ее или нет. Они жрут, пьянствуют, развратничают всю жизнь, а когда кто-нибудь стоит у них на дороге, они его устраняют. Давят его, как муху, которая им мешает.

У такого отца я был обречен на крушение. Нет никакого выхода. Я бы его поменял на любого другого. Но и мать не лучше. Обычно, что не дает отец, получаешь от матери. К ней я имею, естественно, еще больше претензий. От нее я не видел ласки. Она была крепкой, немецкой женщиной. Широкой и толстой, с руками как у мясника. При переходе улицы,

ФОТО
"DER SPIEGEL"

Концлагерь Хефтинг. Освобождение. 1945 год.

ФОТО "DER SPIEGEL"

я, маленьким ребенком, давал ей руку; когда она ее отпускала, рука была побелевшей и бескровной.

Мать была внебрачной дочерью бабушки. Бабушка работала в маленьком продуктовом магазине отца матери. Думаю, моя мать не знала, кто ее отец. Бабушка еще жива. Старая злая женщина. Всегда в плохом настроении, с волосами на подбородке, как у цыгана.

Бабушка еще и сегодня восторженная национал-социалистка. Ее любимая фраза: "При следующем Гитлере такого конца не будет. Он не допустит поражения ни от кого".

Она убеждена, что будет новый Гитлер. И когда я пытаюсь спорить с ней или говорю об ужасах нацистского времени, она кричит, что меня будто подстрекают евреи и коммунисты, которые теперь правят. Когда я ей однажды сказал, что меня так же, как и еврея, преследуют преступники, одна из которых — она, бабушка швырнула в меня домашний тувель. Ходить хорошо она уже не может.

Родители моего отца также еще живы. Дедушка рабочий, строитель. Бабушка всегда дома. У отца было еще два брата, они погибли в войну. Отец и бабушка не могут друг друга переносить. Дедушка считает всегда, что отец себя только унижил во время войны. Оба брата воевали хотя бы против настоящих солдат. Отец же против беспомощных. Но не поймите меня неправильно. Дедушка также был убежденным нацистом. Он только терпеть не мог СС. Он считал, что они виновны в том, что война была проиграна. Одно из его изречений — "если бы они меньше воевали в глубоком тылу, а больше на фронте, тогда Ивана сегодня не было бы".

Он ненавидел русских, но также и американцев и, естественно, евреев и негров. Родители отца живут в нашем же городе. На расстоянии получаса ходьбы. От всех исходит только ненависть и презрение. Это было окружение, в котором я вырос. Это была не только политика или точка зрения на определенные проблемы. Их сознание касалось почти всех сфер жизни. Прежде всего в этих оргиях зла касались тем еды, секса и рас. Одни жрали, другие развратничали и все, что было не немецким, должно было так или иначе быть истреблено.

Но проблемы сексуальности стоят передо мною. Любовь к другим людям, отношения вообще и, естественно, любовь к природе и к себе самому. Люди, подобные моим родителям, дедушке и бабушке, не могут любить. Ничто и никого. Они не могли бы даже представить себе, что можно кого-нибудь любить.

Я совсем другой. Для меня любовь — самое важное в жизни. Я могу также простить и любить того, кто меня презирает. Думаю, что самое важное отличие от моих родителей — способность чувствовать. Впечатлительность для моих родственников — чуждое слово.

О моей жизни больше нечего рассказывать. До окончания среднего образования я жил у моих родителей, это было лет десять тому назад. Потом я поехал во Франкфурт, продолжал образование. В школе я всегда был одним из самых маленьких, добиться признания я тоже не умел. Меня били, и я всегда был посторонним. Вероятно, потому, что я был довольно полным и неспортивным. Из-за моих темных волос я

действительно выглядел, как маленький еврей. Мужская возня молодежи была мне противна. Они укрادкой курили, играли в футбол и подкрадывались к девочкам. Я часто ходил с ними на стадион, но не играл с ними. Я должен был приносить мяч, для этого нужно было садиться за воротами, если кто-нибудь ударит мимо. Однажды, мне тогда было 11 или 12 лет, несколько ребят с одной девочкой пошли в кусты в стороне от стадиона. Девочка сняла свои штаны, высоко подняла юбку и каждый должен был смотреть. Я стоял в стороне и хотел уже удрать, но Герхад, он был старшим, окликнул меня и сказал, что я должен вставить палец. Я тотчас же хотел удрать, но другие крепко держали меня и тащили к девочке. У нее вообще не было страха, она только смеялась. "Делай уже!" — кричали все и толкали меня вперед. Я бросился на землю, плакал, умолял их отпустить меня. Тогда они меня отпустили. Через неделю ребята в школе рассказывали обо мне анекдоты. И что было ужасно — девочка тоже высмеивала меня.

Я всегда был один. И позднее, во время учебы во Франкфурте. Я жил у тети моей матери, имел отдельную комнату, но продолжался такой же ад, как и дома. Тетя была точно такой же, как и мои родители.

Год тому назад я познакомился с моей нынешней подругой и переехал к ней. Она немногим старше меня, разведена, у нее двое детей. Она признает меня, не агрессивна, с ней я впервые такой, как я есть. С занятиями я не очень успевал. Профессора требовали только внешних знаний. Понимание или дискуссии не требовались. И здесь продвигались только сильные, везде одно и то же. Один из профессоров был евреем. Но и этот не отличался от других. В нем я был больше всего разочарован. Я думал, что с ним можно будет спокойно поговорить, он тебя поймет. Но он так приспособливается к другим, что нельзя узнать в нем по-настоящему другого. Однажды во время экзамена я попытался ему объяснить, что мне не так просто, как другим, учиться, как автомат. Знаешь, что он мне ответил? Я, мол, должен поступить на работу в банк, если мышление так меня утомляет. Мило! Нацисты преследовали и почти полностью уничтожили его народ, и он ничему не научился на этом, это мне напоминает ментальность таких господ, как мой отец.

Домой я хожу очень редко. Вероятно, один раз в месяц. Там ничего не изменилось. Всегда одни и те же разговоры и дела — десятилетиями. Отец ругает русских, мать — торговку овощами, меня ни о чем не спрашивают. В лучшем случае, когда я вхожу, обычный пустой вопрос: как идут занятия? Еще до того, как я ответил, они говорят уже о чем-то другом.

Отец теперь уже на пенсии. После войны он работал в какой-то строительной фирме. Он отвечал за покупку материалов. Его шеф был таким же нацистом, как он. Когда они были вдвоем, они говорили только о войне и арестах. Оба они были в СС, чаще всего, выгоняли людей из их квартир, они еще гордились этим. Они рассказывали, смеясь, как часто мужчины плакали и просили разрешения еще что-нибудь взять с собой. Отец и его шеф всегда гордились своими преступлениями. Матери это не мешало. Она присутствовала при этом, вязала и смеялась. Если я вставал и выходил из комнаты, мать меня окликала, я должен был брать пример с отца, он был когда-то героем, а не такой тряпкой, как я.

Отец некоторых расстреливал сам. Будто бы они хотели ночью удрать. Были молодые люди, которые прятались и не хотели идти в армию. Отец несколько раз точно описывал, как он это тогда делал. Он ненавидит и сегодня дезертиров, но также и офицеров. Одни были трусами, другие сидели в казино, разрешая третьим воевать за себя.

Ушефа моего отца, с которым они вместе были на войне, тоже был сын. С ним я часто разговаривал о нашей ситуации. Мы — жертвы нацистов, которые живут еще сегодня. Мы — жертвы, пережившие фашизм. Никто не осознает это так точно. Когда Гитлер умер, многие из его помощников остались живы и искали новых жертв. Я чувствую теперь симпатию к цыганам, гомосексуалистам и евреям. Собственно говоря, я принадлежу к ним. Кроме двух наших кошек, никто не относится ко мне ласково. Но отец мой мучает их. Он толчет их и пытается поймать за хвост. Грубость отца угрожает всем.

Сегодня у меня нет никаких союзников. И в евреях я разочаровался. Они меня не взяли в студенческий союз, и у меня, собственно говоря, такое чувство, что они не хотят иметь со мной дело.

Когда я думаю об Израиле, я могу себе представить, почему. Теперь настоящие жертвы совсем другие. Теперь евреи — агрессоры. Студенты-евреи, которые учатся здесь, — зазнайки, это не описуемо. Солидарности они не знают. Страдание другого они не хотят знать. Они думают только о себе. Но это уже давно прошло, сегодня речь идет о других. Сегодня евреям лучше, чем всем другим. Им, как и черным, повсюду оказывают предпочтение. Только нас, детей нацистов, оставляют без внимания, нас не замечают. Мы — это воплощенное наследие нацистской идеологии, результат оплодотворения

чертом, креатуры фашизма внутри своих четырех стен. Я теперь никому не сочувствую.

Все эти группы, которые возникают в Университете в защиту Южной Африки, Чили или евреев в Советском Союзе. Я плюю на них. Они выискивают свои жертвы как можно дальше от себя, не входя с ними в контакт. Они демонстрируют по поводу нескольких деревьев или ракет только потому, что могут из-за этого погибнуть. Все они — эгоисты или введены в заблуждение сочувствием, чтобы важничать. Но по настоящему обиженных в собственной стране никто не видит! Впечатлительность и эмоции в нашей стране не в почете. Я не победитель и не могу здесь преуспеть в чем-нибудь. Никто, кроме моей новой подруги, не знает, что такое преданность или самопожертвование. Я калека в среде настоящих спортсменов, которые говорят только о рекордах. Они не однажды видят меня сидящим в инвалидном кресле. Этот мир — не мой.

“ПОЛНАЯ НАДЕЖД”

Сюзанна (42года)

Посмотри на меня, вот я здесь сижу. Мое лицо, глаза, рот, нос. Что ты видишь? Скажи мне, наконец, что ты видишь? Предположим, ты встречаешь меня в супермаркете. Мы стоим друг за другом в кассу. Я оборачиваюсь, ты смотришь мне в лицо. Ты ничего во мне не находишь. Ничего особенного. И когда сегодня мы говорим о том, что я дитя убийц — это смешно! Как выглядит дитя убийц? Скажи мне, только честно, какой ты меня представлял? Ты всегда имел представление о том, как выглядит некто, подобный мне?

Я была зачата в 1944 году. Вероятно, в то время, когда твоя бабушка была уничтожена в каком-нибудь

Советские врачи в Освенциме. 1945 год.

ФОТО “DER SPIEGEL”

концлагере. Или после этого, после работы, после окончания службы. Отец приходил домой и ложился с матерью в постель. Возможно, после ужина. Не понимаю, почему именно с тобой я говорю об этом. Но с кого-нибудь я должна начать. Ты, собственно, первый, кто хочет говорить об этом. Наверное, это будет лишь одно мучение. Раньше, когда я была маленькой, в школе у нас было несколько учителей, которые говорили на эту тему. Один из них вернулся из эмиграции. В 1938 году вместе со своими родителями он покинул Германию и в 1945 вернулся из Лондона с намерением, как он уверял нас всегда, помочь нам в строительстве новой Германии. Он старался самым реалистичным образом представить нам ужасы нацистского времени. Но это потрясло его, а не нас. Часто он весь дрожал, отворачивался и тайком утирал слезы. Нас это волновало не больше, чем воскресная месса. Фотографии, фильмы, его заверения, предостережения. Все это воспринималось как урок. Звонил звонок, он входил, раскрывал свой портфель, устанавливал киноаппарат, включал его. Изображения сменялись перед нами. Учитель читал выдержки из книги, показывал нам фотографии. Мне было тогда 14 лет. Урок заканчивался, мы ели принесенный из дома хлеб, на следующем уроке приходил учитель математики. Несколько минут спустя он говорил о прямых и кривых. Наш мозг пытался решать математические, а не исторические загадки. Все это было как-то бессмысленно.

Мой отец в 1948 году был приговорен к десяти годам. В пятидесятом он был отпущен. Когда он исчез на два года, мне было три. Меня это никогда не удивляло. Мне было пять лет, когда он вернулся. Этот день я могу вспомнить очень точно. Он просто неожиданно пришел домой. Об этом дома никогда не говорили. Отец еще жив. Ему почти девяносто. Большой, гордый человек, с еще густыми белыми волосами. На левой руке ампутирована кисть. Он носит протез с черной перчаткой, рука неподвижна. Пальцы подвижны. Он все время выдвигает их вперед, как будто хочет подать руку. Удивительно, что эту руку я всегда помню, когда думаю об отце. Я ничего плохого с ним не связываю. Напротив. Он меня никогда не бил, не кричал на меня. Был спокоен и готов понять меня. Пожалуй, слишком спокоен.

“Я расскажу тебе все, что тебя интересует, только спрашивай меня”, — говорил он мне часто. И затем всегда следовало самое главное: “Ты должна передать это своим детям. Это никогда не должно повториться”. Он возлагал на меня ответственность за будущее. Мои дети не должны были повторить его ошибки. Проблемой для меня было только то, в чем, собственно, они заключались? Все эти исторические представления, эти рассказы всегда были анонимными.

Штерн — учитель, который вернулся из Лондона — однажды пригласил моего отца в школу. Отец пошел.

Регистрация заключенных в концлагере. Германия. 1938 год.

ФОТОАРХИВ МУЗЕЯ ХОЛОКОСТА (США)

ФОТО "DER SPIEGEL"

В это утро он очень нервничал. Но результатом того посещения стали их регулярные встречи. Это исходило от моего отца. Он хотел снова и снова видеть учителя и говорить с ним. Самым большим желанием отца было быть понятым кем-нибудь. Для меня это до сих пор загадка. Как именно со Штерном, который, собственно, был одной из его жертв, он мог разговаривать подолгу и так обстоятельно. Когда я подросла, отец часто говорил мне: "Эту войну мы

хотели тогда, по меньшей мере, выиграть. Уже в 1943 году мы знали, что войну против союзников мы проиграем. Но евреи должны были умереть".

Он постоянно пытался мне это разъяснить. Совершенно спокойно, без крика. Он пытался заручиться моей поддержкой. Он повторялся сотни раз. Все его рассказы были просты и логичны. Повествования о самых страшных зверствах звучали как сообщения о путешествиях или других событиях. Чаще всего я сидела перед ним молча, слушала его и ничего не говорила. Нередко ловила себя на том, что мысленно где-то далеко. Или я смотрела мимо отца, в окно, фиксировала взгляд на какой-либо точке противоположной стены и думала о чем-то своем. Он говорил сонным, монотонным голосом. Смотрел на меня при этом, и у меня часто возникало чувство, будто я должна, вынуждена вечно слушать его.

Когда мне было шестнадцать лет, он поехал со мной в Освенцим. Он знал этот лагерь, поскольку какое-то время работал там. Мы примкнули к одной группе, говорящей по-немецки. У нас был немецкий экскурсовод, бывший заключенный. Никогда я не забуду то, что мы увидели. Среди нас было много моих ровесников. Единственное отличие: это были дети тех, кто подвергался преследованиям при нацизме.

Отец во время экскурсии не проронил ни одного слова. Позже в машине, на обратном пути в город, он начал мне растолковывать, что, по его мнению, неправильно объяснял экскурсовод. Отец говорил о селекции при приезде заключенных и подсчетах: 60–70% прибывших всегда тотчас же направляли в газовые камеры. Остальных посылали на работы. Экскурсовод же сообщил, что только немногие не были сразу уничтожены. При этом отец оставался совершенно спокоен. Заканчивал он свой рассказ вопросом: "Ты вообще можешь себе представить, как страшно все это тогда было?" Когда я сегодня об этом вспоминаю, деловой подход отца представляется мне ужасающим. Эти сообщения, описания, тщательное нанизывание впечатлений. Никогда, например, я не видела в его глазах слезы. Ни разу он не прервал свой рассказ, не остановился, всегда имел силы его продолжать. Эти рассказы были всегда монотонными, похожими на чтение.

Я выросла только с отцом. Матери я не знала. Она погибла во время одной бомбежки. Мне тогда было всего несколько месяцев. Потом у нас была няня: она вела домашнее хозяйство и заботилась обо мне.

Отец относился к ней очень хорошо. Как я уже говорила, он был спокойный, приветливый человек. По его мнению, все объяснимо и имеет свою собственную логику. Если сразу разобратся, почему что-то произошло — исчезнет непонимание и самая мрачная фантазия.

Все, что тогда случилось, было для моего отца системой из причин и следствий.

Отец моего отца был офицером, поэтому и он стал офицером.

Родители моего отца были убежденными нацистами, отец был таким же. Все семейство, из которого он происходил, было привержено нацизму с самого начала. Его отец, которого я, кстати, не знала, погиб во время войны (был даже знаком с Гитлером). Мой отец рассказывал иногда, что он также лично встречал Гитлера в первые годы — между 1930 и 1933 годами. При этом отец добавлял: "Притягательной силе Гитлера нельзя было противостоять".

Самое страшное, что произошло во время войны, было для него также следствием условий и обстоятельств. Но чтобы быть справедливой: отец не оправдывал случившееся. Он говорил об убийцах и предателях. Он никого не оправдывал, а пытался объяснить, что многое не соответствует тому, о чем сегодня пишут в прессе или в наших учебниках. Но виновным, виноватым он сам никогда себя не чувствовал. Ни разу не сказал о том, что он совершил ошибку или участвовал в преступлениях. Он был жертвой обстоятельств. И я всегда верила всему этому. Верила его заверениям и принимала все, что произошло, за ужасный несчастный случай. Никогда не подозревала его в со-виновности. Но все изменилось, когда появился мой сын, он разрушил мое представление о мире. Однако к этому я приду позднее.

В 1962 году я завершила среднее образование и начала изучать психологию. Позднее я изменила специальность и стала учительницей средней школы. Уже в начале занятий я познакомилась с Хорстом. В 1965 году мы поженились и в 1966 родился мой сын Дитер. Мой муж — тоже педагог. Его специальность — немецкий язык и история.

Три или четыре года тому назад Дитер пришел домой и рассказал, что присоединился к группе, которая занимается историей и судьбой евреев в нашем городе. Великолепно, сказала я, и была горда сыном. Хорст, преподававший историю, сказал, что хочет ему помочь советами, книгами или как-то иначе. Хорст и я не подходили к этому вопросу предвзято. Мы даже немного гордились тем, что наш сын занимается такими важными делами. Дитер регулярно встречался со своими друзьями. То у родителей одного, то у другого, часто и у нас дома. Они рылись в материалах городского архива, писали письма в

Сержант Вудс (США) готовится к казни нацистских преступников. ФОТО "SIPA PRESS/SEL"

Концлагерь Бухенвальд.

ФОТОАРХИВ МУЗЕЯ ХОЛОКОСТА (США)

http://www.ushmm.org

еврейские общины и пытались найти в нашем городе тех, кто пережил нацизм.

Через несколько недель все внезапно изменилось. Я предчувствовала неприятность. Дитер редко бывал дома, каждую свободную минуту он проводил со своими друзьями. Я почувствовала, что чем дальше он будет заниматься этой проблемой, тем все больше отдаляться от нас. Он разговаривал с нами только о своей работе, больше ничего не рассказывал и становился все более замкнутым.

Однажды во время ужина Хорст и я попытались завести с ним разговор, мы спросили его, как обстоят дела с работой в группе. Он оторвал глаза от тарелки, посмотрел на меня и произнес довольно агрессивным тоном: "Что, собственно говоря, делал дедушка во время войны?"

Я подумала: хорошо, что он интересуется и имеет право знать, чем его дед тогда занимался. И я должна ему рассказать то, что знаю. Отец находился в это время в доме престарелых, расположенном в 80-ти километрах от нас. Мы посещали его один-два раза в месяц, но Дитера брали с собой редко. Так я рассказала Дитеру, что знала о том времени, которое мне было известно только по рассказам отца. Я попыталась объяснить, представить, описать, прокомментировать — это был мир фантазии. Как я теперь знаю, он не имел общего с реальностью.

Дитер недолго прислушивался, не глядя на меня. Потом внезапно вскочил, швырнул вилку и нож на стол, застучал по столу, глядя на меня большими испуганными глазами, и закричал: "Ты лжешь, он — убийца! Ты лжешь, лжешь! Дедушка был и есть убийца!" Он снова и снова кричал, пока не встал Хорст и не дал ему оплеуху. Потом кричала я на них обоих, было ужасно. Дитер пошел в свою комнату, прикрыл дверь и до конца вечера не выходил к нам. Что-то сломалось в нем. Как часто я пыталась говорить с ним, объяснить ему, что тогда — в этом проклятом тогда — произошло. Я говорила как со стеной. Он сидел передо мною, пристально смотрел на свои колени, сжимал пальцы и не отвечал. Это было бесцельно. Он ничего не хотел слышать ни от меня, ни от Хорста.

Через несколько недель он пришел домой, вытащил из своего школьного портфеля стопку бумаг и положил передо мной на кухонный стол. Это были старые документы.

"Ты знаешь семью Коллег?" — спросил он меня. "Нет, не слышала", — ответила я. Он показал на бумаги, лежащие на столе: "Из этих бумаг следует, что они когда-то жили в этом доме". — "Ты думаешь, в нашем доме?" — спросила я и попыталась прочитать один из документов. "Да, там, где мы теперь живем", — сказал он. Я не знала, что он имеет в виду. "Что ты хочешь этим сказать?" — спросила я его. "Неважно", — отвечал он и говорил вполне спокойно. "Коллеги были в 1941 году изгнаны из этого дома и умерли в 1944 в Освенциме. Твои любимые отец и мать въехали сюда через день, через день после этого". Потом он вырвал газету из моих рук и закричал: "Должен я прочитать тебе это вслух? Должен я прочитать тебе это! Здесь, здесь это написано, и здесь жили Марта Коллег двух лет, Анна Коллег шести лет, Фреди Коллег двенадцати лет, Гарри Коллег сорока двух лет и Сюзанна Коллег тридцати восьми лет. Выселены 10 ноября 1941 года. Депортированы 12 ноября 1941 года. Официальная дата смерти детей и матери 14 января 1944 года. Отец пропал без вести. Место смерти — Освенцим. Вид смерти... Ты хочешь еще знать подробности? Можно? И при всем этом ты будто бы ничего не знала? Твой отец тебе ничего не рассказывал?" Я тогда ничего не ответила. Нервно начала заниматься чем-то в кухне. Не знала, что я должна об этом сказать. Отец мне не говорил, что мы живем в конфискованном доме. Я всегда думала, что это старая семейная собственность. Но что, черт побери, я должна была действительно сказать моему сыну! Заключить с ним союз и обвинить собственного отца?

Я попыталась говорить об этом с моим отцом, Хорст пообещал мне поговорить как-нибудь спокойно с Дитером. Но этот разговор не помог нам. Напротив, отныне сын изменился и по отношению к мужу. Хорст был также не очень искусен со своими советами. Он — убежденный сторонник "зеленых" и считает себя "левым". По его мнению, у нас теперь другие проблемы, например, экологические и атомная энергия. Он пытался влиять на Дитера в этом направлении. Постоянно говорил о том, что сегодня фашизм — не тема для молодого немца, что прошлое это — прошлое и, в конце концов, должно быть

забыто. Критика фашизма — это дело философов, а не "молодняка периода полового созревания". Молодые люди должны теперь протестовать против атомных электростанций, против загрязнения окружающей среды. Все другое общественно обусловлено и должно измениться в ходе развития общества, и тогда фашизм не сможет повториться и т. д.; все это теоретическая болтовня. Дитер сидел перед ним, качал головой, пытался с ним спорить, но Хорст этого не допускал. Когда Дитер умолкал, Хорст все продолжал говорить. Я пыталась прервать обоих и спрашивала Дитера, что он об этом думает. Дитер смотрел на меня, на Хорста и говорил одну единственную фразу: "Что делать, если мой собственный дедушка — убийца?" После этого вставал и уходил в свою комнату.

Следующие недели были еще ужаснее. Каждый вечер — дискуссии, крики, слезы и обвинения. Дитер и я насккивали друг на друга, как люди различных религий и различных правд. Хорст спасался сидением у телевизора и вообще больше не вмешивался. Он приходил с бессмысленными советами: мы должны прекратить эти разговоры и ко всему относиться не так серьезно. Но все это не помогало, напротив, Дитер ко всему относился всерьез.

Постепенно во мне развивалось чувство страха потерять собственного сына. Разрыв с собственным отцом не произошло, несмотря на множество сведений, которые я узнавала от него. Теперь я должна была бояться, что может возникнуть трещина между мной и сыном. Я оказалась в ужасной ситуации — выбирать между сыном и отцом.

Я, естественно, хотела вначале попытаться выяснить отношения с сыном. После того как в течение двух недель мы вообще не разговаривали друг с другом, я попросила как-то Дитера еще раз выслушать меня. Я попыталась объяснить ему, как дедушка передал мне свои переживания, рассказала ему о посещениях Освенцима и других впечатлениях моей юности. У меня были серьезные намерения показать сыну, как повлияла на меня история моего отца и национал-социализма, как я реагировала на это и насколько это меня вообще занимало. Я пыталась разъяснить ему различие между двумя поколениями. В его возрасте мы не пришли еще к идее изучения в рабочих группах истории города в период нацизма. Как глупы и наивны, насколько незаинтересованы мы были тогда по сравнению с сегодняшней молодежью. Или, возможно, тогда эта тема была очень болезненной.

Это был очень серьезный разговор. Дитер спокойно слушал, задавал мне множество вопросов и не отклонял мои доводы. Но, думаю, что самым главным для Дитера были мои заверения, что я не буду любой ценой защищать дедушку. Что дед не должен стоять между мной и им, что он, Дитер, не должен видеть во мне бывшую национал-социалистку, которая все еще во власти прошлых идеалов. Дитер понял также, что не так просто осуждать собственного от-

ца как убийцу, если его с этой стороны не знал и не видел, а он сам открыто ее не проявлял.

В сущности говоря, я просила сына о прощении и, кроме того, о большем понимании моей ситуации. Вне сомнения, я изменила свое мнение о том времени и делах деда.

Это было, вероятно, решающим шагом для того, чтобы Дитер и я снова нашли друг друга.

После того важного разговора произошло нечто удивительное для меня. Я солидаризировалась с сыном против собственного отца. И все больше и больше интересовалась его работой в группе. Он показывал мне все, что он собирал и изучал со своими друзьями. Их группа все чаще приходила к нам, я сидела тихо в углу и прислушивалась. Это было для меня захватывающе интересно — сопереживать молодым людям в их сегодняшнем понимании истории. Это поколение было просто непосредственной, у него было меньше страха и препятствий.

Но еще долго не все было в порядке. Я постоянно каждое воскресенье посещала своего отца и каждый раз собиралась поговорить с ним. Но все не делала этого. Он едва мог ходить, плохо слышал, большей частью я возила его в коляске по парку дома для престарелых. Я была не готова к разговору об обстоятельствах, которые привели его в дом, в котором я теперь живу.

Эсэсовец Айхелсдорфер, комендант лагеря Кауферинг-IV.
ФОТОАРХИВ МУЗЕЯ ХОЛОКОСТА (США)

Я попыталась убедить Дитера в том, что он должен пойти со мной, чтобы поговорить с бабушкой. Он не хотел: "Он твой отец".

Я верила, правда, тогда, что ему разговор с бабушкой был бы неприятен. Еще через несколько недель Дитер пошел со мной. Бабушка почти год не видел моего сына и очень обрадовался ему, расспрашивал его о школе. Оба держали себя так, будто они хорошие друзья. Я уже думала, что Дитер отказался от своих намерений. Но я ошиблась. После первоначального разговора обо всем, Дитер перешел к делу.

Он задал моему отцу те же вопросы, что и мне: знает ли он семью Коллег? Нет, отвечал отец, он не слышал о ней. Дитер спросил затем, как бабушка оказалась в доме, в котором мы теперь живем. Он его купил, отвечал отец. У кого, продолжал Дитер. У одного домоправителя, сказал отец. Знал ли он о том, кто жил в этом доме до него, спросил Дитер. Нет, он не знал, сказал отец. Разговор шел обо всем понемногу. Дитер не переходил в наступление на моего отца. Он задавал отцу несложные вопросы, отец отвечал так, как всегда говорил. Постепенно у меня зародилось подозрение, что отец, вероятно, в действительности не знает, как это было. Но Дитер в своей проникающей манере ставить вопросы не отступал. Дед потерял терпение. "Что ты пытаешься узнать?" — спросил он Дитера. И Дитер рассказал ему о рабочей группе и материалах о нашем доме, которые они нашли, о доказательствах изгнания семьи Коллег, жившей в нем.

Но мой отец все отверг. Этого он не знал, дом он нормально купил и сегодня в первый раз слышит, что в нем до нас жили евреи. Дитер ему не поверил, но не стал спорить с бабушкой. Он шепнул мне, что нет никакого смысла говорить с ним об этом.

В тот день отец для меня умер. Человека, которого я посещала в следующие месяцы, я больше не знала, он меня больше не интересовал. Катая его по парку, я говорила о чем-то незначительном, никаких личных разговоров больше не вела. Отец после посещения его Дитером был для меня лжецом. И я не хотела думать о том, что все, что он рассказывал мне в течение моей жизни, было ложью. Ничего не было достоверным, все рассказывалось не полностью или в искаженном свете.

Теперь я посещаю отца только один раз в месяц. Дитер с тех пор больше со мной не ходит. Я ему и не предлагаю. Ныне я на его стороне, и все мои надежды связаны с ним. Он свободен от влияния поколения моего отца, и это хорошо. Он растет значительно свободнее, чем я, и далеко не так верит в авторитеты. Но самое главное переживание — это то, что, благодаря сыну и вместе с ним, я порвала со своим отцом. Этот старый человек в доме престарелых мне совершенно чужд. Если бы в кресле, которое я вожу через сад, сидел кто-то другой, я не была бы поражена.

"ВЕРЯЩАЯ"

Моника (40 лет)

Говорить о том, что мой отец был в СС, я решилась не так давно, вероятно, лет десять тому назад. До этого я не осмеливалась на такое. Я всегда думала,

что если кто-нибудь об этом узнает, я останусь в одиночестве, никто не захочет обо мне что-либо знать. Таким я всегда видела и своего отца. Всегда в роли жертвы. Одинок, без друзей, никто больше не хочет его знать. Думаю, что я вечно должна жить, как он. Никогда и никому я этого не рассказывала.

Еще и теперь, когда речь заходит о прошлом отца, у меня начинаются судороги. Он был в войсках СС; будь он, по крайней мере, в войсках СА — они были не так ужасны. Надо же ему было быть в войсках СС! Я никогда не хотела знать, кем он был в действительности. Умом это понимаешь. Но чувство часто отказывает. Все это очень противоречиво. Моя сестра старше меня. Я родилась в 1947 г.; год назад она мне сказала, что она — дочь палача. Все во мне воспротивилось. Я подумала, нет, я не такая, такой я не хочу быть. Но моя сестра ненавидит отца, мысли о прошлом стали ее занимать очень рано.

Она всегда повторяла, говорит и теперь, что должна жить с тем, что она — дочь палача. Но для меня это не просто только добро или зло. Я всегда пытаюсь увидеть в человеке и то, и другое. И это отчаяние и фантазия — видеть в зле добро, а в добре зло — занимают меня, думаю, всю мою жизнь. После окончания средней школы я изучала психологию. Затем стала работать в экспериментальном подразделении тюрьмы. Речь шла там об опытных характере приведения приговора в исполнение. Чаще всего меня тогда интересовала работа с совершившими так называемые тяжкие преступления. У меня хорошо складывалось общение с ними, и я не боялась их. Часто бывали чуть ли не забавные ситуации. Здоровенные парни, которые, возможно, даже убивали людей, бушевали в своих камерах, ломали оборудование, и никто не осмеливался туда войти. Зачастую я была единственным человеком, осмеливавшимся просто входить и разговаривать с ними. Я всегда исходила из того, что в самом худшем из них есть доброе зерно или, по меньшей мере, положительная сторона. И я считала, что всегда смогу найти эту положительную сторону.

Тогда я видела силу в том, что могу обнаружить в человеке эту другую сторону. Слабые стороны, добро, зерно кротости в жестких людях, доброе в злом — это было для меня самым важным и интересным. Это я постоянно искала в своем отце.

Я не хотела признавать, что мой родной отец был соучастником всех этих преступлений и ничего другого в нем нет. Моей работой я хотела ему показать, что люди в тюрьме могут быть разными. Я хотела своей работой доказать себе, что и в худших людях я смогу увидеть то, что есть в нем, несмотря на его ужасное прошлое. Но все это было напрасно. На все, что я хотела показать, он реагировал полным отрицанием. Для него это были убийцы, воры, типы, не желающие работать, — все эти ужасные стереотипы. Он был как ненормальный, я пыталась склонить его к пониманию преступников. Но это было бессмысленно. У него не было никакого понимания преступлений другого. Он не видел в этих приговоренных ничего хорошего. Это был полностью извращенный мир; самого себя он, естественно, преступником не считал. Я постоянно пыталась доказать ему, что преступник не должен быть преступником. Но я была тогда совершенно не права, потому что он себя таким

Концлагерь Флоссенбург.

ФОТОАРХИВ МУЗЕЯ ХОЛОКОСТА (США)

<http://www.ushmm.org>

и не считал. О том, что он делал (в прошлом), никто не заговаривал. Годами я вообще ничего не знала. В отличие от моей старшей сестры — она все узнала гораздо раньше. Этой темы избегали. Об определенных делах не говорили. И я о них никогда ничего не спрашивала. Я держалась в стороне. Была такой тихоней.

До 1960-го года. Мне было 13 лет, когда родители рассказали, что отец был в СС. Он чувствовал себя никому ненужным, после войны прятался и выдавал себя за брата моей матери. Это была совершенно безумная история — даже моей старшей сестре говорили, что это не отец, а дядя Франц. В течение ряда лет это была семья, в которой собственному ребенку ввали, что отца нет, возможно, он еще вернется с войны и что у нее есть только мать и дядя. Естественно, моя сестра годами ждала отца. И постоянно, при любой ссоре моя маленькая сестра говорила о том, что все изменится, когда отец снова будет здесь.

Этот отцовский страх мне и теперь едва понятен. С одной стороны, я действительно не знаю, что он делал во время войны, а с другой — не могу верить его заверениям, что он ничего плохого не совершал, когда думаю о том, что он годами после войны прятался, был так напуган, что выдавал себя за дядю собственного ребенка.

Я могу еще припомнить случай, когда моя сестра как-то сказала мне: "Ты знаешь, кто наш отец? — Дядя Франц". Я была тогда слишком мала, чтобы все это понять. Когда я узнала об эсэсовском прошлом отца, я была его любимицей. И тоже его любила. Я просто не могла поверить тому, что мне о нем рассказывали. Все это должно было быть просто неправдой. Они пытались тогда объяснять мне это так: СС было элитарным формированием Гитлера, всегда ему преданным и сражавшимся за него. Поэтому говорить об этом — опасно. Все пряталось. Униформа — в подвале, фотографии — в белье. Постоянно опасались, что отца могут схватить. И до сегодняшнего дня я не знаю, чего или почему он боится.

Но это отрицание своей вины и постоянное утаивание, правило не выходить из дому и не разговаривать с посторонними — все это переносилось также и на меня. Я вспоминаю один случай, когда мы с подружкой по дороге домой из школы встретили папу: он ехал на велосипеде. Он сказал мне несколько слов, проезжая мимо нас. На вопрос девочки — кто этот человек — я ответила, что совсем его не знаю. Я всегда была в смятении. Отец прятался, я скрывала его; он не имел друзей, часами ездил на велосипеде. Прошло много времени, прежде чем во мне постепенно не появилось чувство ярости против отца. Я больше уже не вижу в нем две стороны, только одну. Чем

Шеф СС Гиммлер в лагере Освенцим.

ФОТО "DER SPIEGEL"

старше я становлюсь, тем яснее для меня его агрессивность и жестокость.

Снова возникают его фразы, забытые или вытесненные мною из памяти. Он обзывал меня калекой, если я не могла что-нибудь сделать. Он швырял мне в лицо такие слова: я, де, уклоняюсь от работы, при Гитлере я кончила бы в трудовом лагере. Эти крики, эти постоянные ор и буйство. Ни одной спокойной фразы, ни одного взвешенного ответа. Я никогда не слышала от него ничего положительного о ком-нибудь. Не могу себе представить, чтобы из его уст прозвучало что-либо похвальное или хорошее. Не так давно, когда он снова разразился словами об инвалидах и малоценных жизнях, я назвала его презирающим людей. Впервые он спокойно удивился, поблбднел и больше не сказал мне ни одного слова. С тех пор я с трудом заговаривала с ним. Тогда я ему сказала, что впредь не готова выслушивать от него такую бессмыслицу. Это его задело. В первый раз. Но теперь мне 40 лет.

Самое важное и самое тяжелое для меня то, что, в сущности, я и в самом деле не знаю, что он делал во время войны. Если раньше я пыталась заговорить с ним об этом — он уклонялся. И если при этом была моя мать, она все прекращала, говоря: "Зачем ты всегда заговариваешь с отцом на эту тему!"

Только когда он был в ярости, он выдавал себя. Обычно подобная сцена имела место перед телевизором. Вечернее обозрение, фильм о Третьем Рейхе, кто-то говорит о нацистском периоде — и начинается... Он орет: "Все одна ложь!" Любые сообщения или критика какого-то преступления — все было только "ложью". И однажды в таком приступе ярости он впервые рассказал, что жил в поселке караульного персонала рядом с Бухенвальдом. Он поведал, что там работали хорошо питавшиеся и хорошо одетые люди из лагеря. Для него это было, так сказать, доказательством того, что все утверждения о концентрационных лагерях — ложь.

И, естественно, он снова и снова говорил о евреях. Это была его любимая тема. Он объяснял мне ее обстоятельно: "Ты должна себе представить, что у них было тогда все — большие магазины, деньги, а другие не имели ничего, кроме бедности". И теперь

для него все точно так же, как тогда. В Америке заправляют евреи, моя учительница принадлежит к "красному сброду", всех подстрекают. Он все отрицал. Убийств не было. Лагерь уничтожения не существовало, личной вины вовсе нет. Завершением этого бессмысленного крика всегда была фраза: "Все это ты поймешь позднее и тогда будешь благодарить меня за то, что я всегда говорил тебе правду".

Несмотря на все эти переживания, мне было не так уж легко отделить во всем этом хорошее от плохого. Я боролась с отцом и с самой собой. Некоторые разговоры я записывала на магнитофон и потом прослушивала их с одной приятельницей. Они протекали по одному и тому же образцу. Всегда одни и те же избитые слова, постоянная агрессивность. Я пыталась приводить для него какие-то аргументы — нормально и спокойно. Годами пыталась это делать, никогда от этого не отказываясь. Только теперь вижу, сколь бессмысленны были мои попытки. Одно время у меня был друг, который тоже был изрядно агрессивен и постоянно кричал на меня. Когда он кричал, я вообще ничего не соображала, в голове было пусто. Точно как и с моим отцом. Я всегда старалась иметь дело с неагрессивными мужчинами.

Чем старше я становилась, тем больше отдалялась от семьи. Как-то я поняла, что невозможно изменить или переубедить таких людей, как мой отец. Поэтому единственное решение — уйти из дома. Я больше не приводила домой друзей, сразу же после получения аттестата о среднем образовании уехала от родителей и посещала их все реже. Мои родители реагировали на это более чем патетически. Их любимым выражением было: "Кровь гуще воды". Другими словами, это означает, что спаянность в семье должна быть сильнее любой дружбы вне ее. Родители при этом забывали, что вынужденная близость к ним скорее гнала меня из дома, а не удерживала в нем. Родителям казалось, например, неслыханным, что их не пригласили на день рождения к моей сестре, где были только друзья. Для них так называемая семья должна быть важнее, чем любая иная привязанность вне ее. Вряд ли можно поверить, что годами я ломала голову, размышляя обо всем этом. Но я не сдавалась и ушла.

Все, что они мне говорили, я воспринимала очень серьезно. И годами этому верила. Но все эти навязываемые теплота, близость, разговоры о сплоченности семьи были, в конце концов, лишь суммой предписаний и норм. В действительности ничего подобного не существовало.

Мать всегда говорила о том, что надо быть хорошим человеком и что в хорошем человеке нет ничего злого — вот так все просто. В ее глазах отца были одни только плохие стороны, никаких добрых. Но, несмотря на постоянные взаимоскорбения, они до сегодняшнего дня живут вместе. В своем тесном мирке они ведут себя как семья, хотя ничего, кроме презрения друг к другу, в них не осталось.

Меня они воспитывали хорошей девочкой. Благородной, всегда готовой помочь и доброй. Никакой злобы, никакого раздражения, никакой разгневанности и — отсутствие сопротивления всему, что исходит от родителей.

Но не всегда было так. Маленьким ребенком я была фурией, позже стала доброй феей. Сначала я была вспыльчивой, неистовой, постоянно топала но-

гами, всегда была в полной боевой готовности. Потом, в году шестидесятом, в то время, когда я узнала о прошлом своего отца, все изменилось. Лет в 14 я стала совершенно спокойной, милой и послушной. Всегда только смеялась, желала быть доброй феей. Это были те роли, которые я, ребенком, играла с наибольшим удовольствием. Десяти лет, в школе, была ведьмой, а пятнадцатилетней, в гимназии, — всегда милая фея. Чем старше я становилась, тем сильнее хотела всем доказать, как я добра и мила. Старалась не допускать никакой раздражительности. Часто так бывает и теперь, хотя внешне я этого не показываю.

Порядочный человек никогда не произнесет ни одного громкого слова и не скажет "нет", если его что-то раздражает. Так я воспитана. И эта дрессировка продолжает действовать. Это был роковой момент, после которого я перестала защищаться. Одним ударом были сломлены моя воля и "хребет". Мать неизменно бывала разочарована, когда я была в ярости. На следующий день она меня прощала. Она говорила, что забывает о том, что я была такой злой. Двойное мучение.

Обнаружение прошлого моего отца, годами длящийся обман, понимание того, что отец не был таким милым и добрым, каким я его считала, одновременно были концом моей самостоятельности. Неожиданно я сама тогда изменилась. Стала застенчивой и

пугливой. Много плакала. Часто заходила тогда в подвал, садилась на ящик из-под картофеля и накрывала на себя старую шинель моего отца. Я оставалась там до тех пор, пока не могла увидеть в маленьком зеркале, в которое часто заглядывала, что мои глаза уже не красные и что больше нельзя догадаться о том, что я плакала. И теперь мне все еще трудно сказать, что я хочу и чего не хочу. Многие передалось мне от моих родителей.

Самая большая трудность для меня, несмотря на прошлое моих родителей, не стать такой, какими были они. Я вижу в себе их частичку. Но стать другой, новой я смогу только тогда, когда перестану видеть в моих родителях только жертвы. Я сама рассматриваю себя как жертву их воспитания и их прошлого. Но с того времени, когда я перестала считать своих родителей жертвами, стало возможным отделиться от них. Исходя из исторических сведений и сообщений, содержащихся в фильмах и книгах, они представлялись мне преступниками. Но как их ребенок я вижу и нечто иное. Они были беженцами, жили в страхе, не имели денег и жилья. Так преступники не выглядят! Они чувствовали себя жертвами, и я всегда видела в них только жертв. Пока я не поняла, что я сама их жертва. Но теперь я знаю, что во мне тоже есть нечто от их преступности. Только я подхожу к этому по-другому. Сегодня это лучшее в моей жизни.

Москва

Цыгане в лагере Бельзец.

ФОТОАРХИВ МУЗЕЯ ХОЛОКОСТА (США)

Сергей ПЛЮЩЕНКОВ

АнгарЛАГ (“Ангарстрой”)

Строительство №120 НКВД СССР: организационный момент.

В разгар Великой Отечественной войны Государственный Комитет Обороны принял постановление “О строительстве железнодорожной линии Комсомольск — Советская Гавань”, предписывающее НКВД СССР сдать ее в эксплуатацию в 1945 году.

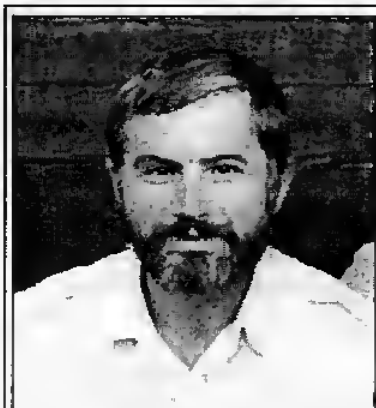
Столь сжатые сроки сооружения магистрали в труднодоступных горно-таежных районах были обусловлены военно-стратегической необходимостью. На дальневосточных рубежах вполне реальным было столкновение с Японией. Несмотря на невероятные трудности, Управление строительства № 500 справилось с поставленной задачей и в конце 1946 года новая рельсовая дорога была включена в состав общесоюзной транспортной сети.

На повестку дня встал вопрос о форсировании строительно-монтажных работ на западном участке БАМа, временно законсервированном. ГКО своим постановлением от 30.08.1945 года “О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали” обязал НКВД СССР приступить с 1946 года к строительству БАМа от станции Тайшет до Советской Гавани. Новая стройка получила порядковый номер — 120.

Для обеспечения работ в Иркутскую область было откомандировано 6000 офицеров инженерно-технической, интендантской и административной служб, в распоряжении которых находилось свыше 50 тысяч военнопленных японцев. В декабре 1945 года первая партия военнопленных прибыла в Братск на автомобилях по Тулуноскому тракту для возведения жилья и административных зданий управленческого городка, через три года перебазировавшегося в Заярск-1.

В апреле 1947 года с Дальнего Востока прибыло ядро командного состава строительства № 120, в том числе начальник М. В. Филимонов и главный инженер Н. А. Мирзоев. Последний проработал в “Ангарстрое” не один десяток лет и оставил о себе добрую память как высококвалифицированный специалист, талантливый организатор и просто незаурядный и порядочный человек.

Как и на Дальнем Востоке, колонны — основные структурно-производственные единицы АнгарЛАГа — располагались в глухой малообжитой местности. Они представляли из себя “раскорчеванные от леса площадки, огороженные частоколом-забором. Никаких бараков, палаток, тем более кухонь, пекарен, амбулаторий, бань и прочих

Сергей Плющенко.
ФОТО ИЗ АРХИВА “КАРТЫ”

помещений, крайне необходимых людям, не было”. Все это предстояло построить самим заключенным.

Кроме инженерно-технического персонала с Восточного строительства были переправлены техника, инвентарь и необходимое оборудование, что позволило обойтись без неизбежных в любом большом деле организационных издержек и потерь времени.

Уже с весны 1947 года началось строительство железнодорожной магистрали Тайшет — Лена на территории Заярского района. К 25 ноября 1950 года была завершена укладка главного пути на участке Братск — Усть-Кут. Высокие

темпы работ объясняются прежде всего использованием богатого опыта стройки № 500 и удовлетворительной обеспеченностью материально-технической базы Управления Ангарского строительства. Ведь низкий уровень технического оснащения новостроек был нормой для Советского Союза в 30-х — 50-х годах, об этом не следует забывать.

За время своего существования АнгарЛАГ носил следующие наименования:

— с февраля 1947 г. по июнь 1948 г. — Управление Ангарского ИТА Западного Управления Байкало-Амурской железнодорожной магистрали ГУЛЖДС МВД СССР;

— с июня 1948 г. по март 1953 г. — Управление Ангарского ИТА ГУЛЖДС МВД СССР;

— с апреля 1953 г. по август 1954 г. — Управление Ангарского строительства “Ангарстрой” ГУЖДС Дальнего Востока и Сибири МПС СССР;

— с августа 1954 г. по июль 1957 г. — Управление Ангарского строительства “Ангарстрой” ГУЖДС Востока и Сибири Минтрасстроя;

— с июля 1957 г. по март 1963 г. — Управление Ангарского строительства ГУЖДС Урала и Сибири Минтрасстроя;

— с марта 1963 г. по 1964 г. — Управление Ангарского строительства ГУЖДС Урала и Сибири государственного производственного Комитета по транспортному строительству СССР.

Почтовый адрес — п/я “ВП — 120”.

Историческая справка по “Ангарстрою” была напечатана в “Карте” № 7-8.

(Сергей Плющенко “Западный БАМ: факты без комментариев”, стр. 23 — 24).

Расположение колонн АнгарЛАГа вдоль трассы Братск — Лена

3 отделение				
№ ко-лонн	место нахо-ждения (км)	специа-лизация	списо-чный состав	в том числе з/к
	293	лазарет "Анзеби"	455	439
	317	штаб отделения.	871	
301	309	лесозаготовка	286	275
308	316	автобаза	164	150
310	316	строительн.	634	621
	316	лазарет	409	385
304	318	строительн.	410	403
305	325	земработы	187	181
306	326	строительн.	475	467
314	357	строительн.	561	554
316	371	земработы	546	538
318	503	строит. моста	316	310
407	377	пересыльная	406	402
408	383	земработы ПГС		
409	385	строительн.	519	509
411	388	подсобные произв.	418	409
	380	центр. пошивочн. мастерские	307	302
	380	центр. больница	546	512
Итого:			7510	6457

лесозаготовительное отделение				
№ ко-лонн	место нахож-дения (км)	специа-лизация	списо-чный состав	в том числе з/к
41	357	лесозаго-товки и лесопиление	456	445
42	380	лесошпало-пиление	435	420
44	382	лесозаго-товки	532	519
45	395	лесозаго-товки	601	591
46	652	лесопиление	569	556
47	648	лесопиление	465	461
	382	кирпичный з-д	326	322
а/б	395	автовывозка	73	60
	395	штаб отделения	342	
Итого:			3799	3374
ОЖДТ				
4	318	экспл. ж/д	184	181
5	381	экспл. ж/д	322	313
3	385	учкомбинат	55	55
6	502	экспл. ж/д	315	306
	385	2-й р-н ОЖДТ	758	
	385	3-й р-н ОЖДТ	333	
	385	аппарат ОЖДТ	51	
Итого:			2018	855

2 отделение				
№ ко- лонн	место нахож- дения (км)	специали- зация	списо- чный состав	в том числе з/к
201	390	земработы ПГС	382	376
202	396	земработы	378	369
203	402	земработы	348	342
204	408	земработы	432	427
206	416	Дом младенца	188	183
207	422	земработы	493	485
208	425	лесная	197	190
	428	лазарет	374	357
а/6	428	земработы ПГС	458	453
210	431	земработы ИССО	469	464
211	435	земработы	429	423
218	481	земработы	547	540
	481	связь	57	33
	481	ОВПК	37	32
	481	ВСО	290	
	481	ЛП-2	345	291
	481	штаб отдсл.	275	
Итого:			5788	5044

5 отделение				
№ ко- лонн	место нахож- дения (км)	специали- зация	списо- чный состав	в том числе з/к
504	489	земработы	743	735
505	497	земработы	157	143
507	505	земработы	884	872
509	510	лесозаго- товки	460	447
510	505	земработы	457	450
511	511	земработы	333	328
512	517	земработы	415	410
513	523	земработы	567	561
516	531	земработы	498	490
517	539	земработы	364	358
518	543	земработы	671	663
519	558	земработы	613	606
520	562	земработы	651	645
521	568	земработы	461	457
	504	лазарет	632	603
	504	штаб отдсл.	231	
	504	ВСО	529	
а/6	505	автопере- возки	182	168
	505	содержание пути	261	237
Итого:			9109	8173

Карта-схема АнгарЛАГа составлена С. К. Плющенко по результатам личных изысканий в архиве "Ангарстроя" (г. Братск). В 1992 году эта карта-схема, соединенная с картой ОзерЛАГа, созданной Л. С. Мухиным (г. Усолье-Сибирское), была выставлена в Братском музее политсылки. В сентябре 1996 года карта-схема АнгарЛАГа экспонировалась в рамках выставки "Заложники времени" (ГУЛАГ) в г. Железногорске (Иркутская область).

Работа над проектом "Карта ГУЛАГа" продолжается. Редакция журнала просит региональные отделения "Мемориала" и всех читателей, интересующихся данной темой, присылать свои критические замечания к опубликованным материалам ("Карта" №№ 10-11, 12, 13-14), а также свою информацию и карты для возможной публикации.

1 отделение				
№ ко-лонн	место нахо-ждения (км)	специализация	списочный состав	в том числе з/к
101	581	земработы	628	618
103	590	земработы	422	418
104	598	земработы	767	760
105	600	штабная	628	619
	600	пост. связь	44	40
106	605	земработы	496	491
107	597	земработы	622	599
108	611	земработы	604	599
109	616	земработы	505	497
110	624	земработы	458	449
111	574	земработы	567	560
112	627	земляная	474	470
113	637	земляная	453	450
114	644	земляная	555	550
115	652	земляная	247	242
116	658	земляная	575	572
117	631	земляная	443	437
118	665	земляная	351	342
	665	штаб отдел.	1036	489
	665	содержание пути	247	237
Итого:			10143	9456

4 отделение				
№ ко-лонн	место нахо-ждения (км)	специализация	списочный состав	в том числе з/к
407	377/ 697	штабная-строительная	1266	1260
409	383/ 672	лесная	648	638
410	682	земработы	508	504
411	686	земработы	577	570
412	692	строительная	334	332
413	699	строительная	950	942
414	695	лесная	250	246
415	696	договорные раб.	299	294
416	699	договорные раб.	6 (?)	?
а/б	698	автоперевозк	254	249
	698	лазарет	432	430
	698	ВСО	268	
	698	штаб отделения	244	
Итого:			6033	5465

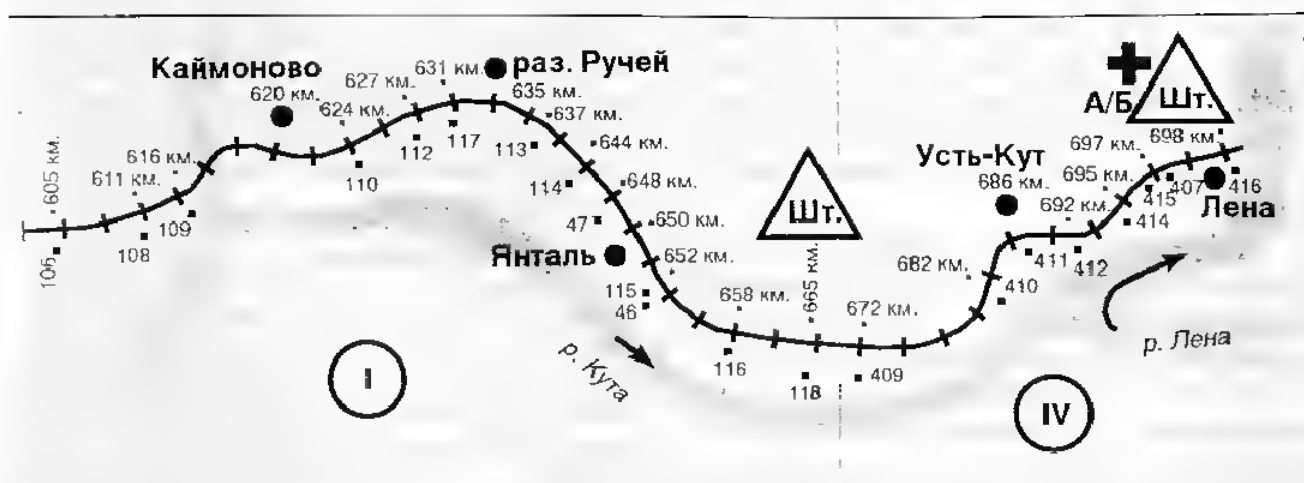
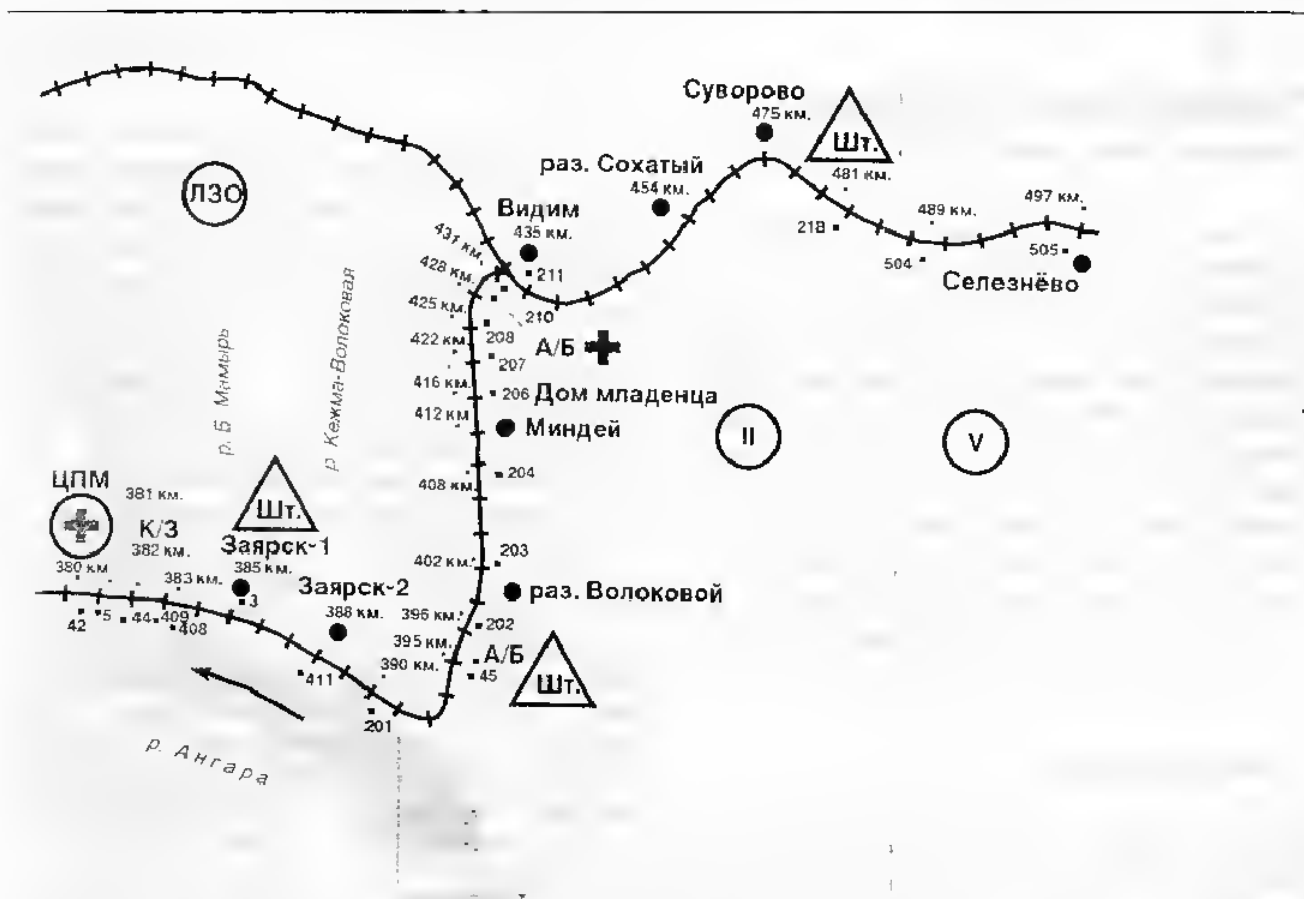
Всего з/к: 59981 чел.

Сокращения:

а/б — автомобильный батальон
 ЛЗО — лесозаготовительное отделение
 ПГС — промышленное и гражданское строительство
 ИССО — искусственные сооружения
 ОВПК — ?
 ВСО — ?
 ЛП-2 — лагпункт №2
 ОЖДТ — отдел ж/д транспорта

Отсчет километража ведется от ст. Тайшет (нулевой км). Местонахождение колонн дано по состоянию на конец 1950 г. Все данные взяты из Объяснительной записки к бухгалтерскому отчету за 1950 год, хранящейся в Братском филиале госархива Иркутской области (ф. 148, оп. 1, ед. 21, л. 20-24).

Условные обозначения

- штаб "Ангарстрога"
- штаб лаготделения
- центральная больница
- лазарет
- номер и границы лаготделения

М 1:7000000
(1см — 7 км)

- номер колонны — ■ 511
- расстояние от Тайшета — ■ 385 км
- кирпичный завод — К/З
- автомобильный батальон — А/Б
- центральные пошивочные мастерские — ЦПМ
- лесозаготовительное отделение — ЛЗО
- станция, разъезд — ●
- железная дорога Братск — Лена — ++++

Иван СИДОРОВ

"Химическая" история: трагедия в Свердловске (18 лет спустя)

Авария, сопровождавшаяся выбросом на город бактериологического оружия, случилась в апреле 1979 года в 19-м военном городке, расположенном в Чкаловском районе Свердловска (нынешний Екатеринбург). Так назывался секретный микробиологический центр Министерства обороны Советского Союза (в/ч № 47051), где в советские времена производилась разработка и опытное производство бактериологического оружия. Однако, ни в одной публикации, посвященной этой трагедии, не был дан серьезный и правдивый анализ происшедшего. И сегодня 19-й военный городок Екатеринбурга является особо секретным объектом Министерства обороны России.

Адская кухня

Военный городок № 19 располагается в южной части Екатеринбурга. Его территория занимает площадь 200 га и разделяется на три участка: жилой сектор (А), "предзона" (В) и "рабочая зона" (С). В "предзоне" расположена инфраструктура, обеспечивающая необходимые условия производства и надлежащий режим секретности. Производство бактериологического оружия находилось в зоне "С", глубоко под землей, и на аэрофотоснимках и со спутников не обнаруживалось.

К югу и юго-востоку от военного городка № 19 располагаются жилой массив "Вторчермет" и военный городок № 32 (танковые войска и артиллерия). Два военных объекта соединены подземным тоннелем.

В зоне "С" производилось выращивание искусственных патогенных микроорганизмов. Продолжительность рабочего дня составляла не более 4-х часов. Те, кто был непосредственно занят в опытных исследованиях в зоне "С", перед работой проходил в "предзоне" санитарно-гигиеническую обработку, чтобы обеспечить чистоту атмосферы. После работы они опять подвергались обработке в "предзоне", их одежда изымалась из обращения и сжигалась.

В 1970-е годы — впервые — советские военные микробиологи в Свердловске разработали принципиально новый вид биологического оружия, способный уничтожать живую силу противника по половому признаку. Внешне полученные ими патогенные

микроорганизмы напоминали вирус возбудителя "сибирской язвы", но фактически они таковыми не являлись.

Были выращены патогенные штаммы вирусов неизвестного заболевания, которое убивало мужчин в расцвете сил — от 17 до 35-40 лет. Эти вирусы, являясь паразитами, переносились палочковидными бактериями-возбудителями сибирской язвы *Bacillus anthracis*. Они передавались аэрогенным путем во взвешенном состоянии, были устойчивы в широком диапазоне температур воздуха и при попадании в организм демонстрировали внешние признаки и симптомы заболевания "сибирской язвой". По морфологическим признакам их диагностировали как *Bacillus anthracis*, но по специфическим реакциям на рост, размножение, питание у экспертов всегда возникали сомнения в правильности постановки диагноза. В этом нет ничего удивительного, так как правильный диагноз заболевания мог поставить только тот военный ученый, который занимался разработкой этого нового способа убийства человека. Да и клиническая диагностика за пределами 19-го военного городка была просто невозможна: новые вирусы были выращены по механизму трансдукции, когда вирусная и бактериальная ДНК образуют двухцепочную структуру.

Открытия военных микробиологов были глубоко засекречены и до, и после подписания в 1972 году и ратификации в 1975 году Советским Союзом Конвенции о запрещении разработки и производства биологического и токсинного оружия. События 1979 года и последовавшая затем волна вранья и спекуляций заставляют вновь вернуться к прошлому. И поставить вопросы в настоящем.

Черный апрель

В ночь с 3 на 4 апреля 1979 года через одну из вытяжных систем бактериологической лаборатории зоны "С" произошел аварийный выброс микробиологического "облака". Оно состояло из взвешенных частиц, содержащих штаммы патогенных вирусов неизвестной болезни. Был северный ветер, и облако аэрозоля в считанные часы накрыло территорию военного городка № 32, жилого массива "Вторчермет" и поселка Керамического завода.

Так один из районов Свердловска в одночасье превратился в испытательный полигон Министерства обороны СССР. На всю мощь заработало сексобиоизбирательное бактериологическое оружие Советского Союза.

Уже днем 4 апреля появились первые больные и умершие, прежде всего, среди ночной смены рабочих Керамического завода. А начиная с 5 апреля, включая май и даже июнь, в районе аварии умирало ежедневно

по 5-10 человек. Смерть косила исключительно мужчин в возрасте от 16 до 35 лет. В том числе и военных из городка № 32, о чем в городе не знали.

Впоследствии начали умирать также женщины и даже целые семьи.

Тем временем и днем и ночью проводилась санация зараженной территории. Убирались остатки снега, верхний слой почвы, бытовые отходы. Обрабатывались и мылись крыши и стены домов, поверхность асфальта улиц и дорог. К сожалению, появление в атмосфере новых порций аэрозоля вызывало вспышки новых смертей.

Бытовые отходы и снег, силами гражданских лиц, вывозились на действовавшую в то время Сидельниковскую свалку (ныне она заброшена и всеми забыта). Почва, силами военных, захоранивалась в окрестностях пос. Рудный. Несомненно, от инфекции гибли и животные, которые, как правило, попадали в бытовые отходы и вывозились на свалку.

Умерших представителей *Ното сарпиенс* хоронили в специальной защитной пленке в 15-м секторе Восточного кладбища. В братской могиле.

Пресса и КГБ

Первые публикации в газетах появились на десятый день после аварии, когда погибло уже несколько десятков людей. Врачи и эпидемиологи рекомендовали соблюдать осторожность и беречь себя от заражения "сибирской язвой" от больных животных — коров, овец, свиней.

Врач А. Иванова со страниц газеты оповещала всех, что "весна — трудное время года, особенно для животных, у которых организм после зимовки ослаблен и подвержен инфекциям" ("Вечерний Свердловск", 17.04.1979 г.). Врач В. М. Попугайло (он был в то время начальником отдела особо опасных инфекций — военным эпидемиологом в городке № 19, знавшим истинные причины трагедии) также сваливал все на неблагоприятные погодные условия и несчастную ослабевшую скотину ("Уральский рабочий", 13.04.1979 г.). Остальные газеты бубнили о том же. Все выполняли директиву Свердловского областного комитета партии (его возглавлял в то время нынешний Президент России Б. Н. Ельцин) о том, что распространение инфекции произошло от дохлой коровы, зараженной "сибирской язвой".

Не отставала и машина КГБ. В Чкаловском районе их представители обошли каждую квартиру, где брали подписку о неразглашении того, что произошло.

Завеса секретности начала приоткрываться лишь в 1990 году. Так, в газете "Вечерний Свердловск" (25 октября 1990 г.) приводилось мнение упоминавшегося военного эпидемиолога В. М. Попугайло о том, что причиной массовой гибели людей послужили патогенные микробы искусственного происхождения.

Он назвал точный адрес — тот самый 19-й городок.

Любопытно выглядит и "признание" Б. Н. Ельцина, который "абсолютно честно о существовании военного бактериологического центра ничего не знал". По его же заверению, впоследствии "адская кухня" была выведена из Свердловска. Куда?

В 1990 году в 19-м военном городке работала парламентская комиссия. Выводы комиссии опубликованы не были.

Итоги

Общие потери от случайного, но от этого не менее чудовищного эксперимента воздействия нового бактериологического оружия на живых людей не оценены до сих пор. Официальная цифра погибших в 1979 году — 64 человека, на наш взгляд, серьезно занижена.

Что обнаружили медики и экологи через 14 лет после аварии? Цитирую документ 1993 года: "Микробиологическое загрязнение воздуха и почвы вокруг предприятия превышает фон в 20-80 тысяч (!) раз". Другая цитата: "Из всех классов патологических состояний у детей существенно выше, чем в контроле, были болезни костно-мышечной системы (85 чел./1000 против 35,5/1000), болезни лимфатической системы (498,2/1000 против 387,9/1000), болезни сосудистой системы (667,4/1000 против 551,5/1000)".

Таким образом, в районе аварии и сейчас продолжают рождаться дети с различными отклонениями в состоянии здоровья. В частности, патология центральной нервной системы наблюдается более, чем у 80% новорожденных.

Через 17 лет после аварии жилой массив "Вторчермет" стал районом Екатеринбурга с минимальной в городе продолжительностью жизни мужчин — всего 49 (!) лет, что на 20 лет меньше, чем у женщин.

Все это — грозное предупреждение тем, кто лезет в природный микробиологический мир солдатскими сапогами. Хотим мы того или нет, но, по-видимому, вновь рождающиеся поколения несут в себе генетический след "бактериологического Чернобыля".

Вопросы

Ни одно официальное лицо из военно-промышленного комплекса страны так и не признало факт производства в Советском Союзе сексо-избирательной формы бактериологического оружия, запрещенного Международной конвенцией 1972 года. А колючая проволока вокруг военного городка № 19 и строящийся

пропускной режим продолжают порождать вопросы без ответов.

Где, в каком количестве и в каком виде (боеприпасы, кассеты и т.д.) хранилось биологическое оружие?

На каких полигонах и когда производился его испытания?

Каковы характеристики болезни, убивающей только мужчин?

Где на территории 19-го городка или в его окрестностях и в каких условиях хранился и хранятся в настоящее время отходы секретных технологий?

Где гарантия того, что в реальной биотехнологической среде обитания человека искусственные вирусы-убийцы не способны к мутациям и к продолжению существования?

Почему к 19-му военному городку даже близко не подпускают независимых экспертов? И почему прежние экологические экспертизы не дают ответов на вопросы, требующие серьезного анализа?

Кто ответит на вопрос: что происходит в "теле" всеми забытой Сидельниковской свалки и до каких пор она будет открыта для доступа всем желающим?

Эпилог

Узнаем ли мы полную правду о событиях тех лет? Думаю, что нет. Потому что для лиц, имевших высшую форму допуска к секретным работам в военном городке № 19, в обязательстве о неразглашении государственных тайн существовал недвусмысленный пункт о том, что в случае разглашения секретов виновный приговаривается к смерти.

Советского Союза давно уже нет, а "юридическая норма" осталась.

Екатеринбург

От редакции: начиная с 1997 года, 28 апреля в России ежегодно будет проводиться День защиты прав человека при уничтожении химического оружия. В 1974 году, в этот день, при выпуске химического оружия в Чувашии случилась одна из самых опасных катастроф. КГБ сделал все, чтобы мы не узнали о ее последствиях...

Артур ЯШИН

Марфа и Саша

Уважаемая редакция!

В материале "Громежка", напечатанном в "Карте" № 10-11, упоминается Саша Герд — поволжский немец — из деревни Копи. (Милославский район

Рязанской области — прим. ред.). Меня заинтересовала не совсем обычная судьба этого человека, о которой я был слышал еще в детстве. Летом 1996 года я предпринял поездку в эту деревню.

Прямо на окраине я познакомился с местным жителем, ветераном войны, инвалидом А. П. Лукиным. Он хорошо помнит Сашу и сообщил, что знает его по фамилии Руди. А фамилия Герд принадлежала его замужней сестре Кате. Итак, речь пойдет о Руде Александре Карловиче, 1918 года рождения. Лукин сообщил также, что в Копях до сей поры живет бывшая невеста Саши — Марфа Трофимовна Моисеева (по мужу — Проданчук), и проводил меня к ней.

Марфа Трофимовна встретила меня на пороге своего деревенского дома и на мой вопрос, знала ли она Сашу Руди, ответила: "Я была его невестой и никогда его не забывала". И пригласила войти. У Марфы Трофимовны оказалась отличная память, и мы долго беседовали о ее любимом человеке, сплывшем в недрах ГУЛАГа. Вот что она рассказала.

Саша приехал на станцию Топиллы с матерью и замужней сестрой, имевшей двоих ребятшек. Приезд этот был вызван голодом в Поволжье в 1933 году. В соседнем с Топиллами совхозе "Большевик" (4 км) селились многие поволжские немцы. В большинстве своем они жили в землянках. Саша со своими близкими на станции тоже жил в землянке. Саша и его сестра с мужем трудились в "Заготзерне" рабочими. В 1937 году его призвали в Красную Армию. К началу войны он имел командирское звание. В сентябре 1941 г. его направили на службу в Чернавский райвоенкомат (поволжских немцев на фронт не посылали). К этому времени мать Саши переселилась в д. Копи, и он почти каждый день ездил из Черnavы в Копи на лошади с повозкой, выделенной ему военкоматом.

В конце ноября 1941 года проводилась эвакуация административно-хозяйственных учреждений Черnavы, но Александр задержался с выездом к указанному месту сбора, так как выпал снег, ударили морозы, а у него не было ни валенок, ни теплого белья, ни хорошей верхней одежды. Валенки он приобрел, а заказанный полушубок надо было ждать два-три дня. Но здесь в его планы вмешалась война.

К этому времени передовые подразделения немецких частей вторглись в пределы Чернавского района. Четыре мотоциклиста, ехавших со станции Павелец-I на ст. Милославское (расстояние между

ними 27 км), захватили в качестве проводника жителя ст. Топиллы Ивана Жарикова. Не зная языка, он все-таки как-то сумел объяснить им, что дорогу знает плохо, но что недалеко, всего в двух километрах, есть хороший проводник и переводчик из советских немцев. Предатель привел мотоциклистов к дому Руди и был отпущен. Пленного Александра гитлеровцы увезли в Милославское. Через сутки они вернулись в Копи, чтобы запастись в деревне продовольствием, а также веревками и вожжами для буксировки мотоциклов. Взяли необходимое и уехали.

И остался Саша для Марфы увезенным в неизвестность... А ее, тем временем, мобилизовали работать на шахту "1-я Топильская", что в шести километрах от Копей. Там непосредственный начальник поставил ей условие: или выходишь за меня замуж, или пойдешь на фронт. Родители посоветовали дочери смириться, и она обрела фамилию Проданчук. Вскоре нелюбимый муж был сам отправлен на фронт, где и погиб. Осталась Марфа Трофимовна бездетной вдовой.

Александр Руди объявился в Копях неожиданно, в 1949 году. Встреча была радостной и обещала молодым людям счастье, они начали готовиться к свадьбе. Саша рассказал, что тогда, в ноябре 1941 года, в Скопине он бежал от гитлеровцев, но был ранен. В конечном итоге всех военных потрясений он оказался в США. Там работал шофером у бизнесмена, материально жил очень хорошо, но все время глодала тоска по Родине. Очень хотелось вернуться к близким людям и к невесте. Уговоры американцев не возвращаться в СССР остались бесплодными. Позади остался долгий путь из Америки. Пройдено было несколько проверочных комиссий органов безопасности, давших, казалось бы, гарантию на свободную жизнь. И вот он дома, а сестры и матери нет — высланы в Сибирь в 1942 году.

Через трое суток по возвращении в Копи Саша был арестован по доносу Зинаиды Дьяконовой, супруги командира истребительного отряда А. Дьяконова, о котором я писал в "Громежке". Дьяконова написала, что он был пособником немецких оккупантов. На самом же деле мотивом доноса была корысть: она польстилась на ценные вещи, которые Саша оставил у нее на временное хранение, отправляясь со станции Топиллы к своей Марфе. (Вещи А. Руди — подарки для близких — у З. Дьяконовой были органами МГБ изъяты).

Александра поместили в Чернавскую КПЗ. Через сутки после ареста Марфа принесла своему

любимому передачу. Дежурный по РО НКВД сказал: "Прием передач для Руди будет зависеть от его поведения на следствии", и отказался ее принять.

Двадцать километров от Черnavы до Копей Марфа шла пешком с матерью, Тамарой Яшиной, и поделилась с ней своим горем. А мама в тот день видела случайно Сашу, сидевше-

Марфа Трофимовна Моисеева-Проданчук.

ФОТО ИЗ АРХИВА А. ЯШИНА

го в приемной начальника РО под охраной милиционера, и даже обратила внимание на его иностранную военную форму. Милиционер запретил им разговаривать друг с другом. И они смогли лишь обменяться взглядами понимания и сочувствия.

Через день Марфа вновь пришла с передачей. На сей раз взяли, а саму ее допросил следователь Степан Панищев. Он угрожал ей арестом и судом за связь с "врагом народа". Марфа Трофимовна дала ему мужественный отпор и разъяснила обстоятельства предательства Ивана Жарикова по отношению к А. Руди в 1941 году.

Через неделю Александра отправили в Рязань. А через месяц знакомый сотрудник Чернавского райотдела тайно передал Марфе записку от Сашки. Он писал: "Я невиновен. Верю, что проверка будет в мою пользу. Благодарю за передачу тебя, мать, отца. Вернусь и будем счастливо жить вместе".

Не вернулся Александр Руди... Прошло 50 лет. Никому неизвестен результат той "проверки". Никому неизвестен приговор, вынесенный сталинским режимом доброму, честному молодому человеку в возрасте 30 лет. Также осталась в неизвестности судьба его матери и семьи сестры Катерины.

Рязань

Human Rights Online

4 февраля 1997 года в своем докладе "О состоянии США" перед Конгрессом президент Билл Клинтон призвал граждан страны к наиболее полному использованию информационных технологий. Получение американцами хорошего образования является залогом успешного развития страны в новом тысячелетии. "Каждый восьмилетний ребенок, — сказал президент, — должен уметь читать, каждый двенадцатилетний — пользоваться Internet. Необходимо продолжить работу по обеспечению доступа в Internet школьников, начать эту работу в больницах, в первую очередь, — детских. Надо дать каждому возможность учиться и обмениваться опытом с другими, независимо от места жительства, языка и возраста. В качестве цели на ближайшее десятилетие президент обозначил создание всемирной системы образования.

Доклад "О состоянии США" впервые за всю историю страны передавался в сети Internet в реальном времени.

Сегодня глобальная компьютерная сеть Internet охватывает более 9 миллионов компьютеров в большинстве стран мира. В развитых государствах компьютерные сети широко используются в области науки, образования, культуры, медицины, бизнеса, отдыха и развлечений. Интенсивно работают с ресурсами сети НПО. Постепенно Internet развивается и у нас в России, захватывая умы прогрессивно мыслящих лидеров общественных организаций. Хотя рост сообщества Internet сдерживается множеством факторов, унаследованных от прежнего тоталитарного режима, выгода от использования мирового информационного пространства становится ясной уже сегодня.

Human Rights Online ("Хьюман Райтс Онлайн") — новый межрегиональный проект, разработанный и реализуемый группой активистов правозащитных организаций разных регионов России. Это собрание русскоязычных материалов, посвященных правам человека. В отличие от обычных источников информации — книг, брошюр, бюллетеней или списков — Human Rights Online существует в так называемой "всемирной паутине" (World Wide Web или WWW). "Паутина" является частью глобальной компьютерной сети Internet. Многие организации и частные лица содержат на этих компьютерах свои материалы, которые доступны всем пользователям Internet и называются "домашними страничками" (homepages). Совокупность таких страничек, разрабатываемая одним автором и посвященная какой-либо теме, называется "сайтом" (site). Human Rights Online — один из таких сайтов. Буквально Human Rights Online означает "Права человека на линии". Это значит, что материалы находятся в сети; вы можете установить связь с Internet, прочитать их в любое время и использовать в дальнейшей работе без каких-либо ограничений.

Адрес Human Rights Online — <http://www.glasnet.ru/~hronline>

Сегодня Human Rights Online содержит различную информацию на русском языке, посвященную правам человека: данные о работе российских правозащитников, методики работы, законодательные акты и комментарии к ним, рассказы о новых проектах, правозащитные издания и многое другое. Мы рассчитываем, что читателями "Human Rights Online" станут юристы, преподаватели, потенциальные спонсоры и все, кто каким-либо образом заинтересован проблемами прав человека. Но, безусловно, главные потребители информации — российские правозащитники.

Работа по организации правозащитной странички в Internet началась в июне 1996 г. совместно сотрудниками рязанского Центра "Карта"/Рязанского отделения общества "Мемориал" и проекта "Информационная правозащитная сеть" (дирекция Московского исследовательского Центра по правам человека). В то время правозащитные организации были представлены в Сети очень слабо. И хотя идеи более эффективного использования информационного пространства Internet высказывались лидерами правозащитных организаций не раз, целенаправленная работа в этом направлении не проводилась. Human Rights Online — первая совместная инициатива региональных российских правозащитников по освоению Internet. Проект осуществляется при поддержке Правительства Швейцарии и содействии Ассоциации "Дорога Свободы", Правозащитного Фонда "За гражданское общество" и Фонда Форда.

Проект Human Rights Online (в отличие от многих других правозащитных программ) не ограничен рамками одной организации — он межрегиональный. Заинтересованные лица и группы могут подключиться к работе на любом этапе. Например, вы можете предоставить информацию о своей работе для размещения на Human Rights Online, как это уже сделали несколько других организаций (в их числе: Фонд "Право Матери", Центр содействия реформе уголовного правосудия, Екатеринбургское общество "Мемориал", Антимилитаристская радикальная ассоциация и другие). И конечно, мы будем рады узнать о ваших впечатлениях от Human Rights Online.

Human Rights Online - Microsoft Internet Explorer

Назад Поиск Стоп Обновить Основная страница Поиск Избранное Печать Шрифт Почта События

Адрес <http://www.glasnet.ru/~hronline>

HUMAN RIGHTS ONLINE

Самая полная информация о ситуации в области прав человека в России на русском языке

- Правозащитники Краснодарского края
В рубрике "Правозащитники" - рассказ о Краснодарской краевой Ассоциации по защите прав человека, одной из самых активных и авторитетных правозащитных организаций страны.
- В защиту кубинских диссидентов
Free Cuba Foundation и "Правозащитная сеть" обращаются к вам с просьбой поддержать кампанию в защиту Armando Alonso Romero - активиста-правозащитника, арестованного кубинской секретной полицией в 1993 г. и приговоренного к 12 годам тюрьмы за сбор фактов о нарушениях прав человека на Кубе. Отправьте электронное письмо - сделайте свой вклад в борьбу за освобождение политических узников!
- Правозащитники и Комиссия по правам человека
В последнее время развернулась широкая дискуссия о перспективах сотрудничества "общественных" активистов и "официальных" правозащитников. Насколько сотрудничество с государством необходимо региональным правозащитным группам? Каковы могут быть формы такого сотрудничества? Отвечает ли сегодняшняя Комиссия по правам человека при Президенте РФ ожиданиям региональных активистов? Эти и другие вопросы - на Human Rights Online.

Нет большего бедствия для нации, чем то, которое следует за безразличной покорностью неправде и несправедливости.
С. Кутипленд

Посетите нашего спонсора ff
<http://www.fordfound.org>

Правозащитники | Методики | Документы
 Издания | Акции | О проекте

На наших страничках используются фреймы (frames).
 Лучше смотреть их с помощью Netscape Navigator 2.0+ или MS Internet Explorer 3.0+
 © 1996, 1997 "Правозащитная сеть".

За дополнительной информацией о проекте Human Rights Online и о Межрегиональной Группе Правозащитная Сеть обращайтесь к руководителям проекта Human Rights Online Сергею Смирнову или Андрею Блинушову по телефону/факсу (095)206-05-82 в Москве, (0912)77-51-17 в Рязани; e-mail hronline@glasnet.ru

Из глубины души
дней былых, тем когда-то,
чем больше музыка льется,
тем больше радости приносит...